

РЕШЕРТУАРЪ

РУССКАГО

И

ПАМЯТНИКЪ

ВСѢХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ РЪН

ТЕАТРОВЪ,

НА 1842 ГОДЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

И. Песоцкимъ

и книгопродавцемъ В. Полаковымъ.

XVIII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

1842.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФИИ И. ПЕВНИ

РЕШЕНЫ

ТАКЪ

НА

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, 14-го Сентября, 1842 года.

Ценсоръ: П. Корсаковъ.

Изданъ въ 1842 году

Въ Санктпетербургѣ

въ Типографіи Н. Греча

и въ книжномъ магазинѣ В. Станковича

XVII

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1842

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ГРЕЧА.

I. ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

ТРИ ЗВЪЗДОЧКИ,

или

УРОКЪ ВЪ ЛЮБВИ И ВЪ АСТРОНОМІИ.

КОМЕДІЯ ВОДЕВИЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

Переводъ съ Французскаго П. А. Каратыгина.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Г. Лаферьеръ.

Амалия, жена его.

Капитанъ Дельмаръ.

Г. Пальто.

Эдуардъ де Мельвиль.

Феликсъ, двоюродный братъ Амалии.

Слуга.

Дѣйствіе въ Булони, на морскихъ ваннахъ.

Театръ представляетъ общую залу съ приличною мебелью, трюмо, столъ, на которомъ ваза съ цвѣтами, и проч.

ЯВЛЕНІЕ I.

Феликсъ (одинокъ).

Спрячу хорошенько мою записку въ букетъ, и поставлю сюда эту вазу. Выходя

изъ своей комнаты, сестрица, вѣрно, найдеть ее. Да, со вчерашняго вечера я увѣрился, что влюбленъ въ нее не на шутку... Мы гуляли по морскому берегу,
Кн. XVIII.—1.

я осмѣлился пожать ей руку... сердце мое чуть не выскочило!.. Я читалъ ей съ чувствомъ стихи Ламартина, изъ четвертой части, которую она мнѣ оставила.... Другъ мой, сказала она, взглянувъ на небо, я выбираю для васъ эту звѣздочку, можетъ быть, мы когда нибудь разлучимся... тогда вы, глядя на нее, вспоминайте обо мнѣ! О! прекрасная моя звѣздочка!.. Я глазъ съ тебя не спущу. (*Подходитъ къ окну.*) Ахъ, я и забылъ, теперь полдень... все равно! давай учить ея любимаго поэта.

ЯВЛЕНІЕ II.

Феликсъ и Амалія (*съ письмомъ въ рукѣ*).

Амалія.

Что это значить? Какую книгу вы такъ цѣлуете?

Феликсъ.

Можете ли вы меня спрашивать, кузина; это та самая, которую вы такъ любите и съ которой я никогда не расстаюсь.

Амалія.

Ахъ, отдайте мнѣ ее, пожалуйста.

Феликсъ.

Нѣтъ, никогда!

Амалія (*въ сторону*).

Эту книгу подарилъ мнѣ Эдуаръ, и если онъ узнаетъ... Повторяю вамъ, что мнѣ ее самой нужно... я разсержусь, если вы не отдадите.

Феликсъ.

Ради Бога, оставьте ее мнѣ... это единственная вещь, которую я отъ васъ получилъ.

Амалія.

Вы дитя, сударь...

Феликсъ.

Все что вамъ угодно, но рѣшительно не отдамъ ея!..

Амалія.

Нечего дѣлать: дѣти всегда упрямы... Позовите сюда, пожалуйста, моего мужа.

Феликсъ.

Сію минуту... я скоро выучу наизусть вашего поэта... его стихи также роскошны и цвѣтисты... какъ этотъ букетъ (*въ сторону*). Она вѣрно догадается. Прощайте, сестрица; ужъ вечеромъ я буду восхищаться... вы знаете чѣмъ... до свиданія, сестрица.

(*уходя напѣваетъ*.)

«Небо чисто, небо ясно!

«Въ небѣ звѣздочка блеститъ!»

ЯВЛЕНІЕ III.

Амалія (*одна*) потомъ Г. Лаферьеръ.

Амалія.

Мнѣ непременно надо объясниться съ мужемъ; онъ не шутя начинаетъ ревновать Эдуарда; но это письмо выведетъ его изъ заблужденія... вотъ и онъ.

Лаферьеръ (*входитъ съ журналомъ*).

Вы меня спрашивали, сударыня... очень радъ... Я и самъ долженъ поговорить съ вами о весьма важномъ дѣлѣ... Гм! — Я начинаю, если вы позволите. (*Начинаетъ бить рукой по журналу.*) Мнѣ, сударыня, 47 лѣтъ... когда я на васъ женился мнѣ было ровно 40, а вамъ 19, стало быть теперь, вамъ...

Амалія.

Помилуйте, что за счеты между нами.

Лаферьеръ.

Извините, я люблю говорить обстоятельно; сдѣлавшись вашимъ мужемъ, я надѣялся, что вы меня искренно любите; но человѣку свойственно ошибаться... и я не имѣлъ удовольствія видѣть того прекраснаго свѣтила, которое называютъ медовымъ мѣсяцемъ.

Н. 1-й.

Въ медовый мѣсяцъ отъ жены
Иной находить, вмѣсто счастья,
Одно затмѣнiе луны —

И непрерывное несчастье.

Не посчастливилось и мнѣ!

И оказалось по справкѣ:

Что я остался при женѣ —

Ни въ службѣ, ни въ отставкѣ!

Амалия.

Что все это значитъ?

Лаферьеръ.

Сейчасъ, сударыня... я буду говорить коротко и ясно. Хотя всякая женщина любить правится, но надо быть осторожной, когда это не нравится ея мужу.

Амалия.

Вы сегодня расположены читать правоученiе.

Лаферьеръ.

Нѣтъ, я вамъ прочту только сегодняшнюю газету... о васъ ужъ начали печатно говорить, сударыня! Вотъ статья о вчерашнемъ концертѣ... послушайте: «Этотъ вечеръ привлекъ все лучшее Булонское общество, и въ томъ числѣ видѣли прекрасную Г-жу Лаферьеръ съ Эдуардомъ де Мельвилемъ.

Амалия.

Что жъ изъ этого?

Лаферьеръ.

А то, сударыня, что человекъ, который не любитъ, чтобъ на него показывали пальцами, не станетъ самъ смотрѣть сквозь пальцы на эти сплетни. Пусть это дѣлаетъ какой нибудь Баронъ Форбахъ, за женой котораго волочится вашъ двоюродный братецъ... а вамъ не мѣшало бы вспомнить, что когда мы были въ Лионѣ, два года тому назадъ...

Амалия.

Я думала, сударь, что не заслужила отъ васъ этого ужаснаго напоминанiя.

Лаферьеръ.

О, я согласенъ, что въ той несчастной исторiи вы ни сколько не виноваты, но

тѣмъ не менѣе намъ должно было оставить этотъ городъ; проклятая дуэль, въ которой я убилъ моего соперника, принудила меня купить помѣстье Лаферьеръ и переименовать свое имя... Я думалъ наконецъ, что всѣ бѣды мои кончились; ничего не бывало... здѣсь опять затѣвается такая же исторiя... Что жъ вамъ хочется, что бъ я купилъ другое помѣстье?... нѣтъ, извините, это больно сердцу и невыгодно карману.

Амалия.

Совершенно согласна, и не вижу въ томъ ни какой надобности.

Лаферьеръ.

Такъ затѣмъ же Эдуардъ не отходитъ отъ васъ?

Амалия.

А! это другое дѣло... это необходимо

Лаферьеръ.

Какъ?

Амалия.

Вы напрасно беспокоитесь... Я вамъ во всемъ признаюсь.

Лаферьеръ.

Сдѣлайте милость.

Амалия.

Вы знаете Изору, мою подругу... ее хотятъ выдать за мужъ за этого Эдуарда... Увѣренная въ моему душевномъ участiи, она открылась мнѣ, что любитъ другаго.

Лаферьеръ.

Ну-съ?

Амалия.

Она умоляла меня удалить Эдуарда изъ Парижа и употребить надъ нимъ власть, по праву старой дружбы.

Лаферьеръ.

Дружбы... (въ сторону) Отъ дружбы до любви одинъ шагъ. (Вслухъ.) Продолжайте сударыня.

Амалия.

Вотъ для чего я прiѣхала сюда, и вотъ наконецъ для чего, не смотря на ваше

подозрѣніе, я старалась его здѣсь удержать.

Лаферьеръ.

Басня хорошо выдуманна, хотя въ ней не видно большой нравственности.

Амалия.

Прочтите же это письмо отъ Изоры.

Лаферьеръ (*читаетъ*).

«Любезная и великодушная Амалия... «Братъ мой пріѣхалъ изъ Алжира, онъ «отправляется къ вамъ въ Булонь, вмѣ- «стѣ съ дядей моего жениха, чтобъ при- «нудить его возвратиться въ Парижъ.... «Если это случится, все пропало, я дол- «жна буду забыть Эрнеста — выйти за «Эдуарда, и это составитъ мое несчастье...» Да, это похоже на правду.... по сказанному, какъ по писанному. Въ такомъ случаѣ, я почти виноватъ и прошу извиненія.... Такъ счастливица зовутъ Эрнестомъ?»

Амалия.

Да, сударь, и узнайте до какой степени вы несправедливы: это Эрнестъ Дюпре, вашъ племянникъ.

Лаферьеръ.

Мой племянникъ?...

Амалия.

Сынъ вашей сестры, которую вы такъ любили. Онъ получитъ за Изорой двадцать тысячъ ливровъ дохода и покровительство министра, ея родственника.... вотъ для чего я тутъ дѣйствовала.

Лаферьеръ.

Моему племяннику двадцать тысячъ ливровъ дохода! и покровительство министра! О! это прекрасно! Я все забываю, дѣло кончено... похлопочите, пожалуйста, чтобъ Эдуардъ остался здѣсь подолбе. И такъ, рѣшено, дуэли не будетъ, а я только послалъ ему вызовъ.... какъ бы это поправить.... вотъ и онъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣже и Эдуардъ.

Эдуардъ.

Она была съ мужемъ. Я пришелъ, сударыня, вамъ откланяться. Дѣла, по которымъ я пріѣхалъ сюда, окончены, и я завтра возвращаюсь въ Парижъ.... если могу быть полезенъ въ чемъ нибудь...

Лаферьеръ (*съ неудовольствіемъ*).

Вотъ тебѣ разъ! Какъ, Г. Эдуардъ, вы въ самомъ дѣлѣ хотите уѣхать?

Эдуардъ (*тихо*).

Я получилъ ваше письмо и хоть сейчасъ къ вашимъ услугамъ.

Лаферьеръ.

Совсѣмъ нѣтъ, мой милый Эдуардъ, это ошибка, недоразумѣніе... Прошу васъ почитать этотъ вызовъ — недѣйствительнымъ.

Эдуардъ (*въ сторону*).

Какая перемѣна!

Лаферьеръ.

Уѣхать! помилюте, что скажутъ наши полубольныя дамы; вы ихъ вгоните въ сумасшедшую, послѣ ни какимъ морскимъ купаньемъ не поправишь... сегодня здѣсь балъ; моя жена была бы въ отчаяніи....

Амалия (*тихо*).

Ради Бога, что вы говорите!

Лаферьеръ.

Нѣтъ, нѣтъ, вы не уѣдете, вы не можете уѣхать. Я самъ не бываю на балахъ, и вы меня замѣните; вы проводите туда мою жену.

Амалия (*въ сторону*).

Что онъ дѣлаетъ! Я ужъ общала Феликсу.

Лаферьеръ.

До свиданія, любезный Эдуардъ! до вечера,

[N. 2.

Вы были общества душой,

Не уѣжайте же отсюда.
Я васъ прошу съ моей женой.

ЭДУАРДЪ.

Да этотъ мужъ морское чудо!

Вмѣстѣ:

ЛАФЕРЬЕРЪ.

И такъ, надѣюсь на васъ,
Что не напрасно я старался,
И вы останетесь у насъ,
А я вашъ другъ на вѣкъ остался.

ЭДУАРДЪ.

Что думать мнѣ на этотъ разъ?
Онъ просто въ дураки попался.
Или жена его нашлась,
Или онъ съ горя потерялся.
(Лаферьеръ съ женою уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

ЭДУАРДЪ (одинъ).

Я не могу прийти въ себя отъ удивленія! Часъ назадъ онъ хотѣлъ со мной драться, а теперь онъ чуть не цѣлуется... Тѣмъ лучше, очень радъ, онъ наконецъ догадался, какъ надо вести себя порядочному мужу... но за то его жена, кажется, не очень довольна моею остановкой.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ЭДУАРДЪ и ФЕЛИКСЪ.

ФЕЛИКСЪ.

Г. Эдуардъ! Г. Эдуардъ вашъ дядюшка, Г. Пальто, сейчасъ вышелъ изъ кареты съ какимъ-то незнакомцемъ.... и они оба идутъ сюда.

ЭДУАРДЪ.

Мой дядя! возможно ли! Не ошиблись ли вы?

ФЕЛИКСЪ.

Вотъ [хорошо! мы съ нимъ старые друзья.... это заслуженный паркетный рыцарь.

ЭДУАРДЪ.

Что это значитъ? зачѣмъ онъ сюда пріѣхалъ?

ФЕЛИКСЪ (въ сторону).

Ахъ! если бъ онъ его увезъ съ собою!

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢЖЕ, Г. ПАЛЬТО и КАПИТАНЪ ДЕЛЬМАРЪ.

ПАЛЬТО.

Вотъ онъ! вотъ онъ!

ЭДУАРДЪ.

Любезный дядюшка!

ПАЛЬТО.

Назадъ.

ЭДУАРДЪ.

Что съ вами?... я восхищенъ, я удивленъ вашимъ пріѣздомъ!

ПАЛЬТО.

Последнее, кажется вѣрнѣе.

ЭДУАРДЪ.

Можете ли вы думать!

ПАЛЬТО.

25 лѣтъ я тебя баловалъ, какъ ребенка, но сегодня достанется тебѣ отъ меня!

ЭДУАРДЪ.

За что же это дядюшка?

ПАЛЬТО.

Молчи, молчи; не перебивай меня!

ЭДУАРДЪ (беретъ его за руку).

Въ чемъ же моя вина, любезный дядюшка?

ПАЛЬТО.

Не берите меня за руку.... это ваша обыкновенная уловка! Но вы совсѣмъ отъ рукъ отбились! Понимаете ли... Вы мой близкій родственникъ, но теперь прошу подалее.... ты просто негодяй; вотъ, капитанъ, рекомендую вамъ моего племянника... (Эдуарду) Капитанъ Дельмаръ.

Эдуардъ.

Прежній драгунскій поручикъ?

Капитанъ.

Въ 1839-мъ году... мы, кажется, нѣсколь-
ко ужь знакомы.... точно, теперь я при-
поминаю.... Очень радъ встрѣтиться.

Пальто.

Такъ вы знаете другъ друга, тѣмъ луч-
ше. Капитанъ желаетъ съ тобою погово-
рить о важномъ дѣлѣ... о такомъ дѣлѣ...
впрочемъ это его дѣло... Что ты тамъ дѣ-
лаешь Феликсъ? развѣ ты еще въ уни-
верситетѣ?... ты точно уроки проходишь!

Феликсъ *(который, ходя,
читалъ назади сцены)*.

Нѣтъ, я... такъ.... читалъ...

Пальто.

Что такое?

Феликсъ.

Одну.... книгу....

Пальто.

Ну, хорошо, что не двѣ... спрячь же ее
покуда и пойдемъ со мною.

Феликсъ.

Вы не знаете... я влюбленъ въ одну
Нѣмецкую Баронессу....

Пальто.

Браво, браво, молодецъ!... Расскажи
же мнѣ о своихъ побѣдахъ.... это по мо-
ей части... До свиданія господа.

(Уходитъ съ Феликсомъ).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Эдуардъ и Капитанъ.

Эдуардъ.

Ну, капитанъ, что же это за важное
дѣло? Дядюшка былъ всегда ко мнѣ такъ
снисходителенъ, а теперь онъ испугалъ
меня своею строгостію.

Капитанъ *(серіозно)*.

Послушайте, сударь, если бъ я не встрѣ-
тилъ въ васъ прежняго товарища мо-
ихъ удовольствій, я бы съ вами тоже

иначе поговорилъ; я даже привезъ съ
собою Лепажевскіе пистолеты, но мы, ка-
жется, рождены понимать другъ друга, и
потому прошу выслушать меня.... садитесь.

Эдуардъ.

Какое предисловіе! ужь не драму ли
вы хотите со мной разыграть.

Капитанъ.

Не знаю, это будетъ зависѣть отъ ва-
шего отвѣта. Я двоюродный братъ Изо-
ры, вашей невѣсты.

Эдуардъ.

Вы!

Капитанъ.

Да, я; что жъ тутъ удивительнаго? раз-
вѣ я не похожъ на брата. Наши родствен-
ники ждуть васъ въ Парижѣ, а вы уска-
кали въ Булонь... При этомъ случаѣ, я
бы могъ вамъ наказать много правоучи-
тельнаго, но вы вѣрно не охотники до
него, такъ же, какъ и я.

Эдуардъ.

Совершенно справедливо.

Капитанъ.

Я былъ въ этомъ увѣренъ.... Фу! какъ
жарко.... что, если бъ выпить чего ни-
будь.

Эдуардъ *(вскакивая)*.

Съ удовольствіемъ, я сейчасъ прикажу...

Капитанъ.

Нѣтъ, оставайтесь; послѣ, когда мы кон-
чимъ... Честный человекъ... долженъ свя-
то держать свое слово... потому, что
женщины, женщины, которыя... а здѣсь
много хорошихъ.

Эдуардъ.

О, пропасть!

Капитанъ.

Я надѣюсь, что вы познакомите меня
съ ними. Я только что пріѣхалъ изъ Ал-
жира, тамъ ни одной порядочной... Ахъ,
извините, я себя перебилъ.... И такъ,

свадьба съ сестрой моею вамъ не нравится?... Очень жалъ, она прекрасная дѣвушка, съ хорошимъ приданымъ, я бы вамъ совѣтовалъ не жертвовать своею будущностью для какой нибудь безразсудной страсти.

Эдуардъ.

Что вы хотите сказать?... я не понимаю....

Капитанъ.

Помилуйте.... развѣ никто не знаетъ, что Г-нъ Лаферрьеръ....

Эдуардъ.

Какая клевета!

Капитанъ.

Со мной вы напрасно прикидываетесь дипломатомъ.

Эдуардъ.

Въ самомъ дѣлѣ, онъ, кажется, добрый малый, нашего поля ягода. Такъ и быть, Капитанъ, я вамъ все открою.

Капитанъ.

И прекрасно! я солдатъ: у нашего брата грудь плотно застегнута, а сердце всегда на распашку; говорите же.

Эдуардъ.

Моя свадьба убила бы ее.

Капитанъ.

Право? Нѣтъ ли у васъ сигарки? нѣтъ? все равно, продолжайте.

Эдуардъ.

Да, я увѣренъ.... она не стала бы жаловаться, но....

Капитанъ.

Съ ума сошла бы отъ очаянія?... ха! ха! ха! о! какъ вы еще молоды!

Н. 3.

Съ ума сойти ей нѣтъ причинъ.

Она скорѣй за умъ возьмется.

Вы не послѣдній изъ мужчинъ,

Безъ васъ ловольно остается.

Не вы, такъ явится другой.

Когда жъ не будетъ ни каковаго,

Такъ мужъ законный подъ рукой,

За немѣнимъ другаго.

Эдуардъ.

Нѣтъ, капитанъ, есть женщины съ возвышенной душой, съ благороднымъ сердцемъ, какихъ не всякому удастся встрѣтить.... и я понимаю, что ваши гарнизонныя побѣды....

Капитанъ.

Что? что такое? мои гарнизонныя побѣды!

Эдуардъ.

Извините, но вы, господа военные, не имѣете понятія о женской страсти.

Капитанъ.

Въ самомъ дѣлѣ? напрасно вы это думаете... видите этотъ крѣпъ на моей шляпѣ.... это трауръ по женщинѣ, которая умерла изъ любви ко мнѣ.

Эдуардъ.

Возможно ли?

Капитанъ.

О, не шутите мной... Два года тому назадъ я познакомился въ Лионѣ съ одной чудной женщиной; глаза какъ угли, волосы какъ смоль!

Эдуардъ.

Брюнетка, такъ же, какъ и моя.

Капитанъ.

А! ваша тоже брюнетка? глаза тоже черные. О! черные глаза! Вы видите, я вздыхаю.... Это васъ удивляетъ? не правда ли.... Я былъ чертовски влюбленъ.... Моя Элиза жила.... вашу зовутъ не Элизой?

Эдуардъ.

Нѣтъ, Амаліей.

Капитанъ.

А! Амалія.... въ нашемъ полку была маркизантка Амалія... моя Элиза жила на дачѣ; она была большая энтузіастка... Мы гуляли съ ней при лунномъ свѣтѣ, я декламировалъ стихи изъ Ламартина, котораго зналъ наизусть.... Я блаженствовалъ, но въ одно утро сцена перемѣнилась.... Ко мнѣ явился ея мужъ требовать удовле-

творенія; онъ проситъ меня съ нимъ прогуляться и черезъ два часа, меня привозятъ опасно раненаго въ правый бокъ.

Эдуардъ.

Чортъ возьми!

Капитанъ.

Вотъ только это я тогда и могъ сказать. Два мѣсяца спустя, чтобъ прохладить мою кровь, Министръ послалъ меня въ Африку.

Эдуардъ.

И вы больше ее не видали?

Капитанъ.

Передъ отъездомъ, я пришелъ съ ней проститься; мое посѣщеніе ее очень удивило; мужъ ея думалъ, что положилъ меня на повалъ, но я былъ и влюбленъ и живуць, какъ кошка. О, другъ мой, вообразите себѣ женщину блѣдную, въ отчаяніи; правая рука у сердца, въ левой носовой платокъ, слезы въ четыре ручья, слова льются рѣкой, и вотъ что только осталось у меня въ памяти: если я не умру, Адольфъ, меня зовутъ Адольфомъ, то вѣрно завтра же сойду съ ума. Съ ума сойти она не могла, потому что ужъ была безъ ума отъ меня, но что умерла, то это было очень легко.... сколько я о ней послѣ ни развѣдывалъ.... все кончено! ее не стало!.. и вотъ видите (показывая на шляпу).... ношу другой годъ!... О, Элиза! дождайся меня! я съ тобой соединюсь; рано или поздно всѣ тамъ будемъ!

Эдуардъ.

Теперь я вижу, капитанъ, что вы можете меня понять.

Капитанъ.

Это еще не все.... подите сюда... Вотъ видите ли вы эту.... нѣтъ, теперь не видеть, уже вечеромъ я вамъ покажу.... вообразите, она выбрала для меня звѣздочку.

Эдуардъ.

Звѣздочку?

Капитанъ.

Вамъ это кажется смѣшно?

Эдуардъ.

Напротивъ, капитанъ; я долженъ вамъ признаться, что Амалія, также выбрала для меня звѣздочку.

Капитанъ.

Въ самомъ дѣлѣ? О, ваша Амалія съ чувствомъ, она васъ истинно любитъ.

Эдуардъ.

Я въ этомъ почти увѣренъ.... теперь согласитесь со мной, что кто имѣлъ счастье найти такую женщину, тотъ никогда не долженъ ее оставлять.

Капитанъ.

Совершенно справедливо!... Нѣтъ, нѣтъ; я не то хотѣлъ сказать; надо ее забыть; она замужня женщина, это неприлично; къ тому же, вы не захотите разсердить вашего дядюшку; вы дали слово моей сестрѣ, и дѣло кончено.

Эдуардъ.

Никогда! вы сами сію минуту доказали мнѣ, что я не сумасшедшій, вы сами согласились со мной.

Капитанъ (*въ сторону*).

Что я надѣлалъ; болтунъ проклятый.... Будьте разсудительны....

Эдуардъ.

Никогда! Ничего не слушаю!... Вотъ мое послѣдее слово. Очень сожалѣю, что долженъ отказаться отъ чести быть вашимъ родственникомъ, но пусть дядюшка лишитъ меня наслѣдства, дѣлаетъ что хочетъ; скажите ему, что кромѣ этой свадьбы я во всемъ готовъ ему повиноваться.... Прощайте, Капитанъ.

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Капитанъ одинъ, потомъ Г. Пальто.

Капитанъ.

Прекрасно! рѣшено; военный человекъ не можетъ быть дипломатомъ.... Зачѣмъ онъ задѣлъ мое самолюбіе, зачѣмъ я ему

все выболталъ! Онъ защищался моимъ же оружіемъ.... Однако жъ, эта Г-жа Лаферрьеръ должна быть очень хороша; какъ бы познакомиться.

Пальто (*входитъ*).

Ну, капитанъ.... какъ наши дѣла?

Капитанъ.

Худо, Г. Пальто, очень худо; онъ ничего не хочетъ слушать.

Пальто.

Право? хорошо же! Этотъ негодяй заставилъ меня прѣхать сюда на почтовыхъ; отъ проклятой дороги расходилась моя подагра, разшевелился ревматизмъ, а онъ съ мѣста не хочетъ двинуться; я же его добау! Я лишу его наслѣдства!

Капитанъ.

Полноте, пощадите его....

Пальто.

Ну, хорошо, я не лишу его наслѣдства; у меня есть другое для него наказаніе.... Я женюсь вмѣсто его.... Да, да, я самъ женюсь.

Капитанъ.

О, это ужъ слишкомъ жестоко.

Пальто.

Непремѣнно женюсь на его невѣстѣ.... поѣдемте, капитанъ, лишь бы меня живаго обратно довели, а ужъ я ему докажу дружбу!

Капитанъ.

Помилуйте, чѣмъ же виновата моя сестра, за что вы хотите ее наказывать?

Пальто.

Точно, точно, вы правы.... Это было бы очень смѣшно.... а знаете ли что, мнѣ пришла другая мысль.

Капитанъ.

Посмотримъ, лишь бы она только была лучше первой.

Пальто.

Я знаю очень хорошо Г-жу Лаферрьеръ; это просто кокетка; вѣроятно, она не лю-

бить племянника, а его пылкая любовь только льститъ ей самолюбію.... Что, если бъ, напримѣръ, какимъ нибудь случаемъ.... вы меня понимаете?...

Капитанъ.

Не очень, объясните на всякій случай.

Пальто.

Что, если бъ кто нибудь завладѣлъ сердцемъ его Дульциней.... Я бы самъ взялся за это.... но я о ней отзывался не очень выгодно, она это знаетъ и терпѣть меня не можетъ.... если бъ сыскался другой.... кто еще очень можетъ правиться, которому побѣды не стоятъ большаго труда; племянникъ получилъ бы чистую отставку, а въ отставкѣ всегда женятся.... если бъ, напримѣръ, вы, капитанъ, приняли на себя роль побѣдителя?...

Капитанъ (*охорашивался*).

Я? продолжайте, продолжайте.... Эта мысль не дурна и выборъ вашъ довольно удаченъ.

Пальто.

Вы составили себѣ славу завоевателя....

Капитанъ.

Помулите, это слишкомъ....

Пальто.

Сколько, я думаю, вы сдѣлали несчастныхъ!

Капитанъ.

Я полагаю, и вы не менѣе въ свое время....

Пальто.

Помилуйте, это слишкомъ.

Но 4.

Не хвастаясь могу сказать, Я былъ порядочнымъ тираномъ.

Тому назадъ лѣтъ двадцать пять Я слылъ въ Парижѣ Донъ-Жуаномъ. Теперь пора и отдохнуть.... Хоть самолюбіе подстрекаетъ,

Кн. XVIII—2

И радъ бы стариной трихнуть.

(Потирая подару).

Да, прошлое не позволяетъ.

Но все таки мнѣ далеко за вами.... въ мое время, напримѣръ.... но, разумѣется просвѣщеніе по всѣмъ отраслямъ идетъ впередъ; научите, пожалуйста, какъ вы это дѣлаете, какъ беретесь за это, чортъ возьми?

Капитанъ.

Самъ не знаю; это врожденное.

Пальто.

Должно быть!

Капитанъ.

Этой науки нельзя передать теоретически, тутъ нужна практика... вотъ если бъ здѣсь подвернулась женщина, вы бы посмотрѣли...

Пальто.

И это вамъ ничего не стоитъ?

Капитанъ.

Рѣшительно ничего: одно свиданіе и довольно; и такъ, по рукамъ, условіе сдѣлано... представьте же меня этой красавицѣ.

Пальто.

Да вотъ, кажется, и она.... ну, капитанъ, къ оружію, надо уснѣть во что бы то ни стало.

Капитанъ.

Не беспокойтесь.

Пальто.

Если ему не удастся, я попытаюсь....

Капитанъ.

Что такое?

Пальто.

Ничего, ничего, одно предположеніе.

Капитанъ (отходя къ зеркалу).

Старый шутъ!

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же и Г-жа Амалія Лаферьеръ.

Г-жа Лаферьеръ (не видя ихъ).

Феликсъ сказалъ мнѣ, что дядя Эдуарда пріѣхалъ съ братомъ Изоры....

Пальто.

Честъ имѣю кланяться, сударыня.... Я въ восхищеніи, что вы, что я.... позвольте мнѣ представить вамъ моего друга.... Ну, капитанъ, поразите же ее съ перваго взгляда.... (Подводитъ его). Капитанъ Дельмаръ.

Г-жа Лаферьеръ (почти вскрикнувъ).

Боже мой!

Капитанъ.

Это она!

Пальто.

Браво! браво! каковъ молодець.... въ самомъ дѣлѣ, съ разу озадачилъ!

Капитанъ.

Сударыня, я.... въ восхищеніи....

Пальто.

Какъ онъ славно прикидывается смущеннымъ! У ловко придумано!... Не жалѣйте ее, доколачивайте.

Капитанъ (въ сторону).

Элиза! Она жива! Но что значитъ перемѣна фамиліи? Вѣрно Шампанье умеръ и она вышла за другаго.

Пальто.

Ну, батюшка, я со всей моей опытностью передъ вами пасъ.

Капитанъ.

Оставьте же пасъ.

Пальто.

Понимаю, понимаю.... Признаюсь, это слѣпое счастье.... какъ таки съ перваго взгляда!... Чудо, чудо, непостижимо!

(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ XI.

Г-жа Лаферьеръ и Капитанъ.

Капитанъ.

Насилу ушелъ.... такъ вы не умерли, сударыня....

Г-жа Лаферьеръ.

Но, сударь....

Капитанъ.

Элиза! вы еще живете и называете меня просто нарицательнымъ именемъ?

Г-жа Лаферьеръ.

Но, если мой мужъ....

Капитанъ.

Вы не умерли!... Это ужасно.... другой годъ я ношу по васъ трауръ.... всѣмъ рассказалъ; признаюсь, это не деликатно съ вашей стороны.

Г-жа Лаферьеръ.

Но, сударь....

Капитанъ.

Меня зовутъ Адольфомъ, а не сударемъ, сударыня; но вы, чего добраго, могли бы ошибиться и назвать меня Эдуардомъ.

Г-жа Лаферьеръ.

Какъ, и вы можете думать?...

Капитанъ.

О, я все знаю, объясненій не нужно.

Г-жа Лаферьеръ.

Послушайте, Адольфъ, меня оклеветали, но вы благородный человѣкъ, вы меня поймете.... Я вамъ открою мою тайну; вамъ, вамъ однимъ....

Капитанъ.

Мнѣ одному! Ахъ, я опять нахожу мою Элизу.... скажите же мнѣ, рады ли вы....

Г-жа Лаферьеръ.

Ради Бога, тише!

Капитанъ.

Да, да, вашъ мужъ могъ бы насъ услышать.... Что за человѣкъ этотъ Лаферьеръ?

Г-жа Лаферьеръ.

Послѣ я вамъ все расскажу, но теперь

выслушайте меня, вотъ въ чемъ дѣло: Изора, ваша сестрица, любитъ другаго молодого человѣка, и вотъ ея письмо, прочтите... вы увидите, что я только спасаю мою подругу....

Капитанъ (*пробѣжавъ письмо*).

О, бѣдная сестра! какая откровенность, какое чистосердечіе.... Довольно; вы знаете, что я сотворенъ понимать истинную любовь.

Г-жа Лаферьеръ.

Что жъ, обманула ли я васъ?...

Капитанъ.

Я вамъ вѣрю, но не совсѣмъ... то, что я слышалъ отъ Эдуарда....

Г-жа Лаферьеръ.

Что жъ онъ вамъ сказалъ?

Капитанъ.

Что вы... съ нимъ... также, какъ и со мной, занимались астрономіей.

Г-жа Лаферьеръ (*съ стороны*).

Какая неосторожность!

Капитанъ.

Вѣрно мы съ нимъ родились подъ одной звѣздой.

Г-жа Лаферьеръ (*нѣжно*).

Можете ли вы это думать!

Капитанъ.

Элиза! помните ли вы ту, которую вы брали для меня въ 1839 году.... 1-го Апрѣля, подлѣ большой медвѣдицы!?

Г-жа Лаферьеръ (*съ стороны*).

Какое мученіе!

Капитанъ.

Вы смущаетесь.... О, вы не забыли!... Элиза, мы одни! Я оплакивалъ васъ въ Лионѣ, въ Авиньонѣ, въ Тулонѣ, оплакивалъ подъ знойнымъ небомъ Африки! Цѣлые дни ходилъ повѣся носъ, и поднималъ голову только по вечерамъ, чтобъ любо-

ваться моей звѣздочкой... подлѣ большой медвѣдицы.

Г-жа Лаферьеръ.

Я боюсь, сюда могутъ прийти...

Капитанъ.

Одно слово... Я много учился, въ молодости учился по-Латыни, по-Гречески, прошелъ древнюю и новую Исторію, Римское Право; теперь ничего этого не знаю... но съ вами я выучилъ Ламартина, и досихъ поръ знаю его наизусть; вотъ вы увидите:

«Веди меня, прелестное свѣтило,

И укажи мнѣ жизненный мой путь.

Я не собьюсь съ него...»

Я не собьюсь... я не собьюсь... сбился! совсѣмъ забылъ это мѣсто!

Г-жа Лаферьеръ.

Довольно, довольно, я вижу, у васъ прекрасная память...

Капитанъ.

А сердце, Элиза; если бы вы его знали такъ же, какъ я Ламартина...

Г-жа Лаферьеръ.

Сюда кто-то идетъ! оставьте меня и помните, что величайшая тайна...

Капитанъ.

О! будьте покойны. До свиданія! Я съ нетерпѣніемъ буду сегодня ожидать, когда покажется большая медвѣдица.

(Идетъ).

ЯВЛЕНІЕ XII.

Тѣ же и Г. Пальто (въ глубинѣ сцены).

Г. Пальто (тихо).

Ну, что?

Капитанъ (встрѣчая его прикладываетъ палецъ ко рту).

Крѣпость неприступна—я снимаю осаду; теперь очередь старой гвардіи.

(Уходитъ).

Г. Пальто.

Ага! любезный, началъ-то было хорошо, а конецъ не умѣлъ свести... Постараемся, по крайней мѣрѣ, выпутаться безъ шума и безъ огласки... Чортъ возьми, я ужъ отсталъ отъ любовныхъ объясненій... тряхнемъ же стариной... (поправляясь подходитъ.) Сударыня... вы бы сдѣлали мнѣ большое одолженіе... (кашляетъ).

Г-жа Лаферьеръ.

Что съ вами? вы вѣрно простудились?

Пальто.

Уфъ! ничего не видя, въ жаръ кинуло!

Г-жа Лаферьеръ.

Что же вамъ угодно, сударь?

Пальто.

Вамъ извѣстно, что я дядя... такъ стало быть, Эдуардъ...

Г-жа Лаферьеръ.

Вашъ племянникъ, я это знаю.

Пальто.

Вы знаете также, что я хочу его женить; эта свадьба должна быть въ Парижѣ, но вы здѣсь...

Г-жа Лаферьеръ.

Что такое?

Пальто.

Онъ отказывается отъ блестящей партіи, и вы однѣ, сударыня, можете принудить его къ пожертвованію, которое составитъ его счастье.

Г-жа Лаферьеръ.

Такое начало могло бы меня обидѣть, если бъ я не презирала клеветы и тѣхъ, кто ее разглашаетъ.

Пальто (въ сторону).

Вотъ тебѣ и щелчокъ.

Г-жа Лаферьеръ.

Какое жѣ право я имѣю подавать ему совѣты?... Вы, кажется, хотите предложить мнѣ свои, но я избавлю васъ отъ напраснаго труда. (Встаетъ и хочетъ идти.)

Пальто.

На одну минуту, сударыня. Будемъ разсудительны. Если Эдуардъ не женится сегодня, онъ женится завтра, черезъ недѣлю, черезъ годъ; ну, хоть черезъ десять лѣтъ, а все таки онъ долженъ жениться.

Г-жа Лаферьеръ.

Мнѣ это все равно.

Пальто.

Я бы душевно желалъ, чтобъ это была правда. Послушайте; мой племянникъ молодой, его страсть не можетъ быть продолжительна, молодежь болтлива, своеправна, вы слишкомъ снисходительны... Какія же послѣдствія? не лучше ли обратить вниманіе на человѣка, хотя уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ, но еще съ молодымъ сердцемъ.

Г-жа Лаферьеръ.

Что онъ хочетъ сказать? О, если бъ я могла ему отомстить!... (Кокетливо.) Вашъ совѣтъ очень справедливъ.... ошибки свойственны нашему полу.

Пальто.

Въ ваши лѣта, т. е. въ наши лѣта, развѣ есть что нибудь, чего бы нельзя было поправить. Мнѣ тридцать девятый годъ, сударыня; наружность обманчива... если бъ я, если бъ я смѣлъ надѣяться... вы меня ужъ давно знаете... но я боюсь продолжать...

Г-жа Лаферьеръ.

Продолжайте, сударь, продолжайте.... только скажите мнѣ: единственно ли изъ участія къ Эдуарду вы желаете этой свадьбы.

Пальто.

Если бъ была другая причина... простили ли бы вы мнѣ ее....

Г-жа Лаферьеръ (притворно смущаясь).

Я... я не знаю....

Пальто (въ сторону).

Идетъ! идетъ! Крѣпость наша слабѣетъ!

Г-жа Лаферьеръ.

Чтобъ простить, надо знать вину.

Пальто.

Вину? развѣ вы ее не отгадали? Счастіе Эдуарда приводитъ меня въ отчаяніе; я его ревную.

Г-жа Лаферьеръ.

Ревнуете? развѣ ревность можетъ быть безъ любви?

Пальто.

Ахъ, у меня и то и другое; Пальто разрывался отъ ревности и вы этого не замѣчали.

№ 5.

Ахъ, сердце болело холодной насѣтшки,
Не смѣю къ вамъ явной любовью горѣть —
И стало подобно печной головешкѣ,
Отъ дыма которой боюсь угорѣть.
Я самъ какъ на угляхъ!... У ногъ вамъ клянуся....

Скрывать въ атомъ сердцѣ горящую страсть!

(Въ сторону).

Ну, сталь я прекрасно, а какъ поднимуся?
Чтобъ тѣломъ и духомъ совѣсьмъ не упасть.
(Г-жа Лаферьеръ подходитъ къ столу, и звонитъ).

Пальто.

Что она дѣлаетъ?

Г-жа Лаферьеръ (входящему слугѣ).

Скажи моему мужу, что Г. Пальто желаетъ съ нимъ говорить.

Слуга.

Вотъ они сами сюда идутъ.

(Уходитъ).

Пальто.

Попался.... (Не можетъ встать съ колысь.)

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ТѢ же и Г-нъ Лаферьеръ.

Лаферьеръ.

На колѣняхъ передъ моей женой! Какая дерзость!

Г-жа Лаферьеръ.

Вы видите, какъ я обхожусь съ обожателями. Я не помню хорошенько, на чемъ вы остановились.... остальное вы можете досказать моему мужу. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Лаферьеръ и Пальто.

Пальто (*не въ силахъ подняться*).

Никакъ не могу!...

Лаферьеръ (*учтиво поднимая его*).

Постойте, я вамъ помогу. Теперь прошу васъ объяснить мнѣ причину этого колѣнопреклоненія....

Пальто.

Что ему сказать! Вотъ видите ли, я пришелъ сюда....

Лаферьеръ.

На колѣнкахъ, что ли?

Пальто.

Нѣтъ-съ, поднести вашей супругѣ этотъ букетъ и поздравить....

Лаферьеръ.

Поздравить, съ чѣмъ?

Пальто.

Съ праздникомъ....

Лаферьеръ.

Поздравляю васъ, сегодня будни... Такъ для чего же букетъ?

Пальто.

Для нынѣшняго бала; это невинная любовь съ моей стороны.

Лаферьеръ.

Очень вамъ благодарны.... возьмите его

назадъ. (*Беретъ букетъ изъ него выпадаетъ записка.*) Что это? записка!

Пальто.

Записка! Со мной только случаются такія вещи.

Лаферьеръ (*читая*).

«Любовь на всю жизнь!...»

Пальто.

Чортъ возьми! смерть на носу!

Лаферьеръ.

Ну, Г. Пальто, еще ли вы будете записываться? «Любовь на всю жизнь!» Это также для нынѣшняго бала?

Пальто.

Но, увѣрю васъ....

Лаферьеръ.

Ничего не хочу слушать... дуэль съ племянникомъ не состоялась, такъ дякушка со мной расквітается.

Пальто.

Да помилуйте!...

Лаферьеръ.

Я обиженъ и выбираю шпагу.

Пальто.

Ну, зарѣжетъ онъ меня!

Лаферьеръ.

Вы дрожите, вѣроятно отъ досады.... соберитесь съ духомъ.... (*Подбиваетъ его табакомъ.*) И такъ завтра, въ семь часовъ утра.

Пальто.

Нечего дѣлать! О! проклятый букетъ! Извольте, сударь.... только нельзя ли по позже.... я такъ рано никогда не встаю.

Лаферьеръ (*любезно*).

Это не на долго, вы опять ляжете и заснете крѣпкимъ сномъ.

Пальто.

Разбойникъ!

Лаферьеръ.

«Любовь на всю жизнь?...» Мы постараемся, чтобъ она дожидла до назначен-

наго времени; его вамъ осталось не очень много.

Пальто.

Пойду, расскажу племяннику... это все изъ-за него.

ЯВЛЕНІЕ XV.

Тѣ же и Капитанъ.

Пальто.

А, любезный капитанъ! вы здѣсь очень кстати.

Капитанъ.

Что съ вами?

Пальто.

Я спасенъ! Военный будетъ моимъ секундantomъ; авось онъ струсить.... Вотъ мой свидѣтель!

Лаферьеръ.

Что я вижу... Адольфъ Дельмаръ!

Капитанъ.

Г. Шампанье!

Пальто.

Что съ ними?

Лаферьеръ.

Такъ вы живы, сударь?

Капитанъ.

И вы не умерли, Г. Шампанье....

Лаферьеръ.

Лаферьеръ, хотите вы сказать; Шампанье уже не существуетъ.

Пальто.

Такъ вы знакомы?

Капитанъ.

Совсѣмъ нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ!

Лаферьеръ (*тихо*).

Я понимаю зачѣмъ вы сюда пріѣхали: наша дуэль съ вами еще не кончена; извольте, завтра, въ семь часовъ, я ужъ отозванъ этимъ господиномъ, а въ десять я буду имѣть честь....

Капитанъ.

Очень хорошо, сударь.

Лаферьеръ.

И такъ, въ десять часовъ я вашъ, а въ семь часовъ вы мой!... Этотъ волокита, можетъ быть, видѣлся съ женою моею... пойду и все узнаю.

Но 6.

Такъ завтра ровно въ семь часовъ.

Пальто.

Ну, въ семь известно.

Лаферьеръ.

Ожидая.

Пальто.

Да, если буду я здоровъ!
Боюсь со страха захворюю!

Лаферьеръ.

А съ вами въ десять?

Капитанъ.

Хоть сейчас!

Лаферьеръ.

Зачѣмъ же нарушать условья,
Прощайте же; на этотъ разъ
Желаю добраго здоровья.

(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Пальто и Капитанъ.

Пальто.

Чтобъ тебѣ шею сломать, головорѣзь проклятый!

Капитанъ.

Такъ этотъ Лаферьеръ, второй мужъ, все онъ же и тотъ же. Живущъ, разбойникъ! За что же онъ съ вами хочетъ драться?

Пальто.

Я, по старинному, сталъ на колѣни передъ его женою, и проклятая подагра все дѣло испортила.

Капитанъ.

Ну, жалко же мнѣ васъ!

Пальто.

А что?

Капитанъ.

Если вы хотите лишить вашего племянника наслѣдства, такъ совѣтую теперь же сдѣлать духовную, завтра будетъ поздно.

Пальто.

Такъ вы его знаете?

Капитанъ.

Нѣтъ, но онъ извѣстный дуэлистъ; на шпагахъ и на пистолетахъ не дастъ промаха.

Пальто.

Такъ нельзя ли на чемъ нибудь договорь....

Капитанъ.

Жалко, очень жалко; если бъ я еще дрался прежде васъ, то, можетъ быть, мнѣ бы посчастливилось, но вы въ семь часовъ, а я въ десять. Я только могу отмстить за васъ.... Бѣдный другъ мой, будьте спокойны, мы постараемся.

Пальто.

Да, покойнику ужъ нечего беспокоиться!... мнѣ отъ этого не легче.... Нельзя ли намъ съ вами помѣняться часами?

Капитанъ.

Какъ можно! условіе должно быть свято.

Пальто.

Свято! а развѣ не грѣшно зарѣзать угнетенную невинность?.... Послушайте, вѣдь вы дрались съ нимъ?

Капитанъ.

Дрался.

Пальто.

Чѣмъ же кончилось?

Капитанъ.

Онъ убилъ меня... то есть, думалъ что убилъ.

Пальто.

А, понимаю, оттого-то онъ такъ и удивился, увидя васъ.... Стало быть вы его очень коротко знаете?

Капитанъ.

Нѣтъ, повторяю вамъ, совсѣмъ нѣтъ.

Пальто.

Быть не можетъ.... а! да вотъ племянникъ, онъ мнѣ поможетъ....

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Тѣ же и Эдуардъ.

Пальто.

Поди, поди сюда.... вообрази себѣ: Г. Капитанъ и Лаферьеръ давно знакомы между собою, а между нами произошла ужасная исторія... Тотъ ахнулъ, Капитанъ остолбенѣлъ, я удивился—вѣдь это непонятно, не правда ли?

Эдуардъ.

Точно непонятно.

Пальто.

Ты меня понимаешь?

Эдуардъ.

Ни въ одномъ словѣ.

Пальто.

Капитанъ назвалъ его какимъ-то Шампильономъ, что-то въ родѣ этого; дѣло кончено.... я въ семь часовъ, а онъ въ десять, понимаешь?

Эдуардъ.

Растолкуйте, Капитанъ.

Капитанъ.

Она идетъ сюда съ мужемъ.... пойдите, пойдите, я вамъ все расскажу. (*Въ сторону*) Надо выдумать какую нибудь другую исторію. (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

Г-нъ и Г-жа Лаферьеръ (*въ бальномъ платьѣ*).

Г-жа Лаферьеръ.

Да, сударь, капитанъ Дельмаръ, братъ Изоры, онъ одинъ можетъ помочь женить вашего племянника, а вы его вызываете... вы, вашей глупой дуэлью испортите все то, что мы уже сдѣлали для счастья Эрнеста.

Лаферьеръ.

Ваша правда, я слишкомъ поторопился, но мы это еще поправимъ... такъ и быть, у меня есть въ запасѣ другой... Пальто отвѣтитъ мнѣ за двоихъ...

Г-жа Лаферьеръ.

Пальто также ни въ чемъ не виновато, онъ мнѣ ни слова не говорилъ ни о букетѣ, ни о запискѣ.

Лаферьеръ.

Это ужъ слишкомъ! Чья же это записка, (кто смѣлъ написать: Любовь на всю жизнь?)

ЯВЛЕНІЕ XIX.

Тѣ же и Феликсъ (который вошелъ президе).

Феликсъ (въ сторону).

Боже мой! мое письмо...

Лаферьеръ.

Вѣдь написалъ же ктонибудь.

Феликсъ.

Извините, Г. Лаферьеръ, это письмо мое.

Г-жа Лаферьеръ (въ сторону).

Что онъ дѣлаетъ?

Лаферьеръ.

Ваше!

Феликсъ.

Отъ васъ у меня нѣтъ секретовъ; вы такъ добры... и кухня тоже; вы меня вѣрно простите за эту шалость... вотъ видите ли, я приготовилъ этотъ бальный букетъ для моей Нѣмецкой баронессы. (Ей, тихо) Это нарочно.

Лаферьеръ.

Ахъ, ты повѣса, а я думалъ, что это какойнибудь другой негодяй писалъ къ моей женѣ.

Феликсъ.

О, какъ можно! Кто жъ васъ не знаетъ, кто же осмѣлится.

Лаферьеръ.

Надѣюсь!

Феликсъ.

И такъ, позвольте мнѣ предложить моей кузинѣ не письмо, а цвѣты.

Лаферьеръ.

Вы бы, я думаю, не побоялись и при мужѣ отдать этотъ букетъ своей любезной.

Феликсъ.

Признаюсь, не побоялся!...

Лаферьеръ.

Ха, ха, ха! есть же такіе слабые, ничего не видятъ.

Г-жа Лаферьеръ.

Вотъ идутъ ваши противники, вы должны заглядить передъ ними вашу вину.

Лаферьеръ.

Будьте покойны.

ЯВЛЕНІЕ XX.

Тѣ же, Капитанъ, Пальто и Эдуардъ.

Эдуардъ.

Баль скоро начнется и я... ай! здѣсь мужъ!

Пальто.

Не уйти ли намъ отсюда?

Капитанъ.

Ни за что!

Г-жа Лаферьеръ (тихо).

Ну, сударь, начинайте же.

Лаферьеръ.

Сію минуту... прямо не ловко... надо какънибудь стороной... Милости прошу садиться, господа.

Капитанъ и Пальто.

Что это значитъ?

Лаферьеръ (подбиваетъ табакъ Пальто).

Вы, кажется, любите: не угодно ли?

Пальто (дрожитъ).

Покорно благодарю (въ сторону) Те-

Кн. XVIII—3

перь подбиваетъ табакомъ, а завтра, пожалуй, носъ отхватить!

Эдуардъ (*подходя къ Амаліи*).

Г. Лаферьеръ далъ мнѣ лестное позволеніе проводить васъ на балъ....

Феликсъ (*съ стороны*).

Какъ бы не такъ.

Эдуардъ.

Но я бы желалъ отъ васъ самихъ услышать....

Амалія (*глядя на Феликса*).

Право, я не знаю.

Лаферьеръ (*тихо*).

Приступимъ смѣлѣ. Г. Капитанъ....

Капитанъ.

Что, сударь?

Лаферьеръ.

Честный человекъ никогда не долженъ стыдиться заглаживать свою вину.... прошу васъ считать мой вызовъ недействительнымъ.

Капитанъ.

Какъ вамъ угодно.... Что съ нимъ случилось? А, понимаю, это вѣрно моя милая Элиза.

Лаферьеръ.

Вашу руку, капитанъ.

Пальто (*съ стороны*).

Онъ ему напоминаетъ о дуэли... боится, чтобъ не забылъ...

Лаферьеръ.

Теперь съ другимъ.... надо только перемѣнить выраженіе.... (*Идетъ къ Пальто*).

Пальто.

А, теперь моя очередь.

Лаферьеръ.

Гмъ.... гмъ.... честный человекъ не долженъ стыдиться заглаживать свою вину: прошу васъ считать мой давнишій вызовъ совершенно недействительнымъ.

Пальто (*съ восхищеніемъ*).

Неужели! покорно васъ благодарю; я почитаю, какъ бы дѣйствительно его все не было.

Лаферьеръ.

Вашу руку, Г. Пальто.

Пальто (*протягивая объ руку*).

Съ большимъ удовольствіемъ! — Ну, я счастливѣе капитана.

Амалія (*съ стороны*).

А! миръ заключенъ.

Лаферьеръ.

Любезный капитанъ, вы проводите на балъ мою жену....

Амалія.

Но, сударь....

Капитанъ.

О, такая честь....

Эдуардъ.

Позвольте, позвольте, Г. Лаферьеръ, вы мнѣ прежде обѣщали...

Лаферьеръ.

Право? виновать, совсѣмъ забылъ (*съ стороны*). Куда ни повернись, вездѣ обожатель; это хоть кого, такъ спутаетъ.

ЯВЛЕНІЕ XXI.

Тѣ же и слуга.

Слуга.

Письма изъ Парижа: одно вамъ, сударыня, другое капитану Дельмару.

Амалія.

Ахъ, это отъ Изоры... извините, господа.

Капитанъ.

Это отъ старухи тетки, можно послѣ прочесть.

(*Прячетъ письмо въ карманъ*).

Пальто.

Такъ вы вѣрно не будете драться?...

Капитанъ.

Нѣтъ, онъ извинился передо мной.

Пальто.

И передо мной тоже, чортъ возьми; онъ догадается, что не на такихъ наско- чиль.

Амалия.

Что я прочла! все открыто, родствен- ники Изоры согласились, и она выходитъ за Эрнеста. Слава Богу. (Слышна балъ- ная музыка).

Эдуардъ.

Балъ начался; могу ли я надѣяться, сударыня...

Капитанъ.

Вашъ супругъ даль мнѣ слово....

Амалия.

Чтобъ не было никому обидно, я по- дамъ руку моему братцу.

Феликсъ (подбѣгая къ ней).

Знай нашихъ!

Пальто.

Обоимъ не завидно... (прикладываетъ пальцы къ носу.) Премная женщина!

Лаферьеръ (въ сторону).

Вотъ этому смѣло можно довѣрить свою жену.

Амалия.

До свиданія, господа, мы надѣемся у- видѣть васъ на балѣ. (Уходитъ съ Фе- ликсомъ).

Лаферьеръ (заметъ руку троимъ по оче- реди).

Вы на меня не сердитесь?

Эдуардъ (въ сторону).

Слѣпой дуракъ!

Лаферьеръ.

Вы на меня не сердитесь?

Капитанъ.

Старый шутъ!

Лаферьеръ.

Вы на меня не сердитесь?

Пальто.

Болтунъ проклятый!

Лаферьеръ.

Вотъ что называется: общее согласіе; мое почтеніе. (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ XXII.

Пальто, Эдуардъ и Капитанъ.

Капитанъ.

Ну.

Пальто.

Ну.

Эдуардъ.

Ну, господа, что вы на это скажете?

Пальто.

Я скажу, что эта кокетка хочетъ тебя околдовать.

Капитанъ (въ сторону).

Чортъ возьми! я доберусь до этого братца! Впрочемъ.... быть не можетъ.... это только отводъ для мужа.... я узнаю тебя, Элиза.

Эдуардъ (въ сторону).

Она очень осторожна.... здѣсь братъ Изоры... Я понимаю тебя, милая Амалия!

Пальто.

Кажется, насъ троихъ провелъ этотъ проводникъ, и намъ съ этими людьми больше нечего дѣлать.... Пошлемъ же за лошадыми и отправимся въ Парижъ.

Эдуардъ.

Нѣтъ, дядюшка, я ни за что не по- бѣду.

Капитанъ.

Я тоже.

Эдуардъ.

О, вы мой благодѣтель! мы оба оста- емся.

Пальто.

Что? обоюдное согласіе!.. Какъ, капи- танъ, вы подаете такой примѣръ, вы дер- жите его за руку, что за причина, прошу покорно объяснить.

Капитанъ.

Причина? (въ сторону.) У меня нѣтъ для него ни какой; все равно буду кри

чать громче его. Я вамъ говорю, что онъ останется.

Пальто *(громче)*.

Я далъ слово вашей тетущкѣ, и увезу его насильно; моей власти надъ нимъ у меня никто не отниметъ! Я буду спорить, шумѣть, кричать.

Капитанъ *(Эдуарду)*.

Кричите и вы тоже.

Эдуардъ *(громко)*.

Дядюшка, вы хотите моей смерти!

Пальто.

Ты долженъ мнѣ повиноваться; чортъ возьми, пойдемъ со мной!

Капитанъ.

Я его не пушу, я не позволю!

Пальто.

Капитанъ! вы забываетесь, я не позволю собою шутить.

Капитанъ.

Что такое?.. одна дуэль не состоялась, такъ не хотите ли вы затѣять другую?

Пальто.

Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста; я совсѣмъ не то хочу сказать.

Эдуардъ.

Полноте, дядюшка, вы видите, что капитанъ шутитъ. Дайте мнѣ отерочку только на недѣлю.

Капитанъ.

Да, на недѣлю. До тѣхъ поръ все обдѣляется.

Пальто.

Ну, такъ и быть.. только съ условіемъ: надо написать извинительное письмо къ тетущкѣ. Садись, я тебѣ буду диктовать.

Капитанъ.

Ахъ, кстати, я забылъ о ея письмѣ; посмотримъ. Что я вижу: Изора уже за мужемъ. Прекрасно!

Пальто.

Ну, пиши.

ЯВЛЕНІЕ XXIII.

Тѣ же и Феликсъ.

Феликсъ.

Сестрицу другой ангажировалъ на первый кадиль, и она, чтобъ утѣшить меня, отдала мнѣ эти цвѣты... а я ушелъ отсюда, чтобъ скрыть свое смущеніе.

(Подходитъ къ окну).

Эдуардъ.

Тише, мы не одни. Онъ можетъ насъ подслушать.

Пальто.

Пустяки; онъ о насъ и не думаетъ; онъ, кажется, на небѣ звѣзды считаетъ.

Капитанъ.

Что такое? онъ смотритъ на звѣзды!.. Вы, сударь, на звѣзды смотрите?

Феликсъ.

На звѣзды? нѣтъ, только на одну. Посмотрите, вотъ на эту.

Капитанъ.

Ужъ не подлѣ ли большой медвѣдницы?

Феликсъ.

Нѣтъ, подлѣ близнецовъ.

Капитанъ.

Близнецовъ — ну, насъ здѣсь цѣлыхъ трое. Подите-ка сюда, Эдуардъ... *(тихо)* Гдѣ ваша звѣздочка?

Эдуардъ.

Тамъ, подлѣ млечнаго пути.

Капитанъ.

А моей безпутной отсюда не видать! Довольно, молодой человекъ: всѣхъ звѣздъ не перечестъ... спустимся на землю; бьюсь объ закладъ, что вы любите... Ламартина.

Феликсъ.

Ламартина! о! это мой любимый поэтъ, онъ всегда со мною, у моего сердца... Посмотрите. *(Вынимаетъ книгу)*.

Эдуардъ.

Боже мой! это та самая книга, которую я подарилъ Амаліи.

Пальто.

Ну, ну, Эдуардъ, пооди сюда, кончи письмо.

Эдуардъ.

А! теперь я все понимаю.... ея холодность со мною.... Дядюшка, все кончено. *(Разрываетъ письмо.)* Поѣдьте!

Пальто.

Что съ тобою? ты какъ съ цѣпи сорвался.

Эдуардъ.

Вы угадали — ярываю свои цѣпи.... Поѣдьте сію же минуту.

Капитанъ.

Куда?

Эдуардъ.

Въ Парижъ! я женюсь на Изоръ.

Капитанъ.

Опоздалъ, любезный: она уже замужем.... вотъ письмо отъ тетки.

Пальто.

Возможно ли?

Эдуардъ.

Она замужем! Вѣроломная Амалія!

Капитанъ.

Вѣроломная Элиза! я срываю свой трауръ по моей живой покойницѣ.

Эдуардъ.

Какъ? такъ Г-жа Лаферьеръ!...

Капитанъ.

Одна и та же.... у ней два имени и слишкомъ живое воображеніе.... Ее скоро пригласятъ на обсерваторію.

Эдуардъ.

О! кокетка! и я изъ-за нея чуть не потерялъ наслѣдства.

Капитанъ.

За то получилъ блистательный урокъ въ любви и въ астрономіи.

Эдуардъ *(показывая на Феликса, который у окна.)*

Посмотрите, а этотъ все еще носъ къверху поднимаетъ.

Капитанъ.

Погодите, придетъ и его очередь.

Пальто.

Но, что ни говорите, она все таки прекрасная женщина.

Капитанъ.

Эге! ужъ и вы не хотите ли получить звѣздочку?

Пальто.

Нѣтъ, мы ихъ съ неба не хватаемъ, хорошо бы дослужиться и до земной!

Капитанъ.

Однако жъ, господа, насъ столкнулось цѣлыхъ трое, болѣе или менѣе обманутыхъ.... гдѣ бы, для счета, найти четвертаго. Ахъ, вотъ онъ! самаго перваго-то и забылъ!

ЯВЛЕНІЕ XXIV.

Тѣ же и Лаферьеръ.

Лаферьеръ.

Феликсъ! Феликсъ! что вы тутъ дѣлаете, моя жена вездѣ васъ ищетъ.

Феликсъ.

Бѣгу, бѣгу!... господа, честь имѣю....

Лаферьеръ *(опять по очереди.)*

Вы на меня не сердитесь... вы на меня не сердитесь.... вы на меня не сердитесь.... *(Уходитъ.)*

Пальто.

Ну, друзья, что жъ мы теперь начнемъ?

Капитанъ.

Комедія кончилась, начнемъ послѣдній куплетъ.

№ 7.

(Всѣ къ публикѣ).

Теперь отъ васъ отвѣта ждемъ.

Всю астрономію мы бросимъ,
Тремъ только звѣздочкамъ, втроемъ,
Мы снисхожденія попросимъ:
Они поправились ли вамъ?
И вы дадите ли позволеніе
Вамъ иногда, по вечерамъ,
Ихъ представлять на разсмотрѣніе?

Посмотрите, вѣдь еще не все...

Вѣдь вы еще не все...

Подождите, подождите и это...

Капитанъ.

Но, что вы говорите, вы все еще...

Капитанъ.

Сейчасъ вы не можете никуда...

Капитанъ.

Итакъ, мы изъ себѣ не хвастаемъ...

Капитанъ.

Однако жъ, господа, насъ стоишь...

Капитанъ.

Ахъ, вотъ она! Самая первая...

Капитанъ.

Возможно ли?

Капитанъ.

БАРАБАНЩИКЪ.

Водевиль въ одномъ дѣйствіи,

Передѣланный съ Французскаго И. И. Руссо.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Бернаръ, гренадеръ, сержантъ линейнаго полка.

Фрицъ, барабанщикъ.

Феликсъ, флейтчикъ.

Г. Мишо, трактирщикъ.

Жоликеръ, капраль.

Марцелина, вдова, ключница въ трактирѣ Г.

Мишо.

Жоржета, служанка въ трактирѣ.

Солдаты.

Театръ представляетъ комнату въ трактирѣ. Въ срединѣ три окна, въ которыхъ видна деревня; по сторонамъ двери. Столы и стулья.

ЯВЛЕНІЕ I.

Мишо и Марцелина (она сидитъ за работой, Мишо стоитъ опершись на стулъ).

Мишо.

Нѣтъ, сударыня, вы меня никакъ не увѣрите, что это дурно, и если я говорю о замужствѣ, то въ этомъ еще нѣтъ ничего предосудительнаго.

Марцелина.

Прошу васъ, замолчите, насъ могутъ подслушать...

Мишо.

А мнѣ какое дѣло: пускай слушаютъ, подслушиваютъ, выслушиваютъ; но я готовъ говорить всѣмъ и каждому, что я люблю васъ; да, сударыня, да, люблю... вотъ и все, и больше ничего... Скажу, что я отъ васъ таю, какъ свиное сало на сковородѣ...

Марцелина (съ сердцемъ).

Вы несносны, Господинъ Мишо!

Мишо.

Покорно васъ благодарю!.. Но вспомните, что вѣдь ровно восемь лѣтъ вы жи-

вете въ моемъ домѣ... ровно восемь лѣтъ пользуетесь всѣмъ моимъ добромъ, и ровно восемь лѣтъ я въ васъ влюбленъ какъ кошка!.. Такъ что жъ вы уморить, что ли, меня хотите?.. Вамъ стыдно это дѣлать!.. Конечно, я человѣкъ слабый, много ли мнѣ надобно!..

Марцелина.

За что же вы сердитесь?.. Что я вамъ сдѣлала?..

Мишо.

Что сдѣлали?.. А зачѣмъ вы не хотите быть моей женой, а?.. зачѣмъ?

Марцелина.

Я вамъ, кажется, сто разъ объясняла причину...

Мишо.

Да причина-то самая пустая! У васъ есть гдѣ-то сынъ отъ перваго брака. Ну, что же? Онъ мнѣ будетъ пасынкомъ, когда найдется...

Марцелина (со вздохомъ).

Да... но гдѣ теперь это бѣдное дитя?.. Увижу ли я его?!

Мишо.

Да вы скажите мнѣ, какъ зовутъ этого гренадера, который его спасъ?..

Марцелина.

Не знаю...

Мишо.

А полкъ, въ которомъ онъ былъ въ то время?..

Марцелина.

Тоже не знаю...

Мишо.

Такъ какъ же, вы ничего не знаете, а еще надѣетесь...

Марцелина.

Да, надѣюсь. Предчувствіе меня не обманываетъ. Сердце матери говоритъ, что я скоро найду его...

Мишо.

Предчувствіе—фальшивая монета, сударыня, когда нѣтъ въ наличности другой. Общайтесь только быть моею женой, и я готовъ для васъ на все, готовъ бросить мой трактиръ, вхвать вмѣстѣ съ вами на

край свѣта, и искать вашего сына; хотите?..

Марцелина.

Общайтесь, ничего не общаю, но подумаю... посмотрю... Впрочемъ, вотъ вамъ рука моя... но не сердце...

Мишо (въ радости).

Ну, да, да... Ее-то мнѣ и надобно!.. А ужъ сердце-то, сердце-то... я послѣ какъ нибудь у васъ его украду!.. О! Марцелина, Марцелина!.. Я теперь такъ счастливъ... такъ счастливъ!.. что, мнѣ кажется, умру отъ радости!..

(Цѣлуетъ ея руку).

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Жоржета.

Жоржета.

Господиъ Мишо! Господиъ Мишо!

Мишо.

Что? что? что ты кричишь, сумасшедшая!..

Жоржета.

Пришли солдаты, остановились на площади, и спрашиваютъ вина!..

Мишо.

Чего? Чего? Вина? А много ли ихъ?

Жоржета.

Премножество-съ! А что за народъ! Молодець къ молодцу! Съ большими усами, съ бакенбардами. Заглядывье, да и только!.. Впрочемъ, говорятъ, что это еще авангардъ, а весь-то полкъ прійдетъ къ вечеру.

Мишо.

Ага! скорѣе! скорѣе! Не надо терять времени! Жоржета! Маршъ на кухню!.. Приготовь комнаты... то есть, комнаты въ трактирѣ... Нѣтъ, стой!.. А вы, Марцелина, прикажите повару поставить на плиту все кушанье, которое осталось отъ прошлой недѣли! Слава Богу! теперь и гнилые припасы сойдутъ за свѣжіе!.. А то приходилось бросить. Кушайте на здо-

ровье, господа служивые! Я патриотъ, люблю военныхъ людей... Да что жъ ты, Жоржета, стойшь сложа руки!.. Поворачивайся!.. Бѣги!.. Нѣтъ, стой!.. Иди!.. (*Суетится и говоритъ Марцелинъ.*) Извините меня, Марцелина, я васъ измучилъ.... Съ меня потъ такъ и льетъ!.. (*Жоржетъ.*) Эй, Жоржета!.. Постой!.. Я задыхаюсь отъ радости! За столомъ солдаты любятъ попить исправно.... Стало быть, цѣльное вино имъ вредно, надобно разбавить его водою.... Ступай, слышишь?... Нѣтъ, нѣтъ!.. Она все перепортитъ.... пожалуй, укусу пальеть вмѣсто воды, а оно и такъ довольно кисло! Жоржета!.. Жоржета! Воротись! Я самъ бѣгу, а ты убери здѣсь все хорошенько!.. Пойдемте, Марцелина! (*Уходитъ съ Марцелиной.*)

ЯВЛЕНІЕ III.

Жоржета (*одна*).

Что съ нимъ сдѣлалось? Отчего онъ такъ веселъ? Неужли госпожа Марцелина согласилась выйти за него?... Если правда.... такъ жаль ее бѣдняжку!.. Это такой человѣкъ, на котораго даже и плюнуть жалко. Онъ было и за мною вздумалъ ухаживать, да я ему на отрѣзъ сказала, что онъ такой противный!

Но 1.

Онъ противный такой,
Красноносый, съдой,
Такъ куда ужъ ему полочиться!
(Смысла вовсе въ томъ нѣтъ:
Кто подъ семьдесятъ лѣтъ
На молоденькой хочетъ жениться!
Нѣтъ, мы вамъ не съ руки,
Господа старики,
Въ насъ найдете себѣ затрудненье,
И легко можетъ быть,
Вамъ прійдется носить
На съдой головъ украшенье!

Но, что это! Кого Богъ даетъ? А! это солдатикъ! Ахъ, какой хорошенькій!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Жоржета, Фрицъ (*вбѣгаетъ*), потомъ Феликсъ.

Но 2.

Фрицъ.

Что лучше жизни нашей?
Враговъ отчизны бьемъ,
За то ужъ полной чашей
И радость послѣ пьемъ!..

Солдату утѣшенье,
Когда идетъ въ походъ,
Что, можетъ быть, въ сраженьи
Со славою умреть!..

Онъ бьетъ на пропалюю!
Но чести не продастъ,
За родину свягую
И голову отдастъ!

Что лучше жизни нашей?
Враговъ отчизны бьемъ!
За то ужъ полной чашей
И радость послѣ пьемъ!..

(*Подбѣгаетъ къ дверямъ.*)

Феликсъ! Феликсъ! Да ну, двигайся, черепах!.. Иди, смѣло. Феликсъ! (*Жоржетъ.*) Послушай, милая, можно ли получить бутылку вина?..

Жоржета.

Сколько угодно, сударь.... (*Въ сторону.*) Премиленькій!..

Фрицъ (*снова подбѣгаетъ къ дверямъ*).

Феликсъ! Иди же. Здѣсь мы можемъ отдохнуть.

Феликсъ (*входитъ, неся на себѣ барабанъ и портупеню съ палочками*).

Ну, слава Богу! Наконецъ, я избавлюсь этой проклятой ноши! (*Кладетъ все на полъ.*) Ты съ чего это взялъ убѣжать на легкѣ и навалить на меня это чортово лукошко?

Фрицъ (*весело*).

Успокойтесь, господинъ флейтщикъ!..

Кн. XVIII — 4

Здѣсь я нашелъ хорошенькую дѣвушку, которая принесетъ намъ бутылку вина, такого же вкуснаго, какъ она сама!..

Феликсъ (снимая амуницію).

Дѣвушка! Не дурно!... Подай сюда дѣвушку!... Или нѣтъ!... Я лучше начну съ вина.... Жажда чертовски меня мучить!...

Фрицъ (Жоржетъ).

И такъ, моя милая, потрудитесь же распорядиться.

Жоржета.

Съ удовольствіемъ, господинъ барабанщикъ!... (Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ V.

Фрицъ и Феликсъ.

Фрицъ.

Не правда ли, Феликсъ, что эта дѣвушка не дурна?...

Феликсъ.

Не дурна, и можно за ней приволочнуться, такъ, знаешь, отъ скуки....

Фрицъ.

Что?... Ты хочешь волочиться? Ты? Ха! ха! ха!... Помилуй, Феликсъ, съ твоей смуглой рожницей волочиться за такой хорошенькой!... Ну, посмотри, на кого ты похожъ? Весь въ пыли и въ грязи! (Подводитъ къ столу.) Садись, я оботру тебѣ мордочку. (Оттираетъ ему лице платкомъ.) Ну, вотъ теперь немного почище!... Эге! Да ты едва духъ переводишь! Стыдись порочить полкъ! Хорошъ служака! Ахъ, ты тюлень! Посмотри на меня, каковъ? (Становится во фронтъ.) Я не сидѣлъ въ повозкѣ, не отдыхалъ, а шелъ рядомъ съ храбрыми усачами, и что жъ, нисколько не усталъ.... А ты!... о! старая баба!... Миѣ за тебя стыдно!...

Феликсъ.

Пожалуйста не стыди, да и не бранись....

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и Жоржета (приноситъ бутылку вина, два стакана, и ставитъ на столъ).

Жоржета.

Извольте, господа! Самое лучшее вино.

Фрицъ.

А вотъ попробуемъ. (Пьетъ.) За твое здоровье, моя красавица! Ну, Феликсъ, отведи душу, и запей усталость!... (пьютъ.)

Жоржета.

Помилуйте, господа! Какъ вы можете пить цѣльное вино? Вѣдь оно крѣпко....

Фрицъ.

Для солдата это ничего не значитъ!

Жоржета.

Но въ ваши лѣта....

Фрицъ.

А что наши лѣта! А? Въ мундирѣ нельзя же пить воду. Бери, Феликсъ, стаканъ, наливай полѣе, и выпьемъ дружно! Вивать!

Но 3.

Фрицъ.

Ну, мой другъ Сансоне,
Пей скорѣй, не зѣвай!
Нѣтъ дурнаго въ винѣ,
Лишь не пей черезъ край!...

Феликсъ.

Радъ тебѣ угодить,
Фрицъ, любезный ты мой,
Радъ компанью дѣлить
Я съ виномъ и съ тобой!

Жоржета (подходя къ нимъ).

Миѣ позвольте спросить,
Не угодно ли вамъ,
Я сейчасъ закусить
Если нужно подамъ?

Феликсъ (тихо Фрицу).

Угождаетъ намъ вѣсѣмъ!

(Ей).

Закусить мы хотимъ,
Только знаешь ли чѣмъ?
Поцѣлуемъ твоимъ!

Жоржета (смѣясь).

Нашъ хозяинъ презлой!

Я должна вамъ сказать,
И закуски такой
Не велитъ подавать,
И боюсь, какъ чумы,
Признаюсь вамъ, его...

Феликсъ.

Лишь по разику мы —
Да и только всего!

Жоржета (*застенчиво*).

Ужъ развѣ только по одному разику,
а больше я ни за что не соглашусь....

Фрицъ (*подходя, цѣ-
луетъ ее*).

Да больше и не надобно!...

Феликсъ (*также цѣ-
луетъ ее*).

Мы народъ сговорчивый! (*Цѣлуетъ ее
нѣсколько разъ.*)

Жоржета (*вырывается*).

А зачѣмъ же лишку!

Феликсъ.

Неужели лишку?... Ну, виновать, об-
челся.

Жоржета (*грозитъ имъ*).

Видишь, какіе вы! гмъ!...

Фрицъ.

Ну, теперь скажи мнѣ, моя милая, какъ
тебя зовутъ?

Жоржета.

Жоржетою, господинъ барабанщикъ.

Фрицъ.

Замужемъ?

Жоржета.

Нѣтъ еще.

Фрицъ.

Однако жъ, есть женихи на примѣтъ?

Жоржета.

Покуда ни одного.

Феликсъ.

Ну, такъ хочешь ли я женюсь на те-
бѣ? А?

Жоржета.

Пойдите, сударь! Вы солдатъ, а за сол-
дата я ни за что не пойду....

Фрицъ (*смыется*).

И умно сдѣлаешь! Полно, Феликсъ, за-
ниматься вздоромъ; намъ еще есть о чемъ
подумать. Сегодня рожденіе моего отца,
и я долженъ ему поднести букетъ....

Феликсъ.

Ахъ, да, да! Твоя правда! Такъ я зака-
жу обѣдъ, а ты будешь хозяйничать....

Фрицъ.

Хорошо, я согласенъ. Послушай, милая
Жоржета, мнѣ нужна особая комната....

Жоржета.

Комната для васъ готова.

Фрицъ.

И хорошій обѣдъ?....

Жоржета.

Все будетъ самое лучшее....

Фрицъ.

А цвѣты? Мнѣ нужны также цвѣ-
ты....

Жоржета.

О! За этимъ дѣло не станетъ. У насъ
садъ хоть небольшой, но цвѣтовъ въ
немъ очень много.

Фрицъ.

И чудесно! (*Феликсу*). Ступай же по-
заботься объ обѣдѣ.... (*Жоржетъ*). А
ты, Жоржета, нарви мнѣ цвѣтовъ....

Бернаръ (*за кулисами*).

Товарищи! Занимайте квартиры, но, смо-
трите, рукавъ воли не давать!...

Фрицъ.

Голосъ батюшки! Я не хочу, чтобъ онъ
меня видѣлъ.... (*Берутъ амуницію. Жор-
жетъ*). Проводи насъ поскорѣй въ на-
шу комнату....

Жоржета.

Идите за мною. (*Всѣ уходятъ въ дверь
направо*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

БЕРНАРЬ И МАРЦЕЛИНА.

МАРЦЕЛИНА.

Пожалуйте, сударь. Извините, я не имѣю чести знать вашего имени....

БЕРНАРЬ.

Сержантъ Бернаръ, къ услугамъ вашимъ....

МАРЦЕЛИНА.

Не прикажите ли чѣмъ нибудь освѣжиться?

БЕРНАРЬ.

Благодарю васъ.... Я подожду товарищей....

МАРЦЕЛИНА.

Позвольте васъ спросить: вы возвращаетесь ихъ Страсбурга?...

БЕРНАРЬ.

Точно такъ, сударыня.

МАРЦЕЛИНА.

И идете въ....

БЕРНАРЬ.

Въ Парижъ, гдѣ, по окончаніи трудовъ, надѣемся отдохнуть и погулять, что называется по-солдатски!...

МАРЦЕЛИНА.

Вы женаты?

БЕРНАРЬ.

Нѣтъ, сударыня....

МАРЦЕЛИНА.

Имѣете родныхъ?...

БЕРНАРЬ.

Никого, кромѣ одного друга, который ни на минуту не покидаетъ стараго сержанта. Смотрите! (показываетъ на ружье, которое при входѣ поставилъ у дверей). Вотъ онъ, мой красавецъ! Какъ гордо смотритъ! Не правда ли?... Красуется, какъ невѣста передъ вѣнцомъ!... На квартирахъ, на бивуакахъ, въ сраженіи, всегда и вездѣ со мною. Съ нимъ я былъ въ десяти баталяхъ, получилъ три коптузіи въ ногу, перенесъ до дюжины параній и три раны въ голову! О! Я не пря-

тался въ кусты, не былъ похожъ на нашихъ баловней или матушкиныхъ сынковъ, которые, во время сраженія, боятся и курокъ спустить. Охъ, эти баловни! И къ стыду моему, долженъ я признаться, что у насъ въ полку было ихъ человѣка четыре.

Но 4.

Своими видѣлъ я глазами,

Когда они на приступъ шли:

Гдѣ должно бы летѣть орлами,

Тамъ черепахами ползли!

Случись же намъ ретироваться,

Такъ я готовъ пари держать,

Что даже зайцы не рѣшятся

Всѣхъ этихъ баловней догнать!

Но кстати о баловняхъ, не остановился ли у васъ негодяй барабанщикъ?

МАРЦЕЛИНА.

Нѣтъ-съ, я не видала. Но позвольте спросить, не были ли вы въ Германіи?...

БЕРНАРЬ.

Въ Германіи? Да, чортъ возьми! Я сдѣлалъ въ Германію три похода. Но гдѣ этотъ шалунъ?...

МАРЦЕЛИНА.

Извините, господинъ сержантъ, если я обезпкою васъ однимъ вопросомъ....

(Слышны крики за дверью).

БЕРНАРЬ.

А! вотъ они! (Идетъ на встрѣчу).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же, Мишо, солдаты съ ружьями и Жоржета съ виномъ.

Но 5.

ХОРЪ СОЛДАТЪ.

Давай вина! Давай намъ водки!

Скорѣй угощай солдатъ!

Мишо (смотря на нихъ).

Прудивительныя глотки!

Они все выпьютъ и съѣдятъ!

(Имъ).

Прошу покорнѣе садиться, и пять минутъ пообождать!

БЕРНАРЬ.

Да не садиться, а напиться,
Вели въ минуту подавать!...

ХОРЪ.

Давай вина! Давай намъ водки,
И продовольствуй насъ во всемъ,
Нѣтъ, вѣдь у насъ разсчетъ короткій—
Весь домъ поставимъ къ верху дномъ!...

Мишо (увидя Жоржета,
беретъ отъ нее
корзинку съ виномъ и
ставитъ на столъ).

Вотъ вамъ и вино, господа служивые!...

КАПРАЛЪ.

Слава Богу! Насилу дождался! (Нали-
ваютъ стаканы). Друзья! Здоровье на-
шего Сержанта! Вивать!

СОЛДАТЫ.

Вивать! (Пьютъ).

БЕРНАРЬ (наливая ста-
канъ).

Благодарю, товарищи! За храбрость и
славу нашего полка! Вивать!

СОЛДАТЫ.

Вивать!

Мишо (тихо Марце-
линь).

Милая Марцелина, сдѣлайте такое одол-
женіе... То есть, пожалуйста на кухню, и
распорядитесь во всемъ хорошенько, знае-
те: сержанту и капралу отпустите ку-
шанье посвѣжѣе, ну, а солдаты-то не
прогибваются, съѣдятъ и кислое!...

МАРЦЕЛИНА.

Но я хотѣла бы поговорить съ сержан-
томъ....

Мишо.

На счетъ вашего сына?... Э! Боже мой,
ужъ позвольте мнѣ распорядиться. Даю
вамъ честное слово распросить у всѣхъ
подробно. Жоржета! Жоржета!

ЖОРЖЕТА.

Что угодно, господинъ Мишо?

Мишо.

Я приготовлю столъ въ большой залъ,

а ты возьми тарелки изъ этого шкафа, и
принеси туда. Слышишь?

ЖОРЖЕТА.

Слушаю, господинъ Мишо!

МАРЦЕЛИНА (солдатамъ).

Господа! Въ ожиданіи обѣда, не угод-
но ли пожаловать въ свои комнаты! Ту-
да же будетъ подано и вино....

БЕРНАРЬ (про себя).

Однако, гдѣ же мой шалунъ? (Мишо).
Господинъ трактирщикъ! Приготовьте для
меня двѣ кровати.

Мишо.

Какъ, двѣ, господинъ сержантъ?

БЕРНАРЬ (смѣясь).

Ну, да, какъ обыкновенно. Я хочу
одинъ спать на двухъ кроватяхъ.

Мишо.

Какъ вамъ угодно, господинъ сержантъ.
Пожалуйте за мною, господа!

БЕРНАРЬ.

Товарищи! Маршъ, по квартирамъ! Но
помнить приказаніе: ссоры не заводите;
если кто чѣмъ недоволенъ скажи мнѣ; а
за самоуправство отвѣчаете строго.

СОЛДАТЫ.

Слушаемъ, господинъ сержантъ!

БЕРНАРЬ (Мишо).

Ну, старина маршъ, впередъ!

№ 6.

ХОРЪ СОЛДАТЪ.

Поскорѣй, друзья, пойдемъ!

Пообѣдаемъ въ плотную,

Мы еще вина хлебнемъ,

Да и маршъ на боковую!

(Берутъ бутылки и уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ IX.

ЖОРЖЕТА, потомъ Феликсъ.

ЖОРЖЕТА.

Ахъ, Господи! Что за молодцы эти
военные, чудо!...

Но 7.

Всѣ они народъ отъѣнный!
 Счастье имъ вполнѣ везеть,
 И всегда у насъ военный
 Передъ статскимъ верхъ возьметъ!
 Ихъ мудирь, ихъ мудирь,
 Это просто нашъ кумирь!
 Посмотрите: вотъ поручикъ,
 Черезъ карты обдѣлалъ,
 Что же сдѣлалъ онъ, голубчикъ?...
 Да старушку отыскалъ!...
 На ся-то капиталъ
 Жить опять чудесно сталъ!...
 Вотъ при вѣтхъ жена ласкаетъ
 Мужа въ шестьдесятъ пять лѣтъ,
 А секретно принимаетъ
 Пару дерзкихъ эполетъ...
 Въ кабинетъ, въ кабинетъ,
 И ужъ тамъ секретовъ нѣтъ!
 Коль на дѣвушку находитъ
 Варугъ хандра, въ семнадцать лѣтъ;
 Что съ ума ее такъ сводитъ?...
 Ужъ известно что, корнетъ!
 Охъ злодѣй! Охъ корнетъ!
 Отъ тебя житья намъ нѣтъ!...

Однако жъ, я такъ замечталась объ
 этихъ пустякахъ, что совсѣмъ забыла о
 дѣлѣ!... (Идетъ къ шкафу и хочетъ
 вынимать тарелки).

(Феликсъ выходитъ изъ своей комна-
 ты, видитъ Жоржету, подкрадывается
 на цыпочкахъ, беретъ ее за талию и
 цѣлуетъ).

ЖОРЖЕТА (вскрикиваетъ).

Ахъ!

ФЕЛИКСЪ.

Не бойся, моя милая Жоржета, это я!

ЖОРЖЕТА.

Ахъ! господинъ флейщикъ, какъ вы
 меня перепугали. По вашей милости, я
 чуть было не перебила всей посуды!...

ФЕЛИКСЪ (приставая къ
 ней).

Что говорить о посудѣ, это вздоръ!...
 Мнѣ непремѣнно хотѣлось тебя поцѣло-
 вать. Вотъ я и поцѣловалъ, и даже еще
 поцѣлую!

ЖОРЖЕТА.

Да полноте-съ! Ахъ, какой вы шалуни!

Я не позволю вамъ больше цѣловать се-
 бя... Я не хочу!..

ФЕЛИКСЪ.

А! въ такомъ случаѣ, извини! Мы, люди
 военные, и если крѣпость не сдается,
 беремъ ее приступомъ...

ЖОРЖЕТА (бѣжитъ отъ
 него).

Да я не крѣпость, и меня приступомъ
 не возьмете!

ФЕЛИКСЪ (бѣжитъ за
 нею).

А вотъ увидимъ!...

ФРИЦЪ (за кулисами).

Феликсъ! Сансоне!...

ЖОРЖЕТА.

Слышите, васъ зоветъ товарищъ!

ФЕЛИКСЪ (бѣгая за нею).

Пусть его зоветъ, а я не пойду!...

ЖОРЖЕТА.

Полноте же, вы меня совсѣмъ изму-
 чили!

ЯВЛЕНИЕ X.

ТѢЖЕ И ФРИЦЪ.

ФРИЦЪ (увидя бѣгающаго
 Феликса).

Феликсъ! что ты здѣсь дѣлаешь?

ФЕЛИКСЪ (не переставая
 бѣгать за Жор-
 жетой).

Въ горѣлки играю!...

ФРИЦЪ.

Папа пришелъ.

ФЕЛИКСЪ.

Очень радъ! Пусть его отдохнетъ! а я
 мѣжду тѣмъ займусь!...

ФРИЦЪ.

Перестань же дѣлать глупости! Не слу-
 шай его, милая Жоржета, онъ сумасшед-
 шій!...

ФЕЛИКСЪ.

Что?...

Фрицъ.

Ты очень мила, а этотъ загарышь не стоитъ такой красотки!

Феликсъ.

Я загарышь? Самъ ты загарышь! Полковое дитя!

Фрицъ.

Полковое дитя?... Что ты хочешь этимъ сказать? Негодай! Мальчишка!

Жоржета.

Господа! вы ужъ и ссоритесь!

Феликсъ.

Я не позволю, чтобъ надо мной смѣялся барабанщикъ!

Фрицъ.

Ха, ха, ха, скажите пожалуйста, ужъ не произвели ли васъ въ капитаны, господинъ флейтщикъ?...

Феликсъ.

Дуракъ!

Фрицъ (*вспыхнувъ*).

Дуракъ! Сынъ стараго сержанта, дуракъ!...

Феликсъ.

Полно смѣшить, Фрицъ. Онъ тебѣ такой же отецъ, какъ и мнѣ. Развѣ не знаешь, кто ты?

Фрицъ (*вспыльчиво*).

Ну, ну, говори! Кто я?

Феликсъ.

Ты?... Найденышъ! подкидышъ, котораго дядя Бернаръ, изъ жалости, взялъ къ себѣ и назвалъ сыномъ...

Фрицъ.

Боже! Неужели это правда?... Нѣтъ! Быть не можетъ!... Ты негодяй, клеветникъ!... (*вынимая тесакъ*) Но вотъ что заставитъ прикусить тебя твой проклятый языкъ! Защищайся, или я проколю тебя!...

Феликсъ (*также вынимаетъ тесакъ*).

Жоржета.

Господа! господа! остановитесь! По-

могите! помогите! они рѣжутся!... Помогите!

ЯВЛЕНІЕ XI.

ТѢЖЕ, МИШО И БЕРНАРЪ.

ОБА.

Что случилось?

Бернаръ.

Тысяча бомбъ! (*Командуетъ*) Смирно! Во-фронтъ! (*они становятся во фронтъ*) Что вы дѣлаете, чертенята? Изъ чего произошла ссора, говори, я приказываю! Я требую отвѣта!

Фрицъ (*во фронтъ*).

Господинъ сержантъ! Я никогда бы не осмѣлился забиться до такой степени; но честь моя посрамлена! Я обиженъ, и кѣмъ же? другомъ! Его постыдныя слова... О! это ужасно, что онъ произнесъ!...

Бернаръ (*въ испугъ*).

Что такое, сынъ мой?

Фрицъ (*отводя его тихо*).

Батюшка! правда ли, что я найденышъ, полковое дитя? Говорите, говорите, правда ли это?...

Бернаръ.

А если бъ это была и правда? За чтожъ тутъ ссориться?

Мишо (*въ сторону*).

Что я слышу! Вотъ радость-то!

Фрицъ.

За что?... за такія слова я непременно долженъ наказать его!... (*Хочетъ броситься на Феликса*).

Бернаръ (*командуя*).

Во-фронтъ!... Какъ, въ присутствіи сержанта, ты осмѣливаешься! Шалунъ! Мальчишка! Сейчасъ же помирись! Вы еще новички, не умѣете управлять собою, такъ я управлюсь съ вами! Помните, чертенята, что вы носите мундиръ, а мундиръ должно носить съ честію, и не-

заниматься вздорами и гнусными пустяками!...

Фрицъ.

Но, господинъ сержантъ, выслушайте: если другъ единственный, искренній другъ обижаетъ, поноситъ меня низкими словами, то неужели я, обиженный, не въправѣ защищать честь свою, не наказывать дерзкаго и не смыть обиды кровью?

Бернаръ (въ сторону).

Да, да, это правда, чортъ возьми! правда! Въ немъ течетъ кровь храбраго солдата! Славно, сынъ мой, славно! (Фрицу, повелительно) Но ты долженъ помириться!...

Фрицъ.

Помириться! Никогда!...

Бернаръ.

А если такъ... подь арестъ!

Фрицъ.

О! это уже слишкомъ! батюшка!...

Бернаръ.

Смирно!... тысячу разъ смирно! Если ты любишь своего отца, дорожишь его сѣднями, своею будущей славой, докажи любовь свою ко мнѣ, протяни руку другу и заключи миръ... (Фрицъ колеблется) Фрицъ! сынъ мой, любишь ли ты отца?...

Фрицъ.

Мнѣ васъ не любить, батюшка! мнѣ... (Вдругъ на лицъ его является улыбка, онъ хочетъ броситься къ Феликсу, но Бернаръ разводитъ ихъ въ разныя стороны, а самъ становится въ срединѣ).

Бернаръ.

Стой! во-фронтъ! Шаги въ но-жны!.. Руки по-швамъ!.. (Они исполняютъ; оборачиваясь къ Феликсу). На пра-во! (Онъ исполняетъ; къ Фрицу). На лѣ-во! (Фрицъ исполняетъ) Пря-мо! Скорымъ шагомъ маршъ, марршъ! (Оба идутъ маршемъ другъ противъ друга, и когда сошлись носъ съ носомъ, въ это время Бернаръ командуетъ): Стой!... Подними руки! (Исполняютъ) Хорошо; обнимитесь

и поцѣлуйте! (Они цѣлуются. Фрицъ бросается передъ Бернаромъ на колѣни, онъ поднимаетъ его, обнимаетъ, со слезами цѣлуетъ, и послѣ нѣкотораго молчанія командуетъ).

Фрицъ (во время нѣмой сцены).

Батюшка!

Бернаръ.

Во-фронтъ! на лѣво кру-гомъ! Прямо въ дверь, скорымъ шагомъ маршъ, марршъ! (Они маршируя уходятъ въ двери. Бернаръ смѣется). Ха, ха, ха! чортъ возьми, чертенята! Я вамъ дамъ завести ссоры!.. (Идетъ за ними, но Мишо его учтиво останавливаетъ).

ЯВЛЕНІЕ XII.

Мишо, Бернаръ и Жоржета.

Мишо.

Господинъ сержантъ! одно слово!

Бернаръ.

Хоть десять... Что тебѣ надобно?

Мишо.

У васъ сейчасъ сорвалось съ языка словечко, которое я поймалъ...

Бернаръ.

Поймалъ, такъ держи крѣпче. Однако жъ, на счетъ чего?...

Мишо.

На счетъ вашего барабанщика...

Бернаръ.

Моего сына?...

Мишо.

Такъ точно. Вашъ сынъ сказалъ, что онъ сынъ вашъ, а вы, какъ отецъ, сказали, что вы не отецъ ему, а потому, изволите видѣть... если вы ему не отецъ... следовательно... и онъ не можетъ быть вашимъ сыномъ... Такъ позвольте же спросить... какого отца вашъ сынъ?...

Бернаръ.

Клянусь честью, самъ не знаю. Это най-

деньшъ... Я нашель его въ полѣ, назадъ тому пятнадцать лѣтъ...

Мишо.

Нашли?... А позвольте узнать, гдѣ вамъ его Богъ послалъ?...

Бернаръ.

Въ Германіи...

Мишо.

Въ Германіи?...

Бернаръ.

Да. Я очень хорошо это помню... Неприятельскій отрядъ напалъ на насъ въ распахъ, и загналъ въ болото. Вскорѣ, однако жъ, подоспѣла къ намъ подмога, и мы въ свою очередь прогнали неприятеля. На дорогѣ представилась мнѣ ужасная картина... Тамъ лежали въ крови трупы воиновъ, женъ и дѣтей, и между ними увидѣлъ я полумертвую женщину, на груди которой сидѣлъ съ поднятыми къ небу рученками младенецъ, и какъ будто говорилъ мнѣ: «спаси меня! Не дай умереть отъ голода и холода! Богъ воздастъ тебѣ за спасеніе невинной жертвы!» Я подбѣжалъ къ несчастнымъ, взялъ малютку, посадилъ на плечи, а мать, съ помощью двухъ солдатъ дотащилъ до ближайшей деревни, гдѣ перваго крестьянина молилъ именемъ Бога дать приютъ несчастной. Тутъ снова ударили въ барабанъ! Я схватилъ младенца и поклялся хранить его какъ бы вѣренное мнѣ знамя!... Увидѣвъ на шеѣ полумертвой женщины медальонъ съ ея портретомъ, я снялъ его, надѣлъ на ребенка, и сказалъ доброму крестьянину: пока я живъ, это дитя будетъ моимъ сыномъ...

Мишо.

Боже мой!... Какое счастье!... Какая радость!... Нѣтъ сомнѣнія, это онъ!... Господинъ сержантъ!... Я не говорю... нѣтъ... ни слова не говорю... потому что... но послушайте... если бѣ... я такъ думаю... если бѣ... когда нибудь нашлась мать, и потребовала бы свою собственность...

Бернаръ.

Этого быть не можетъ! Она вѣрно ужъ умерла!...

Мишо.

Ну, а если бѣ случилось, что она жива, то возвратили ль бы вы ей сына, или нѣтъ?...

Бернаръ (покручивая усъ).

Да, чортъ возьми! она въ правѣ его отъ меня потребовать... и я долженъ возвратить!...

Мишо.

Ну, такъ знайте же: она жива!

Бернаръ.

Что ты говоришь?

Мишо.

Да, его мать... то есть... та самая женщина, которую вы видѣли здѣсь... Сдѣлайте милость, пойдите къ ней... сличите копію съ оригиналомъ, и вы убѣритесь въ истинѣ... Гдѣ у васъ этотъ медальонъ?...

Бернаръ.

Въ моемъ ранцѣ. (Блѣжитъ за ранцемъ.) Ахъ, чортъ возьми, господинъ трактирщикъ, ты меня такъ сразилъ, что я самъ себя не помню... Бѣдный мой Фрицъ! Воображалъ ли ты найти мать, которая... тысяча бомбъ!... я готовъ плакать отъ радости!... Пойдемъ, пойдемъ скорѣе!

Мишо.

Пойдемте, господинъ сержантъ!

(Уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ЖОРЖЕТА (одна).

Что за коммиссія! Я ничего не поняла о чемъ они толковали! Неужели этотъ барабанщикъ сынъ Г-жи Марцелины?... Удивительно!... Однако жъ, какой премилый человѣкъ сержантъ! Не смотря на

его страшные усы, онъ имѣеть предоброе сердце!...

Но 8.

Съ душою чистой, благородной,
Онъ удивительно какъ милъ!
Его поступокъ превосходный
Меня къ нему расположилъ!
Хоть я усовъ его боюся,
Они хоть страшны, такъ сказать:
Но я при всѣхъ не постыжуся
Его сто разъ разцѣловать!
И что жъ тутъ страшнаго такого?...
Двица всякая смекнетъ,
Что этотъ старый молодого
Любаго за поясъ заткнетъ!...

Однако жъ, желала бы я знать, что тамъ происходитъ?... *(Бѣжитъ къ двери.)* Они говорятъ.... какая досада, ничего не слышать! А! вотъ кто-то идетъ!... Господинъ Мишо!...

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Жоржета и Мишо.

Мишо *(входитъ съ распущеннымъ носовымъ платкомъ, и жмется)*.

Ты здѣсь, Жоржета, поди на кухню. Марцелина теперь не въ состояніи заниматься дѣломъ, у нее отъ радости и руки не поднимаются. Удивительная была сцена!...

ЖОРЖЕТА.

Скажите, ради Бога, Господинъ Мишо, неужели правда, что госпожа Марцелина нашла своего сына?

МИШО.

Торжественно нашла! И это такъ справедливо, какъ то, что я трактирщикъ подъ вывѣскою: «Осель.» Ахъ, Жоржета! Если бъ ты видѣла эту картину радости.... Ты просто сошла бы съ ума, хорошо еще, что мнѣ не съ чего. Мать бросалась изъ угла въ уголь, какъ угорѣлая кошка! Цѣловала всѣхъ: сына, сержанта, Фелик-

са и меня... Да, Жоржетушка, и меня... Мы всѣ плакали какъ дураки!... Марцелина плакала отъ радости, что нашла сына; сынъ плакалъ потому, что нашелъ мать; я плакалъ отъ того, что женюсь на ней... А зачѣмъ плакали другіе?... право не понимаю.... Но вотъ идетъ сержантъ! Поди, Жоржета, на кухню, и присматривай за всѣмъ хорошенько!

(Жоржета уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ XV.

Мишо и Бернаръ *(входитъ печаленъ, сложивъ руки накрестъ)*.

Мишо *(посль нѣкотораго молчанія, подходитъ къ нему на цыпочкахъ)*.

Что, господинъ сержантъ! насладились ли вы вашимъ добрымъ дѣломъ? Скажите по совѣсти, вѣдь пріятна была картина свиданія!

БЕРНАРЬ.

Господинъ трактирщикъ, окажите мнѣ услугу....

МИШО.

Тысячу вмѣсто одной... что прикажете?..

БЕРНАРЬ.

Достаньте мнѣ лошадь.

МИШО.

Не угодно ли осла, такъ я къ вашимъ услугамъ....

БЕРНАРЬ.

Лошадь.... Самую лучшую лошадь. Я сейчасъ получилъ повелѣніе отъ капитана: мнѣ должно отсюда уѣхать, и уѣхать такъ, чтобы никто не зналъ....

МИШО.

А! понимаю, понимаю, вы хотите....

БЕРНАРЬ.

Да, я хочу удалиться отсюда, чтобы не видать ни радости ребенка, ни слезъ матери, которыя терзаютъ мою душу! Я долженъ оставить моего сына! Да, милый

Фрицъ, ты больше не увидишь своего отца!... но старикъ Бернаръ всегда будетъ о тебѣ помнить!...

Мишо.

Я постараюсь замѣнить ему отца, и буду любить какъ собственнаго сына; только объ одномъ сожалею, что вы не остаетесь здѣсь, и не можете быть на моей свадьбѣ!...

Бернаръ.

Ты женишься?...

Мишо.

Да, господинъ сержантъ, вѣдь Марцелина-то выходитъ за меня за мужъ, и я сейчасъ бѣгу за нотариусомъ!...

Бернаръ.

Прошу тебя, сдѣлай милость, дай мнѣ лошадь; я заплачу вдвое, втрое, вчетверо, только, чтобъ уѣхать!... Здѣсь мнѣ душно!...

Мишо.

Сю минуту, господинъ сержантъ! *(Идетъ и возвращается)*. А жаль, очень жаль, вы не остаетесь попить за моей свадьбѣ!... То-то будетъ весело!...

Бернаръ.

Лошадь! чортъ тебя возьми, ло ады!...

Мишо.

Бѣгу, господинъ сержантъ, бѣгу! *(Идетъ медленно до дверей и останавливается. Когда Бернаръ бросается на стулъ, Мишо подходит къ нему и говоритъ на ухо)*. Очень жаль!... *(Бернаръ въ сердцахъ топаетъ ногою)*. Иду, бѣгу, господинъ сержантъ!...

(Уходитъ тихо).

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Бернаръ одинъ, потомъ Фрицъ.

Бернаръ *(въ недоумльнн, молча, осматриваетъ комнату, вынимаетъ платокъ, отираетъ слезы, хочетъ говорить, но скорбь препятствуетъ, онъ бро-*

сается на стулъ, и по некоторомъ молчанн, говоритъ сквозь слезы).

Фрицъ! Сынъ мой! Прости на вѣки! Будь счастливъ! А я!... я болѣе не увижу тебя!... *(Идетъ къ дверямъ, но въ это время входитъ Фрицъ)*.

Папа! зачѣмъ ты насъ оставилъ?

Бернаръ.

Ты нашелъ мать!...

Фрицъ.

Мать! Ахъ, папа! Безъ тебя у нее не было бы сына!...

Бернаръ.

Потому-то тебѣ и должно остаться съ нею!...

Фрицъ.

Но ты, папа?...

Бернаръ.

Я?.. Это не твое дѣло!...

Фрицъ.

Не мое дѣло?.. Папа!.. Неужели ты рѣшишься оставить насъ?.. Неужели ты въ состоянн это сдѣлать?

Бернаръ.

Сынъ мой! рано или поздно, я долженъ разстаться съ тобою!...

Фрицъ.

Нѣтъ, никогда!

Бернаръ *(обнимаетъ его)*.

Прости, прости! Люби мать также пламенно, какъ любилъ прежде меня. Прощай!... *(Идетъ къ двери)*.

Фрицъ *(быстро удерживаетъ его)*.

Нѣтъ! я тебя не оставлю! Ты не поймешь, клянусь честью солдата, ты не пойдешь!

Бернаръ.

Но ты знаешь, что я долженъ слѣдовать за полкомъ!...

Фрицъ.

А развѣ полкъ можетъ быть безъ барабанщика?.. Вспомни папа, кто бьетъ тревогу къ сраженн?.. А?.. барабанъ, а безъ барабанщика ни барабанъ, ни полкъ

ничего не значать!... Нѣтъ, папа, я иду вмѣстѣ съ полкомъ!...

Бернаръ.

Безумецъ! А мать?...

Фрицъ.

Матушка!... я люблю ее; но честь для меня дороже матери. Я иду!...

Бернаръ.

Нѣтъ, ты долженъ остаться. Я тебѣ приказываю.... я тебѣ запрещаю идти!...

Фрицъ.

Никто въ свѣтѣ не можетъ мнѣ запретить того, на что я клятвою обязанъ! Не самъ ли ты училъ меня не измѣнять Королю?... Повиноваться дисциплинѣ и своей обязанности?... Вспомни, что говорилъ ты мнѣ, когда я былъ десяти лѣтъ; чему ты училъ меня?... вспомни!... не говорилъ ли ты, чтобъ я не покидалъ службы, ревностно исполнялъ ее, а теперь, что ты мнѣ советуешь? Измѣнить отечеству, присягѣ!... Никогда! Я честный солдатъ и хочу служить вѣрой и правдой!...

Но 9.

Съ тобой пятнадцать лѣтъ былъ вмѣстѣ, и какъ отца привыкъ любить;

(Указывая на грудь).

Ты самъ зажегъ здѣсь пламя чести, Зачѣмъ же хочешь потушить?...

Я сыномъ былъ тебѣ покорнымъ,

Ты самъ твердилъ мнѣ: «честнымъ будь!»

Такъ никогда клеймомъ позорнымъ

Не очернится эта грудь!...

Да, я ни за что не останусь въ этомъ дрянномъ трактирѣ, гдѣ даже стѣны будутъ ежеминутно шептать мнѣ: «Ты трусъ Фрицъ! ты для матери оставилъ полкъ, забылъ о славѣ и чести!» Нѣтъ!... я иду съ тобой, не оставлю своего полка и барабана. Лучше соглашусь пожертвовать любовью нѣжной матери, чѣмъ быть измѣнникомъ въ глазахъ товарищей!...

Бернаръ.

Сынъ! Милый Фрицъ! Останься съ матерью, прошу тебя! Смотри, я на колѣ-

няхъ!... Послушайся стараго сержанта, останься!...

Фрицъ (поднимая его).

Папа, встань!... О! для чего я нашелъ мать! зачѣмъ я родился на свѣтѣ! Отчего я не погибъ подъ ударами неприятелей, мнѣ легче было бы разстаться съ жизнью нежели съ тобою!...

(Бросается въ объятія Бернара; Марцелина входитъ).

Бернаръ.

Тысяча бомбъ! Я лучше бы согласился стоять грудью противъ неприятельскихъ пушекъ, нежели... (Обнимаетъ его) Но послушай, ничто не переменитъ моего намѣренія. Я ѣду, прости!... (идетъ и видитъ Марцелину) Боже, Марцелина!...

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Тѣже и Марцелина.

Марцелина.

Господинъ Бернаръ!... Неужели вы оставляете меня?... Неужели я снова должна разстаться съ сыномъ?

Фрицъ.

Ахъ, матушка, если бъ вы знали чѣмъ обязанъ я господину Бернару! Онъ переносилъ всѣ несчастія, терпѣлъ опасности, всѣ трудности, и для кого? для меня!... И вы воображаете, что сынъ вашъ за всѣ его благодѣянія заплатитъ, вмѣсто благодарности, одною холодною, пожатьемъ руки! Вы воображаете, что для моего благодѣтеля достаточно будетъ того, что сынъ вашъ протянетъ ему руку и скажетъ: «Спасибо, служивый, за «пятнадцати - лѣтнюю неусыпную твою «услугу, спасибо за то, что ты далъ мнѣ «жизнь, что образовалъ меня... Прошай, «добрый путь, сержантъ!»... Нѣтъ, вашъ сынъ не таковъ, онъ хочетъ быть благодарнымъ. Матушка! какъ я, такъ равно и вы, обязаны этому благородному человѣку, и вотъ, что я выдумалъ: вы должны непременно быть его женою!... Безъ возраженій! Я такъ хочу! я хочу имѣть

его, въ полномъ смыслѣ, отцомъ, и этого довольно! (*Командуетъ*) Смирно!... Я хочу поступить такъ же съ вами, господинъ сержантъ, какъ поступили вы со мною, часъ тому назадъ. Во-фронтъ! Голову въ верхъ! Глаза на лѣ-во, руки пошвамъ! лѣвое плечо впе-редь!... Такъ, хорошо! Смирно! А вы, матушка, такъ какъ не знаете военной тактики, то и прошу васъ стоять прямо; поднимите руки, и держите ихъ въ обнимательномъ положеніи. Вотъ такъ. (*Отцу*) Скорымъ шагомъ, маршъ, мар-ршъ! Прямо въ объятія моей матери!... Господинъ сержантъ! жалую васъ новымъ чиномъ! Ха, ха, ха!

Марцелина.

Господинъ Бернаръ, рука моя вѣчно принадлежитъ вамъ!...

Фрицъ.

Что, папа, каковъ я?... Съ нынѣшняго дня я арестовалъ васъ, а чтобъ вы не баловались, власть надъ вами будетъ имѣть матушка! Теперь обнимите же вашего сына!...

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

Тѣ же и Мишо.

Мишо.

Господинъ сержантъ, лошадь готова, и вы можете уѣхать...

Фрицъ.

Нѣтъ, господинъ трактирщикъ *Осла*, сержантъ передумалъ, и не поѣдетъ на вашей лошади...

Мишо.

Право?... Тѣмъ лучше! господинъ сержантъ будетъ свидѣтелемъ моего счастья! Милая госпожа Марцелина, вы нашли теперь своего сына, а для сына нуженъ наставникъ, руководитель!... Нотариусъ сію минуту прійдетъ. И я, чтобъ получить вашу руку — я совсѣмъ готовъ!...

Фрицъ.

Э! да у меня вмѣсто одного новоиностран-

наго отца, оказался на повѣрку и другой. Не нужно другаго! Господинъ Мишо, матушка благодарить васъ за нотариуса; но она не можетъ два раза вдругъ выходить замужъ... У нее уже есть мужъ....

Мишо.

Какъ мужъ? Кто этотъ дерзкій, который осмѣлился!...

Фрицъ.

Господинъ сержантъ, къ услугамъ вашимъ....

Мишо.

Сержантъ!... (*съ стороны*) Тутъ, кажется, спорить нечего. А странно, что всѣ женщины больше любятъ военный мундиръ, нежели простой, скромный кафтанъ!..

Бернаръ.

Извините, господинъ Мишо, дѣло кончено!

Мишо.

Ничего, помилуйте! (*Марцелинѣ*) А вы.: впрочемъ, Богъ съ вами! живите счастливо!... Вѣдь этакая штука, подумаешь; въ тридцатый разъ сегодня собирался жениться, и все таки не удалось!...

Бернаръ.

Будьте увѣрены, господинъ Мишо, что наша благодарность....

Мишо.

Хорошо, хорошо! (*съ стороны*) Отбилъ жену, да и подѣзжаетъ съ благодарностью!

ЯВЛЕНІЕ XIX.

Тѣ же, Феликсъ, Жоржета съ букетомъ цвѣтовъ, и солдаты.

Фрицъ.

А! вотъ и Жоржета, съ цвѣтами!

Феликсъ.

Господинъ сержантъ, сегодня ваше рожденіе; Фрицъ и я желали сдѣлать вамъ подарокъ.

Бернаръ.

Благодарю, другъ мой! (*солдатамъ*)

Господа, вы пришли кстати. Имѣю честь представить вамъ мою жену!....

Солдаты.

Вашу жену?

Капраль.

Вы женитесь, господинъ сержантъ?

Бернаръ.

Да, старый товарищъ. Хоть правду сказать, не много и поздно...

Капраль.

Что за поздно! Нѣтъ, чортъ возьми! мы еще надѣемся прокричать: «Вивать!» на родинахъ будущаго маленькаго Бернара!

Фрицъ.

Ну, Феликсъ! останемся попрежнему

друзьями, и поклянемся никогда не ссориться!...

Феликсъ.

Клянусь! (обнимаются).

Бернаръ.

А я клянусь любить жену до послѣдней минуты моей жизни!

Н. X.

Бернаръ.

Ну, друзья, въ походъ пойдемъ!
Всѣ скорѣе удалился,
Мы въ Парижъ заживемъ,
Отъ души повеселимся!

Фрицъ.

Какъ въ Парижъ не поспѣшать,
Тамъ пріемъ насъ ждетъ на чудо!
Но хотѣлось бы узнать,
Какъ проводить насъ отсюда?

ACTE CINQUIÈME

Tableau I. — Intérieur.

Intérieur.

Третья сцена. Въ кабинетѣ Фрица. Фрицъ сидитъ за столомъ, читаетъ газету. Въ дверяхъ появляется Фрицъ.

Фрицъ.

Вотъ, товарищъ, твои деньги. Дай, товарищъ, почитать газету.

Фрицъ.

Вотъ, товарищъ, твои деньги. Дай, товарищъ, почитать газету.

Фрицъ.

Вотъ, товарищъ, твои деньги. Дай, товарищъ, почитать газету.

Фрицъ.

Вотъ, товарищъ, твои деньги. Дай, товарищъ, почитать газету.

Фрицъ.

Вотъ, товарищъ, твои деньги. Дай, товарищъ, почитать газету.

Фрицъ.

Вотъ, товарищъ, твои деньги. Дай, товарищъ, почитать газету.

Фрицъ.

Вотъ, товарищъ, твои деньги. Дай, товарищъ, почитать газету.

Фрицъ.

II. МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ ИСТОРИИ ТЕАТРА, И СЛОВЕСНОСТЬ.

ЦИРКЪ И ТЕАТРЪ ВЪ МАЛАГЪ.

СТАТЬЯ Т. ГОТЬЕ.

Вѣсть, весьма способная привести въ движеніе цѣлый Испанскій городъ, неожиданно разнеслась по Гренадѣ, къ великой радости *афисіонадосовъ*. Новый циркъ въ Малагѣ, стоившій антрепренеру пять милліоновъ реаловъ, былъ оконченъ. Для торжественнаго открытія цирка подвигами, достойными лучшей эпохи искусства, знаменитый Монтесъ де Чиклана былъ ангажированъ съ своею кадрилию на три дня, Монтесъ, первая Испанская *шпага*, блистательный преемникъ Ромера и Пепецльо. Мы уже нѣсколько разъ видѣли бой быковъ, но еще не имѣли счастья видѣть Монтеса, который, по политическимъ мнѣніямъ, не являлся на Мадритской Площади, а уѣхать изъ Испаніи, не видавъ Монтеса, это точно такое же варварство, какъ быть въ Парижѣ и не слышать Рашели. Хотя, по начертанному нами маршруту, мы должны были от-

правиться въ Кордову, однако жъ, распространившаяся вѣсть соблазнила насъ, и, не смотря на дурную дорогу, на краткость времени, мы рѣшились завернуть въ Малагу.

Между Гренадою и Малагою дилижансы не ходятъ; путешественники могутъ отправляться или въ весьма беспокойныхъ телѣжкахъ (*galeras*) или на мулахъ. Мы предпочли муловъ, такъ какъ намъ надобно было ѣхать чрезъ Алпхарскія Горы, чтобы утромъ поспѣть къ началу спектакля.

Трудно вообразить себѣ что нибудь живописнѣе и оригинальнѣе окрестностей Малаги. Путешественникъ будто переносится въ Африку: яркая бѣлизна домовъ, темносиній цвѣтъ моря, ослѣпительная сила дневнаго свѣта, все это очаровываетъ васъ. По бокамъ дороги щетинятся огромныя алоэ; исполинскіе кактусы съ

зелеными кружками, съ безобразными стволами, вьются словно чудовищные удавы, словно хребты пораженных кашалотовъ; кое-гдѣ высится пальма въ родѣ колонны, развертывая свой листовенный капитель возлѣ Европейскаго дерева, которое дивясь подобному сосѣдству, кажется, тревожится тѣмъ, что у его подножія стелятся страшныя Африканскія растенія.

Красивая бѣлая башня рисовалась на небесной синевѣ: то былъ Малагскій фанаръ; мы пріѣхали. Судя по времени, надлежало быть около восьми часовъ утра; въ городѣ господствовала полная дѣятельность; матросы ходили взадъ и впередъ, нагружая и разгружая корабли, стоявшіе въ гавани, съ рѣдкою для Испанскаго города живостію; женщины, покрытыя большими красными шалами, прелестно окаймлявшими ихъ Мавританскія лица, шли очень скоро, таща за собою ребенка, или совершенно нагаго или въ одной рубашкѣ. Мужчины, въ плащахъ съ кашпономъ, иные въ камзолахъ, также ускорили шаги, и вся эта толпа стремилась въ одну сторону, именно къ площади Быковъ. Особенно поразила меня встрѣча съ шестью неграми, галерными невольниками, которые везли телѣгу. Они были исполнскаго роста, имѣли такія чудовищно-дикія, такія нечеловѣческія лица, съ печатію такого звѣрства, что я испугался ихъ, какъ тигровъ. Полотняная одежда сообщала имъ еще болѣе дьявольскую, фантастическую наружность. Не знаю, за что этихъ негровъ осудили на галеры, но я приговорилъ бы ихъ за одни лица.

Мы остановились въ гостиницѣ (*parador*) *Трехъ Королей*, домъ относительно очень удобномъ, осыненномъ красивымъ виноградникомъ, вѣтви котораго вились по рѣшетчатому балкону; въ большой залѣ, за конторкою, загроможденною фарфоромъ, возсѣдала хозяйка, почти такъ же, какъ въ Парижскихъ кофейняхъ. Миленькая служанка, прелестный отрывокъ красо-

ты Малагскихъ женщинъ, красоты знаменитой въ Испаніи, отвела насъ въ наши комнаты, и огорчила извѣстіемъ, что всѣ мѣста заняты, и что намъ трудно будетъ достать билеты. По счастью, нашъ *cosario* Ланца нашелъ намъ два нумерованныя мѣста (*asientos de preferencia*), правда, на солнечной сторонѣ, но мы объ этомъ не тужили: мы уже давно пожертвовали свѣжестью лица, и новый слой загара на нашихъ пожелтѣвшихъ лицахъ ничего не значилъ. Три дня сряду долженъ былъ продолжаться бой быковъ. На первый день билеты были изготовлены красные, на второй зеленые, на третій синіе, во избѣжаніе замѣшательства и для воспрепятствованія любителямъ воспользоваться двумя днями съ однимъ и тѣмъ же билетомъ.

Пока мы завтракали, пришла толпа странствующихъ студентовъ, которые уподоблялись скорѣе образцамъ Рибейры или Мурильо, нежели ученикамъ Богословія, такъ они были оборваны, грязны. Студенты пѣли комическіе куплеты съ акомпаниментомъ бубновъ, трехугольника и кастаньетовъ. Студентъ, колотившій въ бубны, былъ въ своемъ родѣ виртуозъ: онъ ударялъ въ бубны колѣнками, локтями, ногами, и по истощеніи всѣхъ подобныхъ средствъ, прибѣгалъ къ головѣ какого нибудь *tuchacho* или старухи. Другой студентъ, ораторъ, собирая подавнѣ, отпускалъ различныя шутки, чтобы тѣмъ возбудить гостей къ щедрости. *Realimo!* кричалъ онъ, принимая умоляющій видъ; я долженъ кончить курсъ, сдѣлаться священникомъ и ничего не дѣлать! Получивъ серебряную монету, студентъ прилѣплялъ ее ко лбу, рядомъ съ другими, прежде прибрѣтенными, въ родѣ тѣхъ восточныхъ танцовщицъ, которыя, послѣ пляски, покрываютъ свое лицо цехинами и пѣстрами, полученными отъ восторженныхъ Османовъ.

Бой назначенъ былъ въ пять часовъ, но намъ присовѣтовали итти въ циркъ въ

часть, потому что галереи до такой степени наполняются народомъ, что мы не добрались бы до своихъ мѣстъ, хотя и нумерованныхъ. Позавтракавъ на скорую руку, мы отправились на площадь Быковъ, предшествуемые проводникомъ Антоніо, худощавымъ малымъ, и притомъ стянутымъ до нельзя широкимъ краснымъ поясомъ. Толпы, наполнявшія улицы, густѣли по мѣрѣ приближенія къ цирку. Водоносы, продавцы мороженого, бумажныхъ опахалъ и зонтиковъ, разносчики сигарокъ, производили ужасный шумъ. Вообще, надъ городомъ носился невнятный ропотъ, словно шумный туманъ.

Послѣ довольно продолжительныхъ переходовъ по узкимъ и спутаннымъ улицамъ Малаги, мы добрались наконецъ до желанной площади, по наружности ничѣмъ не замѣчательной. Отрядъ войска съ трудомъ удерживалъ народъ, врывающійся въ самый циркъ, и хотя было не больше часа по полудни, однако жъ всѣ скамейки кипѣли зрителями, сверху до низу. Сопровождая толчки ругательствами, мы протискались наконецъ до своихъ мѣстъ.

Величина Малагскаго цирка истинно равняется древнимъ: въ его окружности можетъ помѣститься отъ двѣнадцати до пятнадцати тысячъ зрителей; кровля галерей вровень съ пятиэтажными домами. По этому цирку можно себя вообразить, что такое были Римскія арены и тѣ ужасныя игры, гдѣ люди сражались съ дикими звѣрями въ присутствіи цѣлаго народа.

Трудно представить себя тотъ оригинальный, величественный видъ, который являли обширныя галереи, покрытыя нетерпѣливыми зрителями, старавшимися обмануть время ожиданія всѣми возможными шутками и островами. Костюмовъ новаго покроя было очень мало, и такихъ зрителей встрѣчали хохотомъ, криками и свистками; но цѣлое много оттого выигрывало: яркіе цвѣта камзоловъ и поя-

совъ, красныя шали и пестрые опахала отнимали у толпы мрачный видъ, господствующій у насъ по преобладанію черного цвѣта.

Женщинъ было довольно, и я замѣтилъ между ними хорошенъкихъ. Жительница Малаги отличается золотистою блѣдностію лица, цвѣтъ котораго вездѣ одинаковъ, на щекахъ и на лбу, длинноватымъ оваломъ, ярко-красными губами, тоненькимъ носомъ, блескомъ Арабскихъ глазъ, будто подкрашенныхъ лавзоніею (*xenne*), до такой степени тонки и продолжены рѣсницы къ вискамъ. Не знаю, происходитъ ли это отъ массивныхъ складокъ красной драпировки, окружающей лице, только Малагскія женщины имѣютъ наружность серьезную, страстную, которая рѣшительно дышитъ Востокомъ, и которой нѣтъ въ Мадритянкахъ, Гренадинкахъ и Севильянкахъ, болѣе миниатюрныхъ, граціозныхъ, кокетливыхъ, всегда немножко занятыхъ собою. Я видѣлъ прелестныя головки, единственные типы, которыми мало пользовались живописцы Испанской Школы; даровитый художникъ нашелъ бы въ нихъ рядъ драгоценныхъ и совершенно новыхъ этюдовъ. По нашимъ понятіямъ кажется страннымъ, что женщины могутъ присутствовать при зрѣлищѣ, гдѣ жизнь челоука подвергается ежеминутной опасности, гдѣ кровь льется ручьями, гдѣ валяются растерзанныя лошади. Такихъ женщинъ можно вообразить себя настоящими мегерами со смѣлымъ взглядомъ, рѣзкими тѣлодвиженіями, но Малагянки не таковы: лица ихъ кротки, улыбка самая нѣжная, взглядъ бархатный. За предсмертными муками быка слѣдятъ внимательно блѣдныя, милыя созданія, изъ которыхъ элегическій поэтъ навѣрное выбралъ бы Эльвиру; о достоинствѣ удара разсуждаютъ такія очаровательныя уста, которымъ, повидимому, суждено говорить только о любви. Судя потому, что Малагянки равнодушно смотрятъ на кровавыя сцены, отъ которыхъ чувствительнымъ

Парижанкамъ сдѣлалось бы дурно, напрасно стали бы обвинять ихъ въ жестокости, отвергать въ нихъ нѣжность души: все это не мѣшаетъ прекраснымъ жительницамъ Малаги быть добрыми, простодушными, сострадательными къ несчастнымъ; но вотъ что значить привычка: кровавая сторона сихъ зрѣлищъ, столько поражающая иностранцевъ, меньше всего занимаетъ Испанцевъ, обращающихъ все вниманіе на достоинство удара и ловкость *торперосовъ*, которые не подвергаются такимъ опасностямъ, какъ можно подуматъ съ перваго раза.

Часа въ два, солнце облило огненнымъ потокомъ галереи, гдѣ мы сидѣли. Какъ завидовали мы счастливымъ, которые прохладжались въ тѣни, отбрасываемой верхними ложами! Проѣхать верхомъ тридцать миль по горамъ, и цѣлый день просидѣть на Африканскомъ солнцѣ при 38-ми градусахъ жара, вотъ что досталось бѣдному критику, который, заплативъ на этотъ разъ за мѣсто, не хотѣлъ потерять его.

Зрители, сидѣвшіе въ тѣни (*asientos de sombra*) осыпали насъ разнообразными сарказмами: они посылали къ намъ водоносовъ, предлагая имъ облить насъ, чтобы мы не загорѣлись; просили насъ закурить сигарку угольями нашего носа, и предлагали масло для жаркаго. Мы отдѣлывались какъ умѣли, а когда тѣнь начала удаляться, когда солнце добралось и до счастливецевъ, тогда начался безконечный хохотъ, раздались веселые крики.

Нѣсколько горшковъ воды, нѣсколько дюжинъ апельсиновъ и два опахала, безпрестанно бывшіе въ движеніе, спасли насъ отъ пожара, и мы еще не совсѣмъ изжарились, не подверглись апоплексическому удару, когда музыканты усѣлись на возвышеніи, и когда кавалерійскій пикетъ началъ очищать арену, гдѣ толпились *tuchachos* и *tozozos*, слившіеся какимъ-то образомъ въ одно плотное тѣло, хотя математически было невозможно помѣстить

одного человѣка лишняго. Но, въ подобныхъ обстоятельствахъ, толпа отличается изумительною упругостію.

Вздохъ удовольствія вырвался изъ груди пятнадцати тысячъ зрителей, облегченной отъ бремени ожиданія. Члены аюнтаменто были привѣтствованы изступленными рукоплесканіями, и когда они вступили въ свою ложу, оркестръ заигралъ народныя пѣсни, *Yo que say contrabandista*, маршь *Piero*; всѣ зрители пѣли, хлопая въ ладоши и стуча ногами.

Нѣтъ надобности излагать здѣсь подробно бой быковъ. Объ этомъ столько писано, что нечего больше прибавлять. Упомянемъ только о главныхъ фактахъ, о замѣчательныхъ ударахъ настоящаго боя, гдѣ одни и тѣ же воители находились на площади три дня сряду, безъ отдыха, гдѣ было убито двадцать четыре быка и восемьдесятъ шесть лошадей осталось на аренѣ, безъ всякаго несчастнаго случая для людей. Только ударъ рогомъ оцарапалъ руку одного *капеадора*, но рана была нисколько не опасна, и *капеадоръ* явился на другой день въ циркъ.

Ровно въ пять часовъ растворились двери арены, и трупца, долженствовавшая дѣйствовать, торжественно обошла кругомъ цирка. Въ главѣ ѣхали три *ликадора*, Антоніо Санчесь, Хозе Триго, оба изъ Севильи, Франциско Бріонесь, изъ Пуэрто Реала, съ важностію Римскихъ триумфаторовъ, вступавшихъ въ Капитолій. На сѣдлахъ было вышито золотыми словами имя владѣльца цирка: Антоніо-Марія Альваресь. За *ликадорами* слѣдовали *капеадоры*, въ трехугольныхъ шляпахъ, въ яркоцвѣтныхъ плащахъ, а потомъ *бандерильеросы*, въ костюмѣ *Фигаро*. Кorteжъ замыкали, отдѣльно, два *матадора*, *шпани*, какъ ихъ называютъ въ Испаніи, Монтесь де Чиклана и Хозе Парра Мадритскій. Монтесь былъ съ своею вѣрною кадрилию, обстоятельство важное для безопасности боя, потому что при тогдашнихъ политическихъ раздорахъ

часто случалось, что *тореросы* Христианскіе не спѣшили на помощь *тореросамъ* Карлистскимъ, если имъ угрожала опасность, и на оборотъ. Въ заключеніе всего шли мулы, запряженные въ повозки, на которыя должно было класть убитыхъ быковъ и лошадей.

Настала минута борьбы. Алгвазилъ, въ гражданскомъ костюмѣ, очень неловко сплѣвшій на горячей лошади, долженъ былъ вручить служителю ключи отъ *торила* (*toril*); онъ сыгралъ предъ трагедіею пресмѣшную комедію: сначала потерялъ шляпу, потомъ стрѣмена. Его панталоны безъ ремешковъ вздернулись до колѣнъ, а между тѣмъ проказники нарочно выпустили быка, прежде нежели несчастный алгвазиръ успѣлъ удалиться съ арены. Жалко и уморительно было смотрѣть на блюстителя благочинія; когда онъ, пораженный ужасомъ, прищипывалъ своего коня, чтобы поскорѣе убраться. Но алгвазилъ не былъ опрокинутъ къ великой досадѣ черни; быкъ, ослѣпленный потоками свѣта, наводнявшими арену, не замѣтилъ его, и слѣдовательно не успѣлъ посадить на рога. Такимъ образомъ зрѣлище началось при хохотѣ шумномъ, гомерическомъ, олимпійскомъ; но вскорѣ водворилось молчаніе: быкъ на двое разорвалъ лошадь перваго *пикадора*, и вышибъ изъ сѣдла втораго.

Мы смотрѣли только на Монтеса, котораго имя сдѣлалось во всей Испаніи народнымъ, и о подвигахъ котораго рассказываютъ чудеса. Мы увидѣли человѣка лѣтъ сорока или сорока трехъ, роста не много выше средняго, важной наружности, лицомъ блѣдно-оливковаго; особенно была въ немъ замѣчательна подвижность глазъ, одушевленныхъ при общемъ безстрастіи. Монтезъ казался больше гибкимъ, нежели сильнымъ, и былъ обязанъ успѣхамъ скорѣе своему хладнокровію, вѣрному взгляду и глубокому знанію искусства, нежели силѣ мускуловъ. Когда быкъ появился на площади, Мон-

тезъ уже знаетъ близко или далеко онъ видитъ, *свѣтель* онъ или *темень*, то есть, открыто ли онъ нападаетъ или хитростію, легкокъ или тяжелъ, зажмуривъ ли глаза даетъ ударъ или нѣтъ. При подобныхъ соображеніяхъ, сдѣланныхъ съ быстротою мысли, Монтезъ всегда готовъ къ оборонѣ. Но, доводя свою хладнокровную смѣлость до послѣднихъ предѣловъ, онъ, въ продолженіе своего поприща, получилъ много ударовъ, чему служить доказательствомъ рубецъ на щекѣ, и нѣсколько разъ Монтеса уносили съ арены тяжело раненымъ.

Въ этотъ день онъ былъ въ шелковомъ зеленомъ костюмѣ, чрезвычайно красивомъ и роскошномъ. Надобно знать, что Монтезъ ботать, и если продолжаетъ заниматься опаснымъ ремесломъ, то изъ любви къ нему и отъ потребности движенія. Монтезъ имѣетъ до 50,000 дурасовъ, сумма значительная, когда подумаешь объ огромныхъ издержкахъ на костюмъ (полное одѣяніе *матадора* стоитъ отъ 1,500 до 2000 франковъ), и безпрестанныхъ переѣздахъ изъ города въ городъ съ кадрилями.

Монтезъ не довольствуется, подобно другимъ *матадорамъ*, по данному сигналу убить быка. Онъ остается на аренѣ, руководствуетъ битвою, въ случаѣ опасности помогаетъ *пикадорамъ*. Не одинъ *тореро* обязанъ жизнію его помощи. Однажды быкъ, не обращая вниманія на плащи, которыми передъ нимъ махали, терзалъ рогами опрокинутую имъ лошадь, и уже добирался до всадника, укрывшагося подъ конемъ. Монтезъ схватилъ свирѣпаго звѣря за хвостъ, и при изступленныхъ рукоплесканіяхъ зрителей заставилъ его провальсировать вокругъ цирка два или три раза. Между тѣмъ подняли *пикадора*. Иногда Монтезъ вдругъ останавливается передъ быкомъ, скрестивъ руки и устремивъ на него глаза. Пораженный взглядомъ пронзительнымъ, рѣзкимъ, холоднымъ, словно шпажный клинокъ,

быкъ также останавливается будто вкопанный. Тогда раздаются крики, завыванія, вопли, браво, о которыхъ нельзя составить себѣ понятія. Пятнадцать тысячъ зрителей, упоенныхъ *aguardiente*, солнцемъ и кровію, мнутъ на скамейкахъ будто изступленные, махаютъ платками, кидаютъ шляпами, а Монтесъ, одинъ изъ всей толпы сохраняющій спокойствіе, безмолвно наслаждается глубокою радостію, и кланяется слегка, какъ человѣкъ, способный на другіе подвиги. Я понимаю, отчего за подобные аплодисменты ежеминутно рискуютъ жизнь; плата не слишкомъ дорогая! О, пѣвцы золотогорлые, танцовщицы волшебнойогія, о всевозможные актеры и поэты, о вы, которые претендуете на возбужденіе энтузіазма, вы не слышали, какъ аплодируютъ Монтесу!

Иногда сами зрители просятъ Монтеса показать какую нибудь штуку, всегда оставляющую его побѣдителемъ. Хорошенькая дѣвица кричитъ ему, посылая поцѣлуй: Сеніоръ Монтесъ, вы такъ любезны, вѣжливы, сдѣлайте штучку, *una cosita*, для дамы. И Монтесъ вскакиваетъ на быка, упираясь въ его голову ногою, или, помахавъ передъ рыломъ плащомъ своимъ, вдругъ красиво драпирруется, и потомъ бросается въ сторону, чтобы пропустить стремящагося быка. Ударъ, который Монтесъ наноситъ быку, замѣчательнъ по точности, вѣрности и непринужденности. Съ Монтесомъ исчезаетъ вся идея опасности; онъ такъ хладнокровенъ, такъ господствуетъ надъ самимъ собою, такъ убѣжденъ въ успѣхѣ, что битва кажется ему игрушкою. Невозможно страшиться за его жизнь; онъ поразитъ быка куда захочетъ, какъ захочетъ и когда захочетъ. Но надобно сознаться, что менѣе искусный *matador* производитъ иногда болѣе поразительный эффектъ опасностями, которыми бываетъ подверженъ. Это мнѣніе, конечно, покажется утонченнымъ варварствомъ; однако *aficionados*, всѣ видѣвшіе бой быковъ

и пристрастившіеся къ быку храброму, открыто идущему на врага, поймутъ насъ. Происшествіе, случившееся въ послѣдній день зрѣлищъ, подтверждаетъ истину нашего мнѣнія; вмѣстѣ съ тѣмъ оно доказало Монтесу, довольно жестоко, до какой степени Испанская публика простираетъ духъ безпристрастія къ животнымъ и людямъ.

На арену былъ выпущенъ превосходный черный быкъ. Основываясь на его внезапномъ выходѣ изъ стойла (*taril*), знатоки возмѣли о быкѣ высокое мнѣніе. Быкъ соединялъ въ себѣ всѣ преимущества боеваго быка; по сухимъ, тонкимъ, нервнымъ ногамъ, можно было заключить о его легкости; широкій подгрудокъ, вполне сформировавшіеся бока доказывали огромную силу. Въ стадѣ, этого быка называли Наполеономъ, выражая такимъ названіемъ его неоспоримое превосходство. Нисколько не колеблясь, быкъ бросился на *никадора*, стоявшаго возлѣ *tablas*, вышибъ его изъ сѣдла, однимъ ударомъ замертво повалилъ лошадь, потомъ бросился на втораго *никадора*, сдѣлавъ съ нимъ тоже, что и съ первымъ, и несчастнаго едва успѣли втащить за барьеръ. Меньше чѣмъ въ четверть часа, семь растерзанныхъ лошадей лежали на пескѣ; *канадоры* издали махали цвѣтными плащами, не теряя изъ вида палисадовъ и прыгая на другую сторону, когда Наполеонъ намѣревался перейти къ нимъ. Самъ Монтесъ казался встревоженнымъ, и одинъ разъ поставилъ даже ногу на край загородки, готовый перепрыгнуть въ случаѣ слишкомъ жаркаго преслѣдованія, чего вовсе не дѣлалъ въ два предшествовавшіе дня. Радость зрителей выражалась шумными восклицаніями; изъ всѣхъ устъ вырывались быку самыя лестные комплименты. Новый подвигъ звѣря довелъ восторгъ до высшей степени. Подставной *никадоръ* (*sobresaliente*), потому что два главные были нѣ сраженія, ожидалъ, съ опущеннымъ

копѣемъ, стремительнаго натиска страшнаго Наполеона, который, ни сколько не присмирѣвъ отъ раны въ плечо, боднулъ лошадь подъ брюхо, первымъ ударомъ головы опустилъ ее ноги на перила, а вторымъ, поднявъ заднюю часть, перебросилъ со всадникомъ по ту сторону барьера, въ одинъ изъ галерейныхъ переходовъ.

Раздалось громовое браво зрителей. Быкъ овладѣлъ ареною; онъ ходилъ по ней побѣдителемъ, бросая въ воздухъ, за недостаткомъ противниковъ, трушны растерзанныхъ лошадей. Запасъ жертвъ былъ истощенъ; въ конюшнѣ цирка не нашлось ремонта *пикадоровъ*. *Бандериллеры* укрывались на перилахъ, не смѣя сойти на арену и дразнить своими стрѣлами опаснаго врага, неистовство котораго и не нуждалось въ возбужденіи. Зрители, выведенные изъ терпѣнія такимъ антрактомъ, закричали: *las banderilleras, las banderilleras!* — *Fuego al aliado!* За чѣмъ алкадь не отдаетъ приказанія! Наконецъ, по знаку губернатора арены, одинъ *бандериллеро* отделился отъ группы, вонзилъ двѣ стрѣлы въ шею неистоваго звѣря, и пустился бѣжать, однако жъ не такъ скоро, какъ бы ему хотѣлось: быкъ успѣлъ хватить его рогомъ по рукъ и разорвать рукавъ. Тогда, не смотря на вопли и завыванія народа, алкадь приказалъ умертвить быка, то есть, онъ далъ знакъ Монтесу взять *мулету* и шпагу, вопреки всѣхъ правилъ тавромахій, въ силу которыхъ быкъ долженъ получить, по крайней мѣрѣ, четыре пары *banderilleras*, прежде нежели *матадоръ* устремится на него со шпагою.

Монтесъ, не выходя, противъ обыкновенія, на средину арены, сталъ въ двадцати шагахъ отъ барьера, чтобы спастись, въ случаѣ несчастія. Онъ былъ очень блѣденъ, не кокетничалъ своимъ мужествомъ, но прямо развернулъ красную *мулету*, приглашая быка. Быкъ не ставилъ просить себя долго. Монтесъ

махнулъ три или четыре раза *мулетою*, держа шпагу вровень съ глазами чудовища, которое вдругъ упало словно пораженное громомъ, и издохло въ судорогахъ. Шпага вошла быку въ лобъ и коснулась мозга; но по законамъ тавромахій, такіе удары запрещены: *матадоръ* долженъ просунуть руку между рогами животнаго, и заколоть его между затылкомъ и плечами, отчего увеличивается опасность челоуѣка, а противоудѣствующій звѣрь получаетъ возможность защищаться.

Когда постигнуто было свойство удара, совершеннаго съ быстротою мысли, раздались крики негодованія, ругательства, свистки, и все это съ невообразимымъ шумомъ и трескомъ. Мясникъ, убійца, разбойникъ, воръ, каторжникъ, палачъ, были названіями самыми снисходительными. Въ Цевту Монтеза! спалить Монтеза! затравить собаками Монтеза! смерть алкаду! — Эти крики раздавались отсюда. Никогда не случалось мнѣ быть свидѣтелемъ подобнаго ожесточенія, и, краснѣя, признаюсь, я раздѣлялъ его. Вопли вскорѣ оказались недостаточными; въ несчастнаго Монтеза стали бросать опахалами, шляпами, палками, кувшинами съ водою и обломками скамеекъ. Надобно было убить еще одного быка; но въ такой вакханаліи никто не замѣтилъ смертельнаго удара, произведеннаго въ два ловкіе приѣма вторымъ *матадоромъ*, Хозе Паррою. Багровое лице Монтеза пылало злобою; зубы его до крови раскусали блѣдныя губы, хотя Монтесъ старался показать себя спокойнымъ, и съ принужденною граціею оперся на эфесъ шпаги, которой конецъ окровавленный противъ правилъ, отеръ о песокъ.

Вотъ что значитъ народная любовь! Наканунъ могъ ли кто вообразить, чтобы столь опытный артистъ, Монтесъ, господствовавшій надъ публикою, могъ быть наказанъ такъ строго за нарушеніе устава, нарушеніе, конечно, вынужденное

крайнею необходимостію, судя по силѣ, быстротѣ и безпримѣрной свирѣпости быка. По окончаніи боя, Монтесъ сѣлъ въ коляску, и уѣзжая, сопровождаемый своею кадрилию, поклялся, что нога его не будетъ въ Малагѣ. Не знаю, сдержалъ ли онъ клятву, и долѣ ли помнилъ поруганіе послѣдняго дня, нежели триумфы двухъ первыхъ. Теперь я нахожу, что Малагская публика была несправедлива къ великому Монтесу: всѣ удары его были превосходны; въ опасѣйшихъ случаяхъ онъ доказалъ героическое хладнокровіе и изумительную ловкость, такъ что восторженный народъ подарилъ ему всѣхъ пораженныхъ имъ быковъ, и позволилъ отрѣзать отъ каждаго по уху въ знакъ собственности, дабы ни содержатель цирка, ни госпиталь, не предъявили своихъ притязаній.

Оглушенные, упоенные, пресыщенные сильными потрясеніями, возвратились мы въ нашъ *parador*. По улицамъ слышны были только похвалы быку и проклятія, которыми осыпали Монтеса.

Въ тотъ же вечеръ, не взирая на усталость, я приказалъ взять себя въ театръ, желая вдругъ перейти отъ кровавыхъ зрѣлищъ цирка къ умственнымъ ощущеніямъ сцены. Контрастъ былъ поразительный: тамъ шумъ, толпа; здѣсь молчаніе и пустота. Зала, въ самомъ дѣлѣ, была почти пуста; кое-гдѣ сидѣли зрители на уединенныхъ лавкахъ, а между тѣмъ давали *Влюбленныхъ изъ Теруэля*, драму Хуана Эвгенія Харсембуша, одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній новой Испанской Школы. Это трогательная, поэтическая повѣсть двухъ влюбленныхъ, которые, при тысячѣ соблазновъ, препятствій, сохраняютъ ненарушимую вѣрность. Подобный предметъ, не смотря на усилія автора, часто удачныя, придать разнообразіе вѣчно одинаковому положенію, показался бы слишкомъ простымъ для Французскихъ зрителей; но при всемъ томъ мѣста страстныя не могутъ не при-

ковать къ себѣ вниманія своимъ жаромъ и увлеченіемъ, хотя сочинитель иногда портитъ ихъ мелодраматическимъ преувеличеніемъ. Любовь Валенской Султанши къ любимцу Изабеллы, Хуану Діего Мартинесу Гарсесу де Марсилья, котораго она приказываетъ принести въ харемъ, усыпленнаго наркотическимъ лекарствомъ, мѣсть этой Султанши, когда она видитъ къ себѣ пренебреженіе, преступныя письма матери Изабеллы, найденныя Родригомъ Азагрою, который пользуется ими для своего брака и грозитъ показать ихъ обманутому мужу, всѣ такія пружины нѣсколько натянуты, однако жъ онѣ служатъ источникомъ сценъ трогательныхъ и драматическихъ. Піеса написана прозою и стихами. Сколько иностранецъ можетъ судить о слогѣ языка, въ тонкости котораго никогда не проникнетъ, стихи Харсембуша показались мнѣ лучше его прозы. Они свободны, легки, одушевлены, разнообразны въ размѣрѣ и довольно воздержны на поэтическія амплификаціи, которымъ предаются южные народы, увлекаясь легкостію просодіи. Прозаическій разговоръ, кажется, подражаетъ новымъ Французскимъ драмамъ, тяжелъ и напыщенъ. При своихъ недостаткахъ, эта піеса все таки произведеніе литературное, и гораздо выше переводовъ или передѣлокъ нашихъ бульварныхъ фарсовъ, нынѣ наводняющихъ театры Полуострова. Въ ней видно изученіе древнихъ романсовъ и художниковъ Испанской Школы, и весьма было бы хорошо, если бы молодые Испанскіе поэты пошли этою дорогою, не теряя времени на переводъ страшныхъ мелодрамъ.

За серіозною піесою слѣдовала забавная (*saynete*). Дѣло шло о старомъ холостякѣ, который взялъ себѣ молоденькую служанку, «способную ко всякой домашней работѣ», говоря языкомъ газетныхъ объявленій. Честная служанка привела сначала, подъ именемъ роднаго брата, огромнаго мужчину въ шесть футовъ, съ

щетиныстыми усами, непомѣрнаго *navaja*, и кромѣ того олареннаго ненасытимымъ апетитомъ и неутолимою жаждою; потомъ приводитъ она двоюроднаго брата, не меньше свирѣпаго, обвѣшеннаго ружьями, пистолетами и другими разрушительными орудіями; за двоюроднымъ братцемъ является дядя, контрабандистъ, съ цѣлымъ арсеналомъ и такою же миною, и всѣ гости наводятъ ужасъ на бѣднаго старика, который уже раскаивается въ своихъ проказахъ. Лица сіи были представлены съ удивительною истинною. Подъ конецъ является офицеръ, племянникъ стараго холостяка; онъ гонитъ мошенниковъ, которые, лаская служанку, пили вино, курили сигары и грабили домъ барина, а дядя даетъ слово отнынѣ нанимать только старыхъ слугъ, мужскаго пола. *Slu-nètes* похожи на Французскіе водевили, но интрига ихъ не такъ запутана, и часто они состоятъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ сценъ, подобно интермедіямъ Италіянскихъ комедій.

Спектакль кончился національною пляскою (*baile nacional*), исполненною довольно хорошо двумя парами танцоровъ и танцовщицъ. Испанскія танцовщицы, хотя и уступаютъ Французскимъ въ отдѣлкѣ, точности, правильности, но далеко превосходятъ ихъ, по моему мнѣнію, граціею и прелестію. Работая мало, не подчиняя себя мучительнымъ упражненіямъ въ гибкости, превращающимъ танцевальный классъ въ комнату пытки, онѣ и не имѣютъ той поджарой худобы, отъ которой наши балеты получаютъ видъ анатомическаго театра: Испанки, сохраняя контуры и округлости своего пола, суть танцующія женщины, а не танцовщицы, что совсѣмъ не одно и то же. Ихъ манера совершенно отлична отъ манеры Французской Школы. Во Франціи, главное правило — неподвижность и перпендикулярность бюста; тѣло почти не участвуетъ въ движеніяхъ ногъ; въ Испаніи, ноги едва поднимаются отъ пола; тамъ нѣтъ

вертѣнья на ногѣ, нѣтъ протягиванія ноги, которое уподобляетъ женщину развернутому циркулю: тамъ это считаютъ величайшею неблагопристойностію. Въ Испаніи, танцуетъ тѣло, дѣйствуютъ поясница, бока, талія съ гибкостію Альме или ужа. Въ позахъ опрокинутыхъ, плеча танцовщицы почти касаются земли; руки, которыя совершенно замерли, имѣютъ мягкость распущеннаго шарфа; подумаешь, что онѣ не въ силахъ шелкать костяными кастаньетами, а между тѣмъ, въ назначенное мгновеніе, сладострастная томность смѣняется прыжками молодого ягуара, и служитъ доказательствомъ, что это мягкое какъ шелкъ тѣло облекаютъ стальные мускулы. Мавританскія Альме до сихъ поръ слѣдуютъ такой системѣ; ихъ танецъ состоитъ въ гармонически роскошныхъ колебаніяхъ тѣла съ подниманіемъ рукъ надъ головою. Арабскія преданія сохранились въ національныхъ па, особенно въ Андалузій.

Испанскіе танцоры, правда, посредственные, имѣютъ видъ благородный, ловкій, смѣлый, что гораздо лучше двусмысленныхъ, пошлыхъ граціозныхъ выходокъ нашихъ танцоровъ. Видно, что они не занимаются ни собою, ни публикою; ихъ взгляды, улыбка, обращены къ танцовщицѣ, въ которую они кажутся страстно влюбленными и готовыми защищать отъ общаго нападенія. Въ Испанскихъ танцорахъ есть какая-то дикая грація, какая-то дерзко-смѣлая походка, имъ однимъ свойственная. Они могли бы, смывъ румяна, сойти съ театрального помоста на песокъ арены, и быть отличными *бандерильерами*.

Малагенья (*malagueña*), мѣстный Малагскій танецъ, дышитъ истинно очаровательною поэзіею. Сначала выходитъ кавалеръ, имѣя на глазахъ *sombrero*, закутанный въ красный плащъ, въ родѣ хидальго, который ищетъ приключеній; потомъ является дама, въ мантильѣ, съ опахаломъ. Кавалеръ хочетъ взглянуть въ

лице таинственной сирены; но кокетка маневрируетъ опохаломъ такъ искусно, распускаетъ и складываетъ его такъ удачно, закрываетъ свое хорошенькое лицо такъ быстро, что безнадежный кавалеръ отступаетъ на нѣсколько шаговъ и испытываетъ другое средство. Онъ начинаетъ бряцать подъ плащомъ кастаньетами; дама слушаетъ, улыбается; грудь ея волнуется, ножка, обутая въ атласный башмачокъ, невольно стучитъ тактъ; наконецъ, дама бросаетъ опохало, сбрасываетъ съ себя мантилью, и является въ нарядѣ танцовщицы, покрытомъ блестящими, мишурою; волосы ея, прикрѣпленные большимъ черепаховымъ гребнемъ, украшены розою. Кавалеръ также снимаетъ маску, сдергиваетъ кашшонъ, и оба танцуютъ на, прелестно-оригинальный.

Возвращаясь домой по берегу моря, въ темномъ зеркалѣ котораго отражался блѣдный ликъ луны, я размышлялъ о поразительной противоположности между наполненнымъ циркомъ и пустымъ театромъ, о стремленіи народа къ кровавымъ зрѣлищамъ и о равнодушіи его къ умственнымъ наслажденіямъ. Поэтъ, я сталъ завидовать гладиатору; я сожалѣлъ, зачѣмъ покинулъ дѣйствіе для мечты. Наканунѣ, въ томъ же театрѣ давали пиесу Лопе де Вега, которая привлекла не больше зрителей, какъ и произведеніе молодаго писателя. Слѣдовательно, гений минувшихъ временъ и современный талантъ ниже удара шпаги, наносимаго Монтесомъ!

И другіе Испанскіе театры не имѣютъ многочисленной публики, даже Мадридскій Театръ del Príncipe, обладающій великимъ актеромъ, Джуліаномъ Ромеа, и превосходною актрисою, Матильдою Діесъ. Прежняя драматическая жила Испаніи, кажется, безвозвратно иссохла; а между тѣмъ никогда рѣка не текла болѣе широкими волнами по болѣе широкому ложу; никогда не было въ ней богатства болѣе изумительнаго, болѣе неистощимаго. Фран-

цузскіе плодовитѣйшіе водевиллисты далеко уступаютъ Лопе де Вега, который, не имѣя сотрудниковъ, написалъ столько сочиненій, что даже число ихъ въ точности неизвѣстно, и едва ли есть экземпляръ полнаго собранія его твореній. Кальдеронъ де ла Барка, кромѣ комедій, въ которыхъ никто не превзошелъ его, написалъ множество *autos sacramentales*, родъ католическихъ мистерій, гдѣ странная глубокость мысли, оригинальность созданія, соединены съ очаровательною поэзіею и роскошнымъ изяществомъ. Потребовались бы каталоги in-folio только для обозначенія заглавій пиесъ Лопе де Руэды, Монтальбана, Гевары, Кеведо, Тирсо, Рохаса (Rojas), Морето, Гильена де Кастра, Діаманта и многихъ другихъ. Число театральнаго пиесъ, написанныхъ въ Испаніи, въ теченіе XVI и XVII столѣтій, превосходитъ всякое воображеніе; скорѣе можно сосчитать древесныя листья въ лѣсу или морскія песчинки. Почти всѣ пиесы написаны восьми-стопными стихами съ созвучіями, напечатаны въ двѣ колонны въ четвертую долю листа, на обверточной бумагѣ, съ грубымъ гравированнымъ фронтисписомъ, и составляютъ тетради въ шесть и восемь листовъ. Книжныя лавки ими завалены; тысячи экземпляровъ размѣщены между романсами и стихотворными легендами; къ наибольшей части Испанскихъ драматическихъ писателей можно примѣнить эпиграмму, сочиненную на одного крайне плодовитаго Римскаго поэта, котораго по смерти сожгли на кострѣ, сложенномъ изъ его произведеній. Нельзя себѣ и вообразить подобной изобрѣтательности, подобнаго обилія происшествій, подобной запутанности интригъ. Испанцы, гораздо прежде Шекспира, создали драму; театръ ихъ романтической, въ полномъ значеніи слова; за исключеніемъ нѣсколькихъ ребячески ученыхъ выходокъ, ихъ пиесы не имѣютъ ни какой связи ни съ Греками, ни съ Римлянами, и какъ говорить Лопе де Вега въ

своемъ *Arte nuovo de hacer comedias en este tiempo*:

...Quando he de escribir una comedia,
Encierro los preceptos con seis llaves.

Испанскіе драматурги, повидимому, не обращали большаго вниманія на обработку характеровъ, хотя во всякой сценѣ можно найти рѣзкую, острую наблюдательность; человѣкъ не изучается въ нихъ философически, и нѣтъ вводныхъ лицъ, столько обыкновенныхъ въ великомъ Англійскомъ трагикѣ, тѣхъ слуготъ, вырѣзанныхъ на скорую руку, которые косвенно содѣйствуютъ ходу пьесы, и имѣютъ цѣлю представить грань человѣческой души, оригинальную индивидуальность, или отразить мысль поэта. У Испанцевъ, авторъ рѣдко выказываетъ свою личность, и то единственно въ концѣ драмы, когда проситъ у публики извиненія за свои погрѣшности.

Главный двигатель Испанскихъ пьесъ—честь, и она играетъ въ Испанскихъ комедіяхъ ту же самую ролю, какую судьба играла въ трагедіяхъ Греческихъ. Ея неумолимые законы, ея жестокія требованія легко производили драматическія сцены и высокій интересъ. *El pundonor* (point d'honneur), родъ рыцарской религіи съ своею юриспруденціею, подробностями и утонченностями, гораздо выше *Auhenq*, судьбы древнихъ, слѣпыя удары которой падали безъ разбора на виноватыхъ и невинныхъ. Читая Греческихъ трагиковъ, нельзя не негодовать на положеніе героя, равно преступнаго дѣйствуетъ ли онъ или не дѣйствуетъ; Кастильская честь, напротивъ, всегда логически соответствуетъ дѣйствию героя. Впрочемъ, она только приувеличеніе всѣхъ человѣческихъ добродѣтелей, доведенныхъ до послѣдней степени раздражительности. Въ самыхъ страшныхъ порывахъ, въ самомъ ужасномъ мщеніи, герой сохраняетъ положеніе благородное, торжественное. Всегда во имя чести, супружеской вѣрности, ува-

женія къ предкамъ, неприкосновенности герба, обнажаетъ онъ свою длинную шпагу съ желѣзною чашкою, часто противу тѣхъ, которыхъ любитъ всею душою, и которыми долженъ жертвовать по крайней необходимости. Изъ борьбы страстей съ честью истекаетъ интересъ наибольшей части пьесъ стариннаго Испанскаго Театра, интересъ глубокій, симпатическій, живо сочувствуемый зрителями, которые, въ подобномъ положеніи поступили бы такъ же, какъ и актеръ. При такомъ богатомъ данномъ, совершенно въ духѣ современныхъ нравовъ, не удивительно изумительное обиліе прежнихъ драматурговъ Пиренейскаго Полуострова. Другой источникъ, не меньше богатый интересомъ, заключается въ добродѣтельныхъ поступкахъ, въ рыцарскомъ, высокомъ самоотверженіи, въ непоколебимой вѣрности, въ нечеловѣческихъ страстяхъ и въ идеальной нѣжности, сопротивляющихся самымъ запутаннымъ интригамъ. Въ такомъ случаѣ, поэтъ имѣетъ, кажется, цѣлю предложить зрителямъ образецъ человѣческаго совершенства. Всѣ достоинства, какія только можно найти, онъ соединяетъ въ своемъ героѣ или героинѣ; заставляетъ ихъ заботиться о чистотѣ больше горноста, который согласится лучше умереть, нежели имѣть пятно на своей бѣлоснѣжной шкуркѣ.

Глубокое чувство католицизма и феодальныхъ нравовъ дышитъ во всемъ Испанскомъ Театрѣ, истинно народномъ по происхожденію, сущности и формѣ. Раздѣленіе пьесы на трое сутокъ, которому слѣдуютъ Испанскіе авторы, конечно, самое разумное, самое логическое. Изложеніе, узелъ и развязка, вотъ естественное дѣленіе всякаго драматическаго дѣйствія, и мы должны бы принять его вмѣсто древнихъ пяти актовъ, изъ коихъ второй и четвертый такъ часто бесполезны.

Впрочемъ, не должно думать, чтобы старинныя Испанскія пьесы были исключительно превосходны. Смѣшное (*grotesque*),

необходимая стихія искусства въ Средніе Вѣки, вкрадывается въ нихъ подъ видомъ *gracioso* и *bobo* (глупенькаго); оно разнообразить важность дѣйствія шутками и болѣе или менѣе удачными островами; но возлѣ героя имѣеть видъ тѣхъ безобразныхъ въ пестрыхъ камзолахъ карловъ, играющихъ съ собаками выше себя ростомъ, которыхъ мы видимъ возлѣ какого нибудь Короля на старинныхъ портретахъ.

Моратинъ, авторъ *Si de las Ninnas*, Эль Кафе, могилу котораго можно найти на кладбищѣ Отца Лашеза, въ Парижѣ, есть послѣдній оттѣнокъ Испанскаго драматическаго искусства, такъ какъ старый живописецъ Гоя (Goya), умершій въ Бордо, въ 1820 году, былъ послѣднимъ признательнымъ потомкомъ великаго Веласкеса.

Теперь на театрахъ Испаніи даютъ одни переводы Французскихъ мелодрамъ и водевилей. Въ Янѣ (Jaën), въ сердцѣ Андалузій, играютъ *Звонаря Св. Павла* (*Sonneur de St. Paul*), а въ Кадиксѣ, въ двухъ шагахъ отъ Африки, *Парижскаго Гамея* (*Gamin de Paris*). *Сейнеты* (*saynetes*), вѣкогда столь веселые, оригинальные, приспособленные къ мѣстности, заимствуются изъ репертуара Театра *Variétés*. Не говоря о Донѣ Мартинесѣ де ла Розѣ, о Донѣ Антонио Жиль и Сарате (*Gil y Zarate*), не принадлежащихъ къ новѣйшей эпохѣ, Пиренейскій Полуостровъ имѣеть, впрочемъ, нѣсколько даровитыхъ молодыхъ людей, подающихъ надежду; по общественное вниманіе, и въ Испаніи такъ же какъ во Франціи, обращено на важныя политическія событія. Харсембушъ, сочинитель *Влюбленныхъ*; Кастро

и Ороско, написавшій *Fray Luis de Leon* или *Вѣкъ и Свѣтъ*; Сорилья, драму котораго *el Rey y el Zapatero* давали съ успѣхомъ; Бретонъ де лосъ Херреросъ, Герцогъ Рива, Ларра, умертвившій себя отъ любви; Эспронида, о смерти котораго недавно писали въ журналахъ, отличавшійся въ своихъ твореніяхъ энергіею страстною, необузданною, иногда достойною Бейрона, его образца, принадлежать (два послѣдніе, увы! принадлежали) къ литераторамъ со многими достоинствами, поэтамъ остроумнымъ, изящнымъ, свободнымъ, которые могли бы стать на ряду со старинными мастерами, если бы у нихъ не было одного недостатка, общаго намъ всѣмъ, вѣрной, основательной опорной точки, запаса идей, общихъ съ публикою. Честь и героизмъ старинныхъ пьесъ нынѣ утратили свое господство, или потому что ихъ не понимаютъ, или оттого, что они кажутся смѣшными, а новое вѣрованіе еще не укоренилось до такой степени, чтобы поэты могли онымъ пользоваться.

Слѣдовательно, не должно строго порицать и толпу, которая, въ ожиданіи, стремится въ циркъ, ищетъ потрясеній тамъ, гдѣ онѣ пахоятся. Народъ не виноватъ, если театры не привлекательнѣе; тѣмъ хуже для насъ, поэтовъ, если насъ побѣждаютъ гладиаторы. Но во всякомъ случаѣ, гораздо здоровѣе для ума и сердца смотрѣть на мужественнаго человека, убивающаго свирѣпаго звѣря на открытомъ воздухѣ, нежели слышать бездарнаго фигляра, поющаго соблазнительный куплетъ, или декламирующаго подкрашенную литературу передъ дымною рампою.

КРЕСЧЕНДО И ДИМИНУЕНДО.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ПОВѢСТЬ.

I.

Знаете ли, почтенные мои читатели, что такое жизнь Германскихъ студентовъ? Это цѣлый обширный, отдѣльный міръ, у котораго свой собственный бытъ, свои законы, привычки, занятія, удовольствія, однимъ словомъ свое особенное существованіе, которое не подходитъ ни подъ какой масштабъ, ни подъ какія соображенія. Если вы видѣли и знаете наши университеты, и подумаете, что они похожи на Германскіе, то ошибетесь самымъ ужаснымъ образомъ. Тутъ нѣтъ ни малѣйшей тѣни сходства. Я не хочу ни хвалить нашихъ студентовъ, ни унижать иностранныхъ, этотъ вопросъ вовсе до меня не касается; хочу только сказать, что самая цѣль Германскихъ университетовъ совершенно другая, нежели у насъ, слѣдственно, очевидно, что и все остальное должно быть не похоже.... У насъ образуютъ юношество для государственной службы, и для этой прекрасной и необходимой цѣли приспособлены всѣ части воспитанія студентовъ, университетскаго ихъ быта и внутреннихъ постановленій. Въ Германіи же, это второстепенная, едва ли не совсѣмъ посторонняя цѣль университетскаго образованія. Тамъ едва ли одинъ изъ двадцати студентовъ вступитъ въ государственную службу; всѣ остальные разсыются по лицу земли, кто куда попадетъ. Купецъ, фабрикантъ, фермеръ, актеръ, мѣсничій, пасторъ: всѣ эти званія равно призываютъ къ себѣ студентовъ,

смотря по родству, связямъ, средствамъ, склонностямъ и (главное) по случаю. По этому-то и внутренній составъ и бытъ университетской жизни въ Германіи представляетъ какой-то хаосъ, какое-то мировое всесмѣшеніе, въ которомъ тысячи матеріаловъ для будущей общественной жизни, но ни одного вѣрнаго, отдѣльнаго элемента, сотни будущихъ блестящихъ умовъ, которыхъ, въ этомъ хаосѣ, никто не въ состояніи отдѣлить или отгадать. Вся же масса университетскаго населенія слѣдуетъ тамъ древнимъ традиціямъ, прежнимъ законамъ, закоренѣлымъ обычаямъ, старому духу прошедшихъ столѣтій, и какъ ни вредны, ни губельны всегда послѣдствія этихъ стародавнихъ привычекъ, но никто не заботится о томъ, чтобы искоренить ихъ. Профессоръ пришелъ, прочелъ свою лекцію, откланялся и ушелъ: что ему за дѣло до остальнаго? Онъ самъ былъ студентомъ, и знаетъ, что съ этимъ званіемъ неразлучно сопряжена идея о древнихъ, самобытныхъ правахъ во все продолженіе университетскаго курса. Онъ знаетъ, что большая часть его слушателей возвратится въ мирный кругъ промышленной жизни, въ которой ученость можетъ иногда быть вспомогательнымъ средствомъ, но не главною пружиною дѣйствій и расчетовъ. Такимъ образомъ слѣдуетъ курсъ за курсомъ, поколѣніе за поколѣніемъ, и все остается по прежнему. Германскіе студенты все такъ же отличаются одеждою, образомъ жизни, мнимыми правами и обращеніемъ. Правила

Буршеншафта все еще существуют, названия фуксовъ, буршей и проч., все еще процвѣтають, разгульная жизнь, застольныя пѣсни, обряды посвященія и даже безпрестанные поединки все еще въ прежней силѣ. Мудрено ли же, что молодой человѣкъ, который обыкновенно не что иное, какъ воскъ, изъ котораго можно вылѣпить что угодно, принимаетъ форму и отпечатокъ, которые ему надолго потомъ вредятъ въ кругу спокойной, условной общественной жизни! Когда оконченный курсъ выброситъ въ общество эту хаотическую массу, то вѣрныхъ три четверти каждаго выпуска не знаетъ еще навѣрное куда пріютить голову и чѣмъ себѣ снискивать пропитаніе. Родительскія чувства и родственныя обязанности вездѣ, разумѣется, одинаковы, но самый народный характеръ Германцевъ, флегматическая ихъ жизнь и пунктуальныя условія домашняго ихъ быта, даютъ вовсе другое направленіе юношамъ. Тамъ каждый отецъ, дядя, или родственникъ почитаетъ, конечно, своею обязанностию хлопотать о томъ, чтобъ дѣти, племянники и питомцы ихъ получили образованіе. Но послѣ этого они уже считаютъ, что обязанности ихъ кончились: молодой человѣкъ былъ въ Университетѣ, слѣдственно можетъ и долженъ самъ себѣ найти средства къ пропитанію. Изъ этого правила очень не много исключеній. Развѣ только *отцы* о единственныхъ сыновьяхъ своихъ продолжаютъ хлопотать и далѣе. Прочіе предоставляются на волю судьбѣ и своихъ склонностей. Каково же должно быть бѣдному юношѣ, который вдругъ изъ своевольной студентской жизни, въ которой онъ себя почиталъ *чѣмъ нибудь*, очутится въ меркантильной общественной жизни, гдѣ безъ денегъ и связей нельзя сдѣлать ни шага! Онъ походить, пощеть, побросается изъ стороны въ сторону, и кончитъ тѣмъ, что всѣ свои студентскія мечты, всѣ высокопарныя надежды поэта, всѣ рас-

четы всемірной учености, промѣняется на скромный бухгалтерскій столъ у какого нибудь фабриканта, на уютную хижину какого нибудь лѣсничаго, или при счастья, на супружество со вдовою какого нибудь фермера, которая его заставитъ ходить по хлѣвамъ, стойламъ и амбарамъ. Если жъ ничто изъ этого не удастся, то несчастный бросается наконецъ въ водоворотъ театральнѣйшей пучины, которая его поглощаетъ уже безвозвратно. Можетъ быть, изъ пяти сотъ всплыветъ одинъ изъ этого Мельштрома, и блеснетъ въ области искусствъ, но прочіе... увь!

И память ихъ исчезнетъ несчастива!...

Къ чему все это предисловіе, скажутъ мнѣ? Вотъ, извольте видѣть, почтенные читатели.... Во-первыхъ.... это ужъ такъ водится, не я выдумалъ, не я и отвѣчаю за эту манеру *введеній*; во-вторыхъ, оба героя моей повѣсти (а ихъ будетъ два) принадлежатъ къ Германскимъ студентамъ и къ той категоріи, которая съ университетскихъ лавокъ попадаетъ за кулисы; въ-третьихъ.... но такъ какъ этихъ причинъ по пунктамъ ровно восемнадцать, то лучше избавить отъ нихъ читателей, а приняться за рассказъ.

Это было въ одномъ изъ университетовъ южной Германіи (вѣдь читателямъ все равно въ какомъ бы то именно ни было), въ началѣ нынѣшняго столѣтія..

Два студента сидѣли обнявшись на зеленой скамьѣ въ публичномъ саду. Передъ ними, на зеленомъ же столѣ, стояли двѣ кружки съ *пивною микстурою*. (такъ обыкновенно студенты называли пиво съ сухарями, анисомъ и сахаромъ). Въ зубахъ каждаго было по бѣлой глиняной трубкѣ, изъ которой живописные круги дыма поминутно отгвѣняли молодыя ихъ фizioномія. Костюмъ ихъ.... по кто не знаетъ одежды *буршей*?... Это что-то фантастическое, безусловное и совершенно сходное съ идеями студентовъ. Лица сидѣвшихъ были выразительны, свѣжи и красивы, волосы свѣтлорусые, ростъ вы-

ше обыкновеннаго, глаза большіе, полные огня... Впрочемъ, послѣднее обстоятельство можно было приписать и дѣйствию пива. Эти студенты только что укрѣпили союзъ *братства*. Они уже давно жили душа въ душу, но не прежде, какъ совершенно испытать другъ друга, рѣшились пить чашу *Brüderschaft* (братства). Это высокій и торжественный обрядъ въ Германіи, не только у студентовъ, но и въ другихъ званіяхъ. Если два Нѣмца долгое время живутъ между собою дружно и имѣли случай испытать эту взаимную дружбу, то рѣшаются заключить союзъ *братства* со стаканомъ вина или кружкою пива въ рукахъ. Послѣ этого они уже на жизнь и смерть братья и друзья, должны говорить другъ другу *ты* и *братъ*, всѣмъ жертвовать другъ другу, во всемъ одинъ другому помогать. Конечно, между молодежью это гораздо чаще водится, потому что идеи сильнѣе, голова пламеннѣе, будущее *ни по чемъ*, за то тѣ, которые заключаютъ подобный союзъ тоже обыкновенно долѣе сохраняютъ святость условій. Молодая же дружба часто похожа на молодое вино: шипитъ, шумитъ, бьетъ въ потолокъ, льется черезъ край, сыплетъ миллионы искръ, кружитъ голову, а какъ полежитъ нѣсколько лѣтъ, то хоть брось.

И такъ, мои два студента пировали братскій союзъ. Они клятвенно обрели себя на вѣчную дружбу, на всѣ возможныя пожертвованія, на всѣ испытанія, и сидѣли обнявшись подъ тѣнью густой липы при лучахъ заходящаго солнца. Мимо ихъ мелькали гуляющіе, и съ улыбкою поглядывали на символъ дружбы и на кружки пива; но что имъ было за дѣло до всего свѣта? Они были счастливы. Юношескія мечты представляли имъ всю землю ихъ принадлежностію. А люди! О! въ эту минуту всѣ эти миллионы жителей земли представлялись имъ куклами, которыми они будутъ управлять по своей волѣ и силою своего генія. Увы! Какому юношѣ не кажется,

что онъ умнѣе всей окружающей его массы! Только тогда, когда каждый изъ этой толпы обманетъ его, разочарованный бѣднякъ начнетъ догадываться, что глупыхъ людей гораздо меньше на свѣтѣ, нежели мы обыкновенно думаемъ. Всякій умнѣе по своему.

«А что, Рудольфъ? сказалъ одинъ изъ студентовъ, который казался по степеннѣе: «Мы, кажется, въ нашихъ дружескихъ мечтахъ забыли весь міръ. Уже скоро солнце сядетъ. Гдѣ ты проведешь сегодняшній вечеръ?»

—Право, не знаю, отвѣчалъ другой.... Хотѣлось бы въ театрѣ... Каролина играетъ...

«Что жъ? ступай! А мнѣ надо брать урокъ на скрипкѣ....»

—И поволочиться за дочерью учителя?... Смотри, Карлъ, не заставь старика поплатиться, въ свою очередь, за твои уроки....

«Фи, Рудольфъ! Неужели ты думаешь, что я рѣшусь на какое нибудь безчестное дѣло? Братъ! Ты не долженъ и мыслью оскорблять *брата*.»

— Виноватъ! а я пошутилъ.... Но все таки берегись и ты. Любовью шутить не надо. Это огонь, которымъ тотчасъ обожжешься... Если ты искренно любишь Луизу, то подумай о послѣдствіяхъ.... Женую твою она быть не можетъ. Гордый твой дядя не захочетъ имѣть подобнаго родства....

«Очень я забочусь о своемъ дядѣ! Онъ богатъ, банкиръ, тѣмъ лучше для него. Онъ воспитываетъ меня на свой счетъ, и я ему очень благодаренъ; но мой университетскій курсъ скоро кончится, и я, вольная птица, могу летѣть куда захочу. Я получилъ такое образованіе, что могу себѣ вездѣ достать хлѣбъ.... А дядюшка вѣрно не погонится за мною. Онъ ужъ на каникулахъ проговаривалъ, что надо бы мнѣ подумать о какомъ нибудь мѣстѣ....»

— Онъ вѣрно тебя оставитъ при себѣ...

Ты будешь его бухгалтеромъ, секретаремъ, казначеемъ....»

«Очень весело! Развѣ я для того учился философіи, чтобъ сидѣть скорбясь надъ счетами и записывать глупое *debet*? Нѣтъ, братъ, Рудольфъ! Я чувствую въ душѣ своей сильнѣйшія, благороднѣйшія побужденія. Мнѣ надо сферу дѣйствій обширнѣе, возвышеннѣе. Я въ состояніи обнять мыслью всю вселенную, я чувствую въ себѣ довольно силы, чтобъ повернуть, какъ Архимедъ, весь шаръ земной. Я не буду ни конторщикомъ, ни купцомъ.

— Другъ и братъ! вскричалъ Рудольфъ и бросился обнимать Карла.... Какая у тебя прекрасная душа! Какія возвышенные чувства!... Я горжусь твоею дружбою. Ты во всемъ лучше меня. Конечно, я такъ же какъ и ты презираю деньги и всѣ эти низенькія средства, которыми ничтожныя душонки поживаютъ на свѣтѣ; но съ моей стороны, это только долгъ бѣдняка и честнаго Германца, больше ничего.... У меня нѣтъ ничего.... я почти сирота, и презираю богатство потому что напередъ знаю, что богачи будутъ презирать меня. Но ты.... у тебя дядя банкиръ, милліонеръ.... Если ты захочешь поподличать, онъ осыплетъ тебя золотомъ.... Если ты продашь ему свою свободу и свой геній, можешь сдѣлаться въ свою очередь банкротомъ, богачемъ.... Слѣдственно, съ твоей стороны высокія чувства гораздо благороднѣе, безкорыстнѣе....

«Совсѣмъ нѣтъ! что значать деньги? Развѣ онѣ дѣлаютъ человѣка умнымъ, честнымъ, благороднымъ, счастливымъ? Нѣтъ, братъ, Рудольфъ! Наше богатство въ насъ самихъ. Намъ другаго не надо. Какъ новые Цинциваты, мы съ тобою будемъ засѣвать уголокъ земли, чтобъ доставать себѣ хлѣбъ, и въ то же время будемъ прославлять наше отечество великими произведеніями ума.... О! я увѣренъ, что вся эта глупая толпа, которая теперь такъ бессмысленно на насъ смо-

трить, будетъ нѣкогда бѣгать за нами, и съ благоговѣніемъ смотрѣть на наши лица.... Я это предчувствую въ душѣ моей, и это вѣрно сбудется....»

Друзья-братья снова обнялись. Въ эту минуту прошла мимо ихъ какая-та женщина, и съ улыбкою посмотрѣла на эти объятія. Рудольфъ замѣтилъ этотъ лукавый взглядъ.

«Посмотри ка, Карлъ, какъ это женское существо проически поглядѣло на насъ.... Не пропѣтъ ли ей студентскую пѣсню?...»

— Э, Рудольфъ! Она женщина, и не стоитъ нашего вниманія.... Пойду-ка однако къ своей Луизѣ, а ты ступай въ театръ смотрѣть Каролинхенъ....

«Оно бы и хорошо.... да.... есть небольшое препятствіе....»

— Какое?

«Въ карманѣ нѣтъ ни крейцера....»

— Чудака!... Развѣ это можетъ для тебя быть препятствіемъ? Вотъ мой кошелекъ... Бери сколько нужно.... Развѣ между братьями не все пополамъ?

— Ты правъ, Карлъ... и я не понимаю какое чувство удерживало меня....

«Ложный стыдъ, Рудольфъ.... О! берегись этого низкаго чувства. Братъ-Германецъ долженъ носить сердце на ладони, чтобъ всякій его видѣлъ. Ложный стыдъ раждаетъ лицемеровъ и обманщиковъ. Мы съ тобою никогда не будемъ въ этомъ числѣ.... Обними же меня и убирайся. Мнѣ пора.»

Они обнялись трижды, и Карлъ быстро зашагалъ по аллеѣ, укладывая свой кошелекъ, изъ котораго Рудольфъ взялъ нѣсколько монетъ. Товарищъ же его остался у стола въ какой-то нерѣшимости. Въ умъ его быстро мелькали идеи — театръ, Каролина, деньги, пиво... Наконецъ, онъ вздохнулъ. Сердце побѣдило. Онъ выпилъ послѣдній глотокъ, остававшійся въ одной изъ кружекъ, бережно спрятавъ деньги, и весело поглядывая по сторонамъ, отправился по другой аллеѣ. Пивной жаръ быстро разливался по его жиламъ, и онъ

съ какимъ-то пренебреженіемъ смотрѣлъ на всѣхъ проходящихъ, тѣмъ болѣе, что всѣ они давали ему дорогу, избѣгая не-приятнаго столкновенія съ студентомъ, такъ какъ студенты въ ту эпоху славились своимъ буйствомъ.

Вдругъ онъ встрѣтился съ тою же самою женщиною, которая недавно подарила обоимъ друзей такимъ насмѣшливымъ взглядомъ. И на этотъ разъ она съ такою же пронию посмотрѣла на Рудольфа, узнавши его. Рудольфъ вспыхнулъ, оборотился, догналъ ее, и съ студентскою смѣлостію обратился къ ней съ вопросомъ:

«Позвольте узнать, что вы нашли забавнаго на нашихъ лицахъ? И давеча, и теперь вы наградили насъ такимъ насмѣшливымъ взглядомъ....»

— Это вовсе не насмѣшка, отвѣчала женщина.... Вы ошиблись....

«Какое же чувство возбудило въ васъ такую улыбку,» спросилъ Рудольфъ.

— Вы давеча такъ нѣжно обнимались съ своимъ товарищемъ, что, вѣрно, не я одна любовалась этою картиною....

«Вамъ, я думаю, показалось страннымъ, что существа одного пола такъ нѣжно любятъ другъ друга... Между женщинами, вѣроятно, отъ сотворенія міра не было союза *братства и дружбы*.»

— Можетъ быть, вы и въ этомъ ошибаетесь.... я полагаю, что женщины тоже понимаютъ и цѣнятъ чувство дружбы, но только вѣрно не выказываютъ ее такъ явно на публичныхъ гуляньяхъ....

«А! такъ наши нѣжности показались вамъ неприличными.»

— Я не обязана вамъ объявлять своихъ мыслей....

«Но вы ужъ ихъ сказали....»

— Вы слишкомъ догадливы.... Прощайте....

При этомъ словѣ она быстро повернула въ другую аллею, и скрылась. Рудольфъ съ задумчивостію посмотрѣлъ за нею вслѣдъ, и подумавъ про себя: *она не дурна!* пошелъ въ театръ.

Сперва зашелъ онъ за кулисы, чтобъ повидаться съ одною актрисою, которой онъ объявилъ себя обожателемъ. Она въ это время одѣвалась въ уборной и бранилась съ портнымъ. Появленіе Рудольфа нѣсколько успокоило ее. Въ глазахъ посторонняго не хотѣла она обнаруживать причину своей ссоры, и потому тотчасъ же окончила прежній разговоръ и встрѣтила Рудольфа нѣсколькими милыми фразами. Тотъ былъ въ восторгѣ, и самыми пышными метафорами превозносилъ ея красоту и драматическую славу.

Разговоръ ихъ былъ непродолжителенъ; въ уборную поминутно входили разные лица, и Рудольфъ съ тайною досадою видѣлъ, что Каролина со всѣми мужчинами очень любезна. Суфлеръ, режиссеръ, реквизиторъ, режиссеръ заходили къ ней, и обращаясь съ нею самымъ нецеремоннымъ образомъ, получали отъ Каролины такіе же отвѣты. Наконецъ явился и самъ директоръ—антрепренеръ, который въ этотъ день игралъ *благороднаго отца*. Каролина шепнула Рудольфу, чтобъ онъ ушелъ, и тотъ съ внутреннею досадою отправился въ залу. Растолкавъ толпу и отыскавъ многихъ университетскихъ товарищей, онъ началъ съ ними довольно громкій и свободный разговоръ. Поднялась завѣса, а студенты все еще продолжали о чемъ-то спорить. Напрасно прочіе зрители шикали имъ, чтобъ заставить ихъ замолчать, студенты почитали себя въ правѣ вездѣ и всегда шумѣть.... Вдругъ вышла на сцену Каролина М., и Рудольфъ далъ знакъ товарищамъ, чтобъ они замолчали и аплодировали. Каролина раскланялась и ласково взглянула на то мѣсто, гдѣ стоялъ Рудольфъ. Она знала, что ему обязана была всегда за лестный пріемъ студентовъ.

Чтобъ вполне насладиться игрою своей любимицы, Рудольфъ оглянулся, приискивая глазами мѣсто гдѣ бы усесться. Каково же было его удивленіе, когда въ одномъ изъ ближайшихъ рядовъ замѣтилъ онъ ту самую женщину, съ которою толь-

ко что разговаривалъ въ саду! Она и теперь взглянула на него съ прежнею насмѣшливою улыбкою. Пробравшись по ряду той лавки, гдѣ она сидѣла, онъ попросилъ сидѣвшихъ подлѣ нее людей, чтобы они ему дали мѣсто. Одежда студента была тогда самою лучшею рекомендаціею. Отказать въ требованіи Рудольфа, значило бы затѣять съ нимъ и со всѣмъ университетомъ ссору, а на это никто изъ порядочныхъ людей не рѣшался. Ему дали мѣсто, и онъ усѣлся подлѣ незнакомки.

Лишь только Каролина ушла со сцены, Рудольфъ началъ разговаривать съ своею сосѣдкою, но та просила его замолчать.

«Я хочу слышать піесу, а не васъ,» сказала она ему съ ироніею.

«Если вы не будете отвѣчать мнѣ, то я буду разговаривать съ другими, или самъ съ собою... этого мнѣ никто не запретить... А вы отъ этого нисколько не выиграете...»

— Куда какъ мило!... Сейчасъ видно Г. студента... Дѣлать неприятели женщины, которая не можетъ вамъ отвѣчать тѣмъ же. Очень сожалѣю, что я не мужчина...

«Любопытно, что бы вы тогда сдѣлали?..»

—Я бы стала еще громче разговаривать въ ту минуту, когда Каролина выйдетъ на сцену....»

Рудольфъ покраснѣлъ, замолчалъ, внимательно посмотрѣлъ на свою сосѣдку, и черезъ нѣсколько минутъ ушелъ отъ нее и сталъ съ своими товарищами.

«Что это, буршъ?» сказалъ ему одинъ изъ студентовъ... «У тебя тамъ, на лавкѣ, новая интрижка. Ужъ не хочешь ли ты на одинъ крючокъ двѣ рыбки поймать. Берегись, чтобы обѣ не сорвались.»

Рудольфъ презрительно кивнулъ головою, но ничего не отвѣчалъ. Въ антрактъ онъ опять побѣжалъ въ уборную, и на этотъ разъ около Каролины увивался какой-то кавалеристъ.

«А! вотъ вѣрно одинъ изъ вашихъ рыцарей,» сказалъ офицеръ Каролинѣ, указывая на Рудольфа. «Я видѣлъ, какъ онъ изъ кожи лѣзъ, аплодируя вамъ...»

—Я въ этомъ никому не обязанъ давать отчета, Г. офицеръ, съ дерзостью отвѣчалъ Рудольфъ.

Кавалеристъ осмотрѣлъ его съ ногъ до головы, и уже хотѣлъ отвѣчать что-то колкое, какъ Каролина вмѣшалась въ разговоръ. Она объявила офицеру, что Рудольфъ дѣйствительно одинъ изъ самыхъ жаркихъ ея рыцарей, и что она ему за это чрезвычайно благодарна.

«Такъ вы ужъ нашего брата ни за что считаете,» — сказалъ офицеръ...

—О! напротивъ!.. Вы съ своими друзьями составляете мою главную поддержку въ *gesperrte Sitze* (почти тоже, что у насъ *кресла*), а добрый Рудольфъ съ товарищами хлопаетъ мнѣ *auf den Bänken* (мѣста за креслами). Всякій дѣйствуетъ въ своей сферѣ...

«И то правда!... хорошо имѣть друзей и въ *раю*...»

На этотъ Нѣмецкій каламбуръ, Рудольфъ хотѣлъ уже отвѣчать какою-то студентскою полновѣсною острою, но приходъ директора остановилъ всѣхъ. Не обращая вниманія на постороннихъ, онъ дружески потрепалъ Каролину по шейкѣ и съ нѣжностію поцѣловалъ ее въ лобъ, сказавъ ей; что она играла, какъ ангель.

«Не забудь теперь, душенька, продолжалъ онъ, въ нашей сценѣ платка и обморока.... Вскрихни хорошенько и упади ко мнѣ на правую руку. Да смотри, шалунья, не такъ какъ давеча, на пробѣ... Меня было съ ногъ сбила...»

— Попробуемте, однако, любезнѣйшій Г. Директоръ... какъ вамъ ловче!.. Я вотъ какъ сдѣлаю... *Батюшка! это ужасно! я умираю!*... и упаду....

«Нѣтъ, милая Каролина! такъ близко... Сдѣлай вотъ какъ...»

Тутъ директоръ началъ ее вертѣть, и заставлялъ принимать разныя позы. У

офицера и Рудольфа глаза разгорѣлись отъ этого зрѣлища. Они бы все на свѣтъ дали, чтобъ быть на мѣстѣ этого счастливаго директора, который съ такою беззаботностью обнималъ роскошныя формы Каролины. Еще недавно такъ враждебные другъ съ другомъ, они теперь дружески взглянулись между собою, поняли взаимно свои мысли, и вздохнувши вышли изъ уборной.

«Знаете ли, почтенный Г. Рудольфъ, на что мы оба похожи? сказалъ ему офицеръ, идя по корридору. На тѣхъ двухъ путешественниковъ въ баснѣ, которые нашли устрицу и поссорились изъ-за нее. Судья помирилъ ихъ тѣмъ, что съѣлъ ихъ находку, а имъ отдалъ раковинки.»

Вмѣсто отвѣта Рудольфъ презрительно кивнулъ головою, и войдя въ свои мѣста началъ рассказывать товарищамъ о сценѣ обморока, которую Каролина теперь репетируетъ съ директоромъ.

«Бѣдный буршъ! а ты облизывался,» сказалъ ему одинъ изъ студентовъ — и Рудольфъ снова долженъ былъ отвѣчать своимъ любимымъ жестомъ.

Когда актъ начался, онъ опять пробрался къ своей насмѣшливой незнакомкѣ, и на этотъ разъ сдѣлалъ ей тихонько и учтиво нѣсколько вопросовъ, на которые та ему отвѣчала очень ласково.

Въ слѣдующій антрактъ Рудольфъ не пошелъ въ уборную, а остался подлѣ своей сосѣдки.

«Чтожъ вы нейдете на сцену, сказала она ему насмѣшливо. На васъ будутъ сердиться...»

— Тамъ все репетируютъ сцены и обмороки, а это совсѣмъ не интересно, отвѣчалъ онъ равнодушно.

«И вѣрно съ директоромъ?... это замѣтно было и во 2-мъ актѣ... И вы смотрѣли очень хладнокровно на эту репетицію?»

— Какъ же иначе? Вѣдь надобно артисту приготовить всѣ подробности своей

ситуаціи... иначе и самая патетическая сцена можетъ насмѣшить...

«Вы, кажется, хорошій знатокъ въ драматическомъ искусствѣ,» сказала ему незнакомка съ незамѣтною проницею...

— Да! я люблю это искусство, часто бываю въ театрѣ и знакомъ со многими артистами... Они не отвергають моихъ совѣтовъ...

«Если Каролина М. вашимъ совѣтамъ обязана своимъ сценическимъ искусствомъ, это дѣлаетъ вамъ большую честь...»

Молодое самолюбіе Рудольфа приняло эту насмѣшливую фразу за наличныя деньги, и онъ съ видимымъ самодовольствіемъ отвѣчалъ, что очень бы желалъ, чтобъ и сосѣдка его была актриса, чтобъ предложить ей свои услуги.

«Принося жертвы одному божеству, вы бы постарались разбить всякій другой кумиръ,» отвѣчала она со всегдашнею своею проницею.

— О, нѣтъ! дѣло искусства—вещь святая! Какъ бы я не былъ привязанъ къ предметамъ, близкимъ къ сердцу, но предъ Мадонною Рафаэля склонилъ бы свое колѣно...»

«Но если бъ вы навѣрное не знали, что это работа Рафаэля, то пристрастіе, можетъ быть, ослѣпило бы васъ...»

— Тогда бы у меня не было ни малѣйшаго вкуса къ изящному, а это очень обидное мнѣніе...

Тутъ третій актъ начался и сосѣдка Рудольфа сказала ему:

«Позвольте прекратить разговоръ... Но я надѣюсь, что мы еще возобновимъ его въ другой вечеръ...»

— Когда вы позволите мнѣ надѣяться васъ увидѣть?...

«Въ будущую Среду я буду опять въ театрѣ... и мы увидимся...»

Эти слова были сопровождены такимъ взглядомъ, который Рудольфъ не умѣлъ даже растолковать. Въ немъ видна была и ласковость и даже что-то пѣжное, но вмѣстѣ съ этимъ замѣтна была и та про-

клятая насмѣшливость, которая могла каждого привести въ отчаяніе. Рудольфъ поклонился и пошелъ опять къ своимъ товарищамъ, которые уже замѣтили его продѣлку, и спрашивали о новой побѣдѣ. Но ему самому очень любопытно было узнать, кто его незнакомка; онъ пустился въ распросы у всѣхъ городскихъ знакомыхъ, но никто не зналъ ее. Товарищи смѣялись надъ бесполезностію его разысканій, и говорили ему, что это вѣрно какая нибудь Греческая богиня, которая сошла съ Олимпа, чтобъ осчастливить какого нибудь смертнаго.

По окончаніи пьесы загремѣли вызовы; Рудольфъ съ своими товарищами кричалъ Каролину М., и она явилась со всѣми жемчугами Германской благодарности. Рудольфъ послѣ этого подвига пошелъ опять въ уборную своей любимицы, и хотя она попрежнему была окружена множествомъ спутниковъ, которые похищали у него лучи этого свѣтила, однако же Каролина, увидя его, ласково улыбнулась и протянула ему свою руку. Рудольфъ съ восторгомъ поцѣловалъ ее, и все было забыто. Всѣ превозносили ее, всѣ восхищались ею, и она на всѣхъ смотрѣла съ такою обворожительностью, что всѣ были безъ ума. Рудольфъ тихо спросилъ у нее, можетъ ли онъ ее провожать домой, но она ему отвѣчала шопотомъ: «никакъ нельзя, любезный Рудольфъ. Ко мнѣ назвался на ужинъ директоръ, а вы чувствуете, что съ начальникомъ...»

Вдругъ въ уборную вошелъ директоръ, и безъ церемоніи началъ обнимать Каролину. «Чудо, просто чудо! вскричалъ онъ. Ты превзошла самое себя, милая Каролина. Пусть-ко Германская гостя сыграетъ такъ... увидимъ...»

—А когда ея первый дебютъ? спросила Каролина.

«Въ будущую Среду.»

—Въ чемъ?

«Вообрази себѣ... въ этой же самой пьесѣ... Она дѣлаетъ большую глупость...»

но это не мое дѣло... пусть ее дурачится... Послѣ тебя она навѣрное упадетъ...»

Всѣ подтвердили слова директора; одна Каролина сдѣлалась задумчива и недовольна.

«Развѣ вы не могли отговорить ее отъ этого? сказала она директору.»

— Я не имѣю права на это... я долженъ быть безпристрастенъ... Всѣ знаютъ, что я съ тобою друженъ, и пріѣзжая имѣла бы право кричать вездѣ, что я дѣлаю противъ нее интриги... Пусть ее дурачится... я увѣренъ, что она съ перваго раза упадетъ... У тебя здѣсь въ городѣ довольно сильная партія...

« Я первый со всѣмъ университетомъ берусь освистать эту соперницу нашей прелестной М.,» вскричалъ Рудольфъ, и директоръ съ улыбкою посмотрѣлъ на него.

Другіе посѣтители подтвердили слова Рудольфа, и Каролина опять развеселилась. Окончивъ въ это время свой туалетъ, она начала собираться домой и равнодушно спросила директора: «Чтожъ? вы со мною поѣдете?»—Нѣтъ, милая! Виновать! никакъ нельзя, отвѣчалъ тотъ, не много смѣшавшись. Пріѣзжая гостя звала на чай, и мнѣ не ловко было отказаться...

Каролина вздернула немножко свой носикъ и не отвѣчала ничего. Когда же услужливый Рудольфъ подаль ей салоппъ, она ему сказала громко: «Пожалуйста, будьте такъ любезны, проводите меня.»

Тотъ не заставилъ себѣ повторить этого приглашенія, схватилъ ее подъ руку и съ торжествующимъ видомъ повелъ мимо всѣхъ. У самой двери уборной встрѣтился онъ съ кавалеристомъ, и въ полголоса сказалъ ему: «Вы ошиблись! Не одна раковина!»

Офицеръ не успѣлъ отвѣчать на этотъ намекъ студента, какъ уже тотъ исчезъ съ Каролиной.

Вечеръ былъ тихій и теплый. Рудольфъ во время своей ходьбы съ Каролиною очень мало говорилъ; оба были заняты ка-

ними-то другими идеями, которыя мѣшали взаимной ихъ довѣренности.

(Можетъ быть, Петербургскіе мои читатели подумаютъ, что слова *ходьба* ошибка, и что актрисъ вездѣ возятъ въ театральныхъ каретахъ. Увы! эта роскошь принадлежитъ одному Русскому Царству. Во всѣхъ другихъ театрахъ, у кого изъ артиста нѣтъ своего, или дружескаго экипажа, тотъ отправляется въ театръ и обратно *образомъ пѣшаго хожденія*).

Только тогда, какъ они пришли на квартиру Каролины, и когда собрались еще нѣсколько лицъ, посѣщающихъ ее послѣ спектакля, общество сдѣлалось разговорчивѣе и веселѣе.

Съ нѣкоторою досадою увидѣлъ Рудольфъ, что и кавалеристъ пришелъ тоже. Басня объ устрицѣ невольно опять пришла ему на умъ, и не смотря на свое самолюбіе, ему начинало казаться возможнымъ, что кавалеристъ былъ правъ.

Разумѣется, всеобщій разговоръ коснулся и Берлинской актрисы. Ее еще никто не видалъ. Говорили, что она только въ тотъ самый день пріѣхала, что у нее было рекомендательное письмо отъ Короля къ Владѣтельному Курфирсту, что она Берлинцамъ очень нравится, и что не дурна собою. Разумѣется, все это было приправлено разными островами и выдумками, но гдѣ же безъ этого обходятся? Наши *salons de conversation* не всѣ ли на этомъ основаны? Надъ сухою правдою не много скажешь острога и забавнаго! Слѣдственно, надобно выдумывать, а невинныхъ выдумокъ на свѣтѣ очень мало.

Результатъ всѣхъ этихъ разговоровъ былъ тотъ, что актрису К. надобно освистать и уронить съ перваго раза. Режиссеръ, суфлеръ и первый любовникъ, которые тутъ были, брались за это *ex officio*; Рудольфъ повторилъ свое обѣщаніе, что всѣ *буриши* будутъ свистать, а кавалеристъ отвѣчалъ за свой полкъ.

II.

На главной площади города Г. сходятся девять улицъ. Одна изъ нихъ ведетъ къ театру. Почти по срединѣ этой улицы пересѣкаетъ ее переулокъ, на углу котораго стоялъ очень скромный домикъ съ зелеными ставнями. Первые три окна отъ воротъ занималъ музыкантъ Миллеръ (извините! это ужъ общее названіе Нѣмецкихъ музыкантовъ! Настоящая фамилія была другая, но Богъ съ нею!). Главное его занятіе состояло въ томъ, чтобъ всякій вечеръ играть въ театрѣ на третьей боковой лавкѣ, съ лѣвой стороны, партію *Violino Secundo*. За это получалъ онъ въ годъ 500 гульденовъ жалованья. А какъ этой скромной суммы слишкомъ было мало, чтобъ существовать полусноснымъ образомъ, то онъ, для возможнаго уравненія прихода съ расходомъ, давалъ еще по городу уроки на скрипкѣ, а въ случаѣ подобности и пѣнія. Конечно, учениковъ у него было не много, но тѣмъ усерднѣе онъ ими занимался. Самую же любимую его ученицею въ музыкѣ была его дочь, Луиза. Это было молодое, милое, видное, доброе и скромное созданіе, едва достигшее 16-ти лѣтъ, и замѣнявшее отцу все семейство и прислугу. Она училась музыкѣ потому, что это доставляло удовольствіе отцу ея. Она ходила съ нимъ въ театръ, потому что несла оттуда ящикъ со скрипкою. Она читала ему разные сцены изъ тѣхъ піесъ, которыя видѣла, потому что отецъ восхищался ею въ это время. Въ мечтахъ отеческой своей пѣжности хотѣлъ онъ изъ нее сдѣлать примадонну и первую драматическую актрису, и Луиза очень бы рада была сдѣлаться и тѣмъ и другимъ, въ удовольствіе отца, но оба они чувствовали, что для этого недостаетъ еще кое-какихъ бездѣлицъ, и ожидали счастливейшихъ временъ.

Къ этому-то Миллеру ходилъ студентъ Карлъ Н., и учился на скрипкѣ. Уже другой годъ продолжались уроки, а ученикъ

все еще самым посредственным образом пилякаль сонаты Брумера. За то безъ малѣйшей платы за уроки выучился онъ пѣть дуэты съ Луизою, и отецъ все не замѣчалъ этихъ неожиданныхъ успѣховъ своего ученика. Товарищи Карла посмѣивались, конечно, надъ нимъ, и часто отпускали разные студентскія острооты на счетъ его *дуэтовъ*, но Карлъ увѣрялъ ихъ *честью*, что онъ очень далекъ отъ какихъ нибудь видовъ на Луизу, особливо же отъ преступныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, когда онъ началъ учиться у Миллера, Луиза была еще почти ребенкомъ, то есть *дѣвочкою* 15-ти лѣтъ; теперь ей минуло 16, и она уже, конечно, имѣла всѣ претензіи и права на званіе *дѣвушки* и *невѣсты*. Сперва Карлъ могъ ей сказать *душечка*, теперь же долженъ былъ говорить *мамзель* Луиза. Правда, что всякій разъ послѣ уроковъ, Карлъ, уходя, чувствовалъ какое-то стѣсненіе сердца, и личико Луизы безпрестанно мелькало передъ нимъ, даже и тогда, когда онъ, твердя философію Канта, старался добиваться до смысла каждой фразы. Правда, что онъ иногда задумывался, и сидя у Миллера, часто молча смотрѣлъ на Луизу по цѣлому часу... Но все это не значило ничего, ни вело ни къ чему. У молодыхъ людей ни разу еще и поминна не было о любви. Они оба воображали, что чувствуютъ другъ къ другу простую дружбу, и беззаботно цѣли, играли, шутили, ходили гулять по вечерамъ, не полагая вообще, чтобъ это было предосудительно. Притомъ же отецъ всегда почти былъ съ ними, и клеветѣ нечего было тутъ выдумать. Впрочемъ, дѣло извѣстное, что клевета бѣдняками и не занимается. Она выбираетъ себѣ кругъ побольше, повыше, попросторнѣе.

Въ первой главѣ видѣли мы, что Карлъ, отправя Рудольфа въ театръ, пошелъ къ Миллеру. Въ этотъ день въ театрѣ шла драма, и вторыя скрипки обыкновенно исчезали изъ оркестра послѣ увертюры,

предоставляя примачамъ раздѣлываться съ антрактами. Отъ этой музыкальной вольности никто не проигрывалъ, а уходившіе бѣдняки доставали себѣ иногда по гульдену и болѣе, играя въ разныхъ *увеселительныхъ* заведеніяхъ, или давая уроки. Когда Карлъ пришелъ къ Миллеру, то, разумѣется, одна Луиза была дома и встрѣтила посѣтителя съ видимымъ удовольствіемъ. Онъ нарочно приходилъ всегда раньше, чтобъ провести часъ на единѣ съ Луизою, и на этотъ разъ онъ былъ въ особенномъ духѣ. Пивныя кружки немножко бурлили въ его головѣ; братскія объятія Рудольфа дали ему теперь почувствовать, что есть на свѣтѣ вещи гораздо пріятнѣе. Однимъ словомъ, въ этотъ вечеръ Луиза показала ему прелестнѣе всѣхъ прежнихъ разовъ, но какъ она съ своей стороны не пила ни съ кѣмъ *братста*, то и была любезна самымъ обыкновеннымъ и разсудительнымъ образомъ. Не имѣя вовсе ни какого плана, Карлъ нѣсколько разъ порывался жать ей руку самымъ чувствительнымъ образомъ, вздыхалъ изъ всѣхъ силъ и даже схватывалъ ее за талію, но та очень весело принимала всѣ эти доказательства его нѣжности, и смѣялась надъ страннымъ выраженіемъ его физиономіи.

«Вы все шутите, Луиза, сказалъ онъ ей наконецъ, ставъ въ античную позу. А я... право, я не знаю, что со мною дѣлается... Вы сегодня такъ хороши, такъ прелестны...»

— Вотъ мило, отвѣчала она съ кокетливою улыбкою. Развѣ я не всегда такова?

«О, всегда! всегда!... Но только я всякій день больше и больше это чувствую.»

— Ахъ! расскажите пожалуйста, что вы чувствуете. Это очень любопытно...

«Эти вещи не рассказываются... Языкъ не можетъ ихъ передать. Ихъ надо понимать седцемъ...»

«Скажите, пожалуйста! А я думала, что

языкъ нашъ на то именно и созданъ, чтобъ выражать имъ наши мысли и чувства.»

—О! Какъ вы ошибаетесь!.. Есть чувства, которыхъ всѣ Демосѣены въ мѣрѣ не въ состоянїи выразить...

«Быть не можетъ! Мнѣ кажется, что человекъ можетъ все то выразить, что онъ чувствуетъ, иначе его мысли и чувства не человѣческія...»

—Да! вотъ истинная разгадка всего!.. Вы однимъ словомъ больше сказали, нежели сотня философовъ въ тысячѣ фоліантахъ. Какъ скоро идеи и чувства человека выходятъ изъ мелочной сферы обыкновенной жизни и всеневныхъ ощущеній, онъ уже не въ состоянїи выразить ихъ бѣднымъ лексикономъ своего языка... Ему тогда нуженъ языкъ небесныхъ жителей, языкъ Боговъ... и все это я вполнѣ теперь чувствую, глядя на васъ... Луиза! дайте мнѣ вашу руку... пожалуйте обо мнѣ... я, кажется, скоро съ ума сойду...

«И, нѣтъ, милый Карль! останетесь все такимъ же... это правда, что вы сегодня немножко странны... ну, не хотите ли заняться музыкою?... Спойте чтонибудь...»

—До пѣнья ли мнѣ теперь!..»

«Ну, такъ протвердите свой урокъ на скрипкѣ, до прихода батюшки...»

Карль махнулъ рукою и, ни слова не отвѣчая, бросился въ кресла. Тутъ, опустивъ голову на грудь, впалъ онъ въ глубокую задумчивость. Луиза внимательно посмотрѣла на него, покачала головою, и, какъ на дворѣ въ это время довольно уже смерклось, то принесла свѣчу и поставила передъ Карломъ. Но тотъ и на это не обратилъ ни какого вниманія.

«А знаете ли новость, Карль?» сказала наконецъ Луиза, соскучась молчаніемъ своего собесѣдника. «Вѣдь къ намъ перѣѣхали сосѣди... весь остальной домъ заняли...»

Карль все еще молчалъ.

«А знаете ли кто? продолжала она,

Прелюбопытная особа... дама молоденькая, хорошенькая... однимъ словомъ прѣзжая актриса изъ Берлина...»

Карль поднялъ голову, посмотрѣлъ на Луизу, и продолжалъ молчать.

«Она вѣрно богата... вѣдь не шутка занять цѣлый домъ... я ужъ все развѣдала у горничной... 50 талеровъ за мѣсяць... скажите, пожалуйста! Это почти то же, что мы въ годъ платимъ... Она будетъ играть въ будущую Среду... ужъ вѣрно вы пойдете смотрѣть...»

—Какая мнѣ до нее нужда! проворчалъ сквозь зубы Карль.

«Какъ, какая? Бердинская знаменитая актриса... ужъ это вѣрно не нашей Каролинѣ М. чета, которой ваши товарищи безъ пути хлопаютъ... Вы, я думаю, читали объ этой актрисѣ въ газетахъ...»

—Какая мнѣ нужда до газетъ и до актрисъ?..»

«Вотъ прекрасно!.. Такъ этакъ вы и обо мнѣ не захотите ничего знать, когда я буду актрисою...»

—Выкиньте вы эту мысль изъ головы... кто васъ допуститъ быть актрисою? Вы должны жить въ блестящемъ кругу общества, должны сдѣлать счастье благороднаго человека, должны удивлять, восхищать весь городъ...

Смѣхъ Луизы прервалъ его тираду. Онъ невольно остановился и посмотрѣлъ на нее.

«Какія у васъ смѣшныя идеи, Карль? Быть актрисою.. разумѣется, хорошею, да это такое счастье, какого мнѣ лучше никогда и не надо. А вы паходите, что я должна составлять планы еще выше и обширнѣе. Нѣтъ, милый Карль! Я никогда не буду желать невозможнаго. Быть актрисою, и это даже едвали сбыточная для меня надежда.. Богъ вѣсть, исполнится ли она когданибудь... Но я бы рада была, потому что доставила бы этимъ сердечное удовольствіе моему доброму отцу, и успокоила бы его старость: это для меня самый первый и святой долгъ!..»

Карль съ видимою досадою покачалъ головою.

— И такъ, никто другой вамъ и въ голову не приходитъ! Счастливое созданіе! Спокойна и холодна, какъ само небо... ну, да если вы теперь еще никого не любите, то прійдетъ же время, когда и ваше сердце почувствуетъ къ кому нибудь склонность... Прійдетъ пора, когда вы захотите раздѣлить свое существованіе съ другомъ сердца... что тогда?..

«Тогда я выйду за него замужъ, вотъ и все...»

— Будучи актрисою?... Захочетъ ли онъ... дозволить ли его семейство взять за себя актрису?..

«Тѣмъ хуже для него, если онъ не захочетъ... кто меня полюбитъ, тотъ долженъ собственно меня любить, а не мое званіе...»

Тутъ оба замолчали; что было говорить противъ такой логики неопытной дѣвушки! Съ досадою взявъ Карль скрипку, и началъ играть свою четвертую сонату.

«Вотъ браво! вотъ прекрасно! вскричалъ Миллеръ, входя въ это время въ комнату. Вотъ истинная привязанность къ искусству! Пришелъ раньше меня и твердить свой урокъ!»

«Ну, что, папа! устали? вскричала Луиза и бросилась обнимать отца. Вотъ вѣдь не хотѣли, чтобъ я шла сегодня въ театръ, я бы донесла ящикъ...»

— Э! дружечекъ, къ чему?.. Вѣдь я послѣ увертюры уплеялся тихонько изъ оркестра... я зналъ, что мой любезный Карль меня дожидается... да и съ тобою, душечка, надо пройти кое-что... Я что-то въ духъ сегодня... вотъ, въ Среду пойдемъ и ты въ театръ... я ужъ упрошу режиссера, чтобъ онъ тебѣ позволилъ постоять въ первой кулисѣ... наша новая сосѣдка будетъ играть сегодняшнюю пьесу...»

«Сегодняшнюю?.. Ахъ! это мило! Ужъ вѣрно лучше Каролины М...»

— Ну, мы это увидимъ...

«Непремѣнно лучше... Ей Богу, она дурно играетъ... что за жесты у нее! ни крошечки натуры... выворачиваетъ руки, становится на цыпочки, опрокидываетъ голову...»

— Да коли, душечка, всѣ такъ играютъ...»

— Кто всѣ, папа? Всѣ дурныя актрисы?.. Вотъ вы увидите, что пріѣзжая вѣрно этого не будутъ дѣлать... Ахъ, папа! я познакомилась съ ея горничною... У нихъ не было жаренаго кофе, и дѣвушка пришла ко мнѣ: я полчашки дала ей взаимы...»

— Хорошо, хорошо... ну, что же ты узнала отъ дѣвушки?

«Что пріѣзжая привезла рекомендательное письмо отъ самого Короля къ нашему Курфюрсту...»

— О! Значитъ сильная протекція! Хорошо бы познакомиться съ этою сосѣдкою...»

«Я непременно познакомлюсь... Шарлотта общалась мнѣ и работу...»

— Прекрасно, прекрасно!... А тамъ ты разговорись про театръ, блесни своимъ познаніями, своимъ талантомъ... Кто знаетъ!.. Не надо упускать никакого случая... Не правда ль, любезный Карль...»

— Я въ семейныя дѣла никогда не мѣшаюсь, съ холодностію отвѣчалъ Карль. Только передъ вашимъ приходомъ я говорилъ мамзель Луизѣ, что есть случаи... въ которыхъ неприятно быть актрисою...»

«Разумѣется... когда публика ее не любить, свистить, шикаетъ... Но хорошая вещь! и я не умру спокоенъ, если моя Луиза не сдѣлается первымъ амбула... Не такъ ли, душечка? Ты меня поддержишь?..»

— Ужъ вѣрно не за мною дѣло станетъ, отвѣчала дочь, и нѣжно обняла отца.

Послѣ этого начался урокъ, и къ удивленію Миллера, ученикъ его игралъ сегодня очень дурно. Онъ то ласково, то сердито поправлялъ его, но наконецъ про-

бившись съ часъ, утомился и положилъ скрипку.

«Нѣтъ, любезный Карлъ, вы сегодня не въ духѣ, сказалъ онъ. Не кончить ли намъ? Мы только другъ другу надоѣдемъ...»

Молча положилъ Карлъ скрипку и взялся за свою фуражку.

«Кудажь вы? погодите, поболтаемъ... Вѣдь еще рано.. Вотъ скоро, я думаю, и соѣдка домой прїѣдетъ. Мы ее увидимъ...»

—А она въ театрѣ, папа... Мнѣ горничная сказывала, вскричала Луиза... То-то я думаю, сѣдется надъ Каролиною...

Карлъ положилъ фуражку и началъ ходить по комнатамъ. Во время урока пивной чады прошелъ, и онъ сдѣлался гораздо холоднѣе и разсудительнѣе. Онъ вмѣшался во всеобщій разговоръ, и наконецъ даже предложилъ Луизѣ спѣть чтонибудь.

Выбрали дуэтъ изъ Волшебной Флейты: *bei Männer welche Liebe fühlen*, и голоса Карла и Луизы звучно разносились по улицѣ въ растворенное окно. Оба расчувствовались, разнѣжились, и дуэтъ шелъ превосходно. По просьбѣ отца, они уже въ третій разъ принимались его пѣть... какъ вдругъ онъ былъ прерванъ самымъ неожиданнымъ образомъ.

«Браво! брависсимо! вскричалъ вдругъ женскій голосъ, и сквозь отворившуюся дверь изъ сѣней видна была молодая женщина, скромно одѣтая и прелестной наружности. За нею стояла хозяйка дома, которая провожала ее съ фонаремъ по лѣстницѣ. Поющіе, разумѣется, перестали и смотрѣли во всѣ глаза. Одинъ только догадливый отецъ вмигъ сообразилъ все дѣло, и подойдя къ незнакомкѣ, сказалъ самымъ сладкимъ голосомъ:

«Вѣрно мы имѣемъ счастье видѣть знаменитую Берлинскую артистку? Сосѣдство ея самое лестное и прїятное для насъ обстоятельство.... Если бъ она удостоила войти въ нашъ скромный уголокъ, мы бы вполне были счастливы...»

—Помилуйте! что за церемонія съ товарищами? сказала актриса, войдя въ комнату и подавая руку Миллеру. Мы всѣ артисты, и между нами не должно быть пышныхъ фразъ. Очень рада составить такое прїятное знакомство. Я и не подозрѣвала, что у меня такіе музыкальные сосѣди... Возвращаясь изъ театра, еще на улицѣ слышу самое прїятное пѣніе... я остановилась, послушала, была въ восхищеніи, и нарочно зашла къ хозяйкѣ, чтобъ узнать о васъ.... Покорнѣйше благодарю васъ, Г-жа Ламмеръ, прибавила она обратясь къ хозяйкѣ... Вы были такъ добры, что проводили меня, и доставили случай къ такому знакомству...

Послѣ нѣсколькихъ фразъ, хозяйка ушла, удивляясь, что Берлинскіе артистки такъ глупы и нерасчетливы. Богатая актриса знакомится съ бѣднымъ музыкантомъ! подумала она и пожалала плечами... Это удивительно!

Между тѣмъ, Генріета К. познакомилась уже съ Луизою, поцѣловалась съ нею и тотчасъ узнала отъ отца ея, что она собирается посвятить себя театру. Генріета спросила Карла: не намѣренъ ли и онъ сдѣлать то же, но тотъ по-студентски отвѣчалъ, что онъ лучше самъ намѣренъ хлопать, нежели выпрашивать себѣ хлопанье отъ публики. Отвѣтъ былъ нерасчетливъ и почти неучтивъ. Генріета уже не обращалась къ нему болѣе, но тѣмъ любезнѣе она была съ отцемъ и дочерью, которые съ своей стороны были къ ней внимательны и услужливы.

Вдругъ въ комнату вбѣжала горничная Генріетты, и объявила ей, что директоръ театра прїѣхалъ къ ней. Тогда она, обратясь къ Миллеру и Луизѣ сказала: «Вы меня извините.... мой визитъ былъ очень коротокъ, но я въ другой разъ воспользуюсь подолѣе такимъ прїятымъ сосѣдствомъ, а теперь пойдемте, безъ церемоніи, ко мнѣ. Посидите у меня часокъ. Ко мнѣ съѣдутся человѣка три—четыре изъ вашихъ властей, и мы прїятно проведемъ вечеръ...

Васъ я не смѣю пригласить, Г. студентъ... Ваши ученые занятія могутъ потерпѣть отъ знакомства съ актрисами... А я скажу вамъ откровенно, что у васъ прекрасный голосъ, много чувства въ пѣвнн, и если бъ вы хотѣли поступить на театръ, вскорѣ бы сдѣлались извѣстнымъ пѣвцомъ.»

Тутъ, схвативъ подъ руку Луизу, потащила она ее съ собою, а Миллеръ съ радостными поклонами поспѣшилъ вслѣдъ за ними, не сказавъ даже ни слова Карлу. Конечно, первую идею Луизы было то, что она не очень хорошо одѣта, но какъ у нее другаго платья не было, то не стоило и останавливаться подъ этимъ предлогомъ.

При ихъ появленіи директоръ встрѣтилъ Генриетту съ распростертыми объятіями и засыпалъ ее самыми великолѣпными фразами. Тутъ же явился изъ Дворца Каммеръ-Гофъ-Ратъ; вслѣдъ за тѣмъ еще Оберъ-Полицій-Инспекторъ и въ заключеніе маленькій, низенькій Гегеймеръ-Ратъ, передъ которымъ всѣ прочіе гости очень низменно кланялись. Все это общество, разумѣется, занялось исключительно одною Генриетою, и только однажды директоръ удостоивъ спросить у Миллера: какъ онъ тутъ очутился?

При этомъ случаѣ Генриетта расхвалила до-нельзя музыкальныя дарованія Луизы, и грозила директору увезти ее съ собою въ Берлинъ, если онъ не возьметъ ее къ своему театру. Тотъ, разумѣется, отдѣлался общими фразами, и разговоръ опять обратился на Генриетту и на ея дебюты.

«Я слышала, что у васъ здѣсь въ большой славы Каролина М., сказала Генриетта, и признаюсь, боялась опасной соперницы... Сегодня нарочно отправилась я тихонько одна въ театръ, и сѣла въ толпѣ, чтобъ не быть узнаною... Но съ одной стороны я нѣсколько успокоилась, а съ другой еще болѣе начала опасаться...»

—То есть со стороны соперничества въ талантѣ вы успокоились, сказалъ дирек-

торъ... Съ какой же стороны вы теперѣ можете бояться?...

«Я видѣла, что у Каролины очень сильная партія. Студенты хлопаютъ ей за каждое слово, да и кавалеристы не отстаютъ... я какъ бы печально начала спрашивать у одной моей сосѣдки, и она мнѣ рассказала, что за Каролиною сильно волочатся одинъ студентъ и одинъ кирасиръ, которые и подговариваютъ всѣхъ своихъ товарищей къ безпрестанному хлопанью... Ну, если имъ вздумается по такимъ же причинамъ освистать меня...»

—Помилуйте! А на что же полиція, съ гордостью сказалъ Оберъ-Полицій-Инспекторъ... я буду самъ наблюдать за всѣми...

«Очень благодарна вамъ... но мнѣ бы не хотѣлось дѣлать кому либо неприятности въ здѣшнемъ городѣ... Я бы желала понравиться моимъ талантомъ, а не получать похвалы по заказу...»

— Въ такомъ случаѣ предоставьте все это обыкновенному теченію дѣлъ людскихъ, сказалъ Гегеймеръ-Ратъ. Пусть васъ встрѣтятъ свистки шалуновъ и глупцовъ. Тѣмъ пріятнѣе и славнѣе послѣ будетъ, если эти же самые люди будутъ побѣждены вашимъ высокимъ дарованіемъ.

«Вы правы, Г. Гегеймеръ-Ратъ. Это самое лучшее средство.»

Въ этомъ тонѣ продолжался еще разговоръ съ часъ, и наконецъ Гегеймеръ-Ратъ первый всталъ и откланялся, приглашая Генриету на слѣдующій вечеръ къ себѣ. Всѣ проводили его съ величайшими знаками уваженія. Потомъ стали расходиться и другіе. Директоръ остался послѣдній, и долго еще разговаривалъ съ Генриетою, наконецъ и онъ сталъ прощаться.

«Послушайте, любезная К., сказалъ онъ ей... Выбросьте изъ головы эту пустую идею, чтобы вашъ талантъ встрѣтилъ здѣсь какія нибудь интриги со стороны Каролины. Давеча, при Г. Гегеймеръ-Ратѣ, я не смѣлъ распространяться на

этотъ счетъ, но теперь скажу вамъ откровенно, что вы ошибаетесь. Эта Каролина очень добрая и простая дѣвушка. Немного кокетлива, немного завистлива, но при театрѣ и нельзя быть иначе; только, право, не интригантка. Я съ нею очень дружень... даже злые языки говорятъ и больше... но вы знаете закулисную манеру... Какъ бы то ни было... я имѣю большое вліяніе на Каролину... она меня слушается, и увѣряю васъ, что съ ея стороны не будетъ ни какихъ интригъ противу васъ... Если бъ она смѣла ихъ затѣять, то она бы не вамъ, а мнѣ лично повредила. Всѣ бы подумали, что будучи съ нею дружень, я самъ тутъ дѣйствую изъ-подтишка. Это совершенно противно моимъ правиламъ и даже выгодамъ. Я васъ пригласилъ *гостировать* на моемъ театрѣ, и мнѣ всѣми силами надобно поддерживать васъ... При томъ же Дворъ и самъ Курфирстъ покровительствуютъ вамъ. Такъ при малѣйшемъ сомнѣніи на мой счетъ, я могу потерять мою привилегію. Будьте же совершенно спокойны, милая К., я вѣдь вашъ и тѣломъ и душой.»

Онъ поцѣловалъ ея руку и ушелъ. Луиза съ отцемъ видѣли, что и имъ дѣлать нечего, стали прощаться. Генріета дружески обняла Луизу, и просила ее безъ церемоніи бывать у нея всякій день и цѣлый день. Та съ удовольствіемъ общалась, и ушла съ отцомъ.

Можно вообразить себѣ сколько воздушныхъ замковъ настроили отецъ и дочь, прежде нежели уснули.... Въ послѣдствіи увидимъ, что сбудется.

На другое утро, Луиза явилась къ Генріетѣ и была принята съ распростертыми объятіями. Генріета занималась какими-то добавленіями къ своему гардеробу, и Луиза тотчасъ же взялась за перешиванье, усѣлась за иголку и объявила, что дѣлаетъ это съ тѣмъ уговоромъ, чтобъ Генріета при ней читала свои роли.

Дѣйствительно, взявъ роль ея, Луиза сдѣлалась вмѣстѣ съ тѣмъ и суфлеромъ

Генріеты. Съ перваго монолога молодая дѣвушка увидѣла, что пріѣзжая актриса превосходитъ Каролину, и когда Генріета кончила первый актъ, Луиза рассказала ей всѣ подробности игры Каролины, приправляя ихъ самыми рѣзкими и вѣрными замѣчаніями. Генріета удивилась познаніемъ своей швец, и просила ее продолжать разговоръ.

Когда репетиція была кончена, обѣ онѣ были въ восторгѣ другъ отъ друга.

«Непремѣнно, непремѣнно на театрѣ! вскричала Генріета. Да въ васъ, моя милая Луиза, столько сценическихъ познаній, что вы, ни разу не играя, вѣрно превзойдете здѣшнюю первую актрису....»

—Я, можетъ быть, не буду дѣлать тѣхъ ошибокъ, которыя замѣчаю въ ней, но за то вдвое буду ошибаться въ другихъ вещахъ.... Нѣтъ! я бы, кажется, никогда не рѣшилась быть драматическою актрисою. Тутъ надобно быть совершенною, или совсѣмъ не играть.... Я бы лучше желала пѣть въ операхъ. Тутъ есть время обдумать каждое слово, каждую ситуацію, Покуда поешь, зритель прощаетъ сценическіе недостатки; когда говоришь, публика ждетъ пѣнія.... Притомъ же, при хорошемъ голосѣ и нѣкоторой душѣ въ пѣніи можно и съ посредственною игрою увлечь и обворожить зрителя....

«Что жъ вы не проситесь на театрѣ?»

—У насъ нѣтъ настоящей оперы... А въ сочиненіяхъ Венцель-Миллера вовсе не лестно дебютировать....

«Конечно.... однако же, гдѣ есть настоящая опера, тамъ начинающую пѣвицу не пустятъ на амплу *примадонны*....»

—О, Боже мой! Куда мнѣ до *примадонны*! Лишь бы взяли на маленькія роли, такъ я бы была самымъ счастливымъ созданіемъ.... я бы стала учиться серьезно, постаралась бы усовершенствоваться, и со временемъ достигла бы, можетъ быть, до хорошаго амплу.... А здѣсь.... Какая цѣль была бы у меня?...»

«Такъ вамъ хочется въ Вѣну, въ Берлинъ, въ Мюнхенъ!... Да! это бы конечно лучше.... Жаль, что я очень мало имѣю вліянія на наше театральное начальство въ Берлинъ. Тамъ самъ Король занимается этою частію, и у него можно выиграть одними заслугами.... Впрочемъ, если вы серьезно хотите, я попробую, попрошу.... Не знаю, успѣю ли?..»

Вмѣсто отвѣта Луиза со слезами на глазахъ бросилась обнимать Генріету.

Когда обѣ успокоились, Генріета продолжала съ нею разговоръ о сценическомъ искусствѣ, и даже заставила ее прочесть нѣсколько тирадъ изъ пьесъ, которыя она знала. Результатомъ испытанія было совершенное удовольствіе Генріеты. Она ее еще разъ обняла Луизу и общалась употребить все свое ходатайство въ Берлинъ.

«Я чрезвычайно довольна вашими драматическими способностями и сценическими познаніями, сказала она ей въ заключеніе.... «Но пѣніе — не мое дѣло. Въ немъ я не могу взяться сдѣлать испытанія.... Я только вчера слышала, что у васъ прекрасный голосъ, и что въ вашемъ пѣніи много души.... Но этого вѣроятно

мало, чтобъ быть театральною пѣвицею.... Вашъ батюшка, конечно, можетъ быть, хорошій музыкантъ.... Но я полагаю, что и его познанія недостаточны для того, чтобъ сдѣлать васъ пѣвицею.... Нѣтъ ли у васъ здѣсь въ городѣ хорошаго учителя пѣнія?..»

—О! конечно есть.... Одинъ при Дворѣ Курфирста учить даже Принцессъ.... Но я не въ состояніи платить ему за уроки....

«Да!... правда!... Это обстоятельство мудрено отстранить.... Ну, такъ учитесь хоть по своимъ средствамъ.... А тамъ мы увидимъ.... Я здѣсь пробуду цѣлый мѣсяцъ, и при отъѣздѣ моемъ мы съ вами побольше объ этомъ поговоримъ.»

Луиза еще разъ обняла добрую Генріету, и разговоръ былъ прерванъ визитомъ одного придворнаго, который пришелъ отъ Курфирста съ разными порученіями по случаю письма, ею привезеннаго. Луиза занялась въ это время своимъ шитьемъ, и когда придворный ушелъ, то вмѣстѣ съ Шарлотою помогала Генріетѣ примѣрять и одѣваться. Когда туалетъ былъ оконченъ, Генріета отправилась съ визитами по городу.

(Продолженіе впрѣдъ).

III. СМѢСЬ

РОССИНИ И ВЕТГОВЕНЪ.

Россини, который безъ околичностей говоритъ, что не хочетъ сочинять музыки, который изъ-подтишка подсмѣивается надъ издателями, провозглашающими его *Stabat* произведеніемъ, достойнымъ стать на ряду съ *Вильгельмомъ Теллемъ*, Россини, говоримъ мы, употребляетъ свои досуги на заботы о возрожденіи Италіянскихъ консерваторій. По словамъ Миланской Газеты, съ тѣхъ поръ, какъ онъ принялъ въ свое управленіе Музыкальный Лицеѣ въ Болоніи, все подаетъ надежду, что это заведеніе пріобрѣтетъ скоро снова свою прежнюю знаменитость.

Нынѣ, въ этомъ Лицеѣ опять введены въ употребленіе испытательные концерты и ежегодныя награды за успѣха. Въ заведеніи, происходившемъ въ Юнѣ нынѣшняго года, раздачу этихъ наградъ произвелъ Е. С. Кардиналь Оппиццини. Россини находился тутъ же, и посѣтители изъявили ему, единодушными рукоплесканіями, благодарность, которую питаетъ къ нему весь городъ за безкорыстныя его старанія о возрожденіи Лицея.

Въ концертѣ, которымъ дирижировалъ самъ Россини, была между прочимъ исполнена увертюра *Графа Эмонта*. Это возданіе уваженія Бетговену, возданіе, послѣдовавшее въ Италіи и по идеѣ Россини, есть фактъ чрезвычайно любопытный.

Но Бетговенъ не имѣлъ этого безпристрастія хорошаго тона; напротивъ того, онъ цѣнилъ автора *Отелло* точно такъ же, какъ цѣнили Расина, лѣтъ десять тому назадъ, романтики.

Однажды, въ Вѣнѣ, находясь въ театрѣ во время представленія *Севильскаго Цирюльника*, онъ былъ, повидному, очень доволенъ всѣмъ спектаклемъ; сцена же урока пѣнія, въ которой композиторъ такъ искусно согласовалъ музыку съ положеніемъ дѣйствующихъ лицъ, интересовала его, казалось, особенно.

Когда ему замѣтили послѣ того, что онъ разстается, наконецъ, съ своимъ предубѣжденіемъ противъ Италіянской музыки и отдастъ справедливость таланту, который блещетъ въ партиціи *Севильскаго Цирюльника*, Бетговенъ отвѣчалъ на это съ досадою:

— Музыка! Да развѣ я слышу что нибудь въ театрѣ?

И въ самомъ дѣлѣ, начиная уже въ то время плохо слышать, онъ восхищался не музыкою, а пантомимою актеровъ!

СУМАСШЕСТВІЕ АКТЕРА МОНРОЗА.

Одинъ изъ умѣйшихъ Французскихъ актеровъ, послѣдній изъ первыхъ комиковъ Главнаго Французскаго Театра, Монрозъ, впалъ, по неизяснимому стеченію обстоятельствъ, въ глубокую меланхолію,

которая заставила его покинуть на нѣкоторое время сцену. Благодаря неусыпной заботливости Доктора Бланша, превосходный актеръ скоро возвратился къ своей сообщительной веселости и своему неподражаемому таланту: Монрозъ уже игралъ Фигаро и Маскариля, равно какъ и другія созданія Моліера и Бомарше, которыя безъ него могли бы погубить. Къ несчастію, признаки душевнаго недуга, повидимому излеченнаго кореннымъ образомъ, снова обнаружилась, и больнаго опять надлежало помѣстить въ заведеніе Доктора Бланша. Гербело, судья, представилъ въ первую палату суда рапортъ, въ которомъ объяснилъ, что родные Монроза согласны изслѣдовать его состояние судебнымъ порядкомъ. Допросъ былъ произведенъ съ соблюденіемъ всѣхъ приличій. Гербело замѣчаетъ о совершенномъ отсутствіи памяти пациента касательно настоящей жизни; но эта самая память, столько самоувѣренная, столько обширная, вполне объимаетъ жизнь прошедшую, то есть, прежнія постановленія театра, прежнія отношенія актера. Онъ не помнитъ только, что получилъ отставку и разорвалъ узы, соединявшія его со сценою.

Основываясь на такомъ ослабленіи умственныхъ способностей, судьи признали опаснымъ оставлять въ рукахъ несчастнаго артиста управленіе его собственными дѣлами, и потому назначили присяжныхъ опекуновъ.

УЖИНЪ ДЕБЮРО.

Недавно, послѣ роскошнаго обѣда въ *Rocher de Cancale*, Шевалье д'А..., Испанскій дипломатъ, вздумалъ, во что бы то ни стало, посмотреть на Дебюро, извѣстнаго паяццо Парижскаго театра акробатовъ.

Шевалье д'А... человекъ весьма умный, только носить всегда трехугольную шляпу, шляпу шелковую, которая придаютъ ему видъ Римскаго *монсиньора*.

Онъ является въ Театръ Акробатовъ (*Funambules*), съ однимъ своимъ пріятелемъ, молодымъ секретаремъ, веселымъ повѣсою. Секретарь увѣдомляетъ Шевалье, что всѣ мѣста заняты. Шевалье никакъ не могъ себѣ объяснить столь сильной привязанности къ Дебюро, и задыхаясь отъ спертатаго воздуха въ театральной залѣ, держалъ подъ носомъ стклянку съ ароматическимъ уксусомъ.

— Неужели ни одного мѣста! возразилъ Шевалье, предлагая, по Испанскому обычаю, сигару театральному кассиру, который, будучи тронутъ табачнымъ равенствомъ между незнакомыми людьми, робко отвѣчалъ Г. д'А.... и его пріятелю:

«Есть еще два мѣста, но вы, вѣрно, ихъ не захотите.»

— Почему же? возразилъ Испанецъ неустрашимо; вооруженный ароматическимъ уксусомъ, я не боюсь ни какихъ опасностей.

Два мѣста, предложенныя кассиромъ, находились въ будкѣ суфлера; на этой шаткой скамеечкѣ надобно было сидѣть въ такомъ положеніи, чтобъ подбородокъ упирался въ ноги Дебюро. Славное мѣстечко для дипломата!

Шевалье д'А... согласился, однако жъ, помѣститься въ канурѣ суфлера, а секретарь, съ первыхъ прыжковъ Дебюро, убѣдился, что ни одна нога его до нихъ не доставеть. Испанецъ хохоталъ до слезъ: запачканное мукою лице забавляло его; онъ былъ въ восторгѣ, что отыскалъ наконецъ въ Парижѣ театръ оригинальный, достойный столицы искусствъ и цивилизации. Неизвѣстно, какую піесу тогда давали; дѣло въ томъ, что піеса основывалась на гастрономическихъ превращеніяхъ; на примѣръ, Дебюро разрѣзывалъ пастеть и превращалъ его въ киверъ національной гвардіи, и т. п. Шевалье покатывался со смѣха, порою разговаривалъ съ Дебюро, даже подружился съ этимъ великимъ *клоуномъ*. Въ одной сценѣ, Дебюро самъ варитъ себѣ супъ съ капустою, кладетъ въ него

журналы, старые башмаки, немножко буль-
ону, три, четыре депутатскія письма,
цѣлаго ребенка, и такъ далѣе. Капуста
была также положена, и это самое об-
стоятельство подвергло Испанца жесто-
кому несчастію.

Шевалье д'А... вертѣвшійся на ла-
вочкѣ, приподнялся наконецъ во вре-
мя варки супа, и поставилъ передъ
собою шляпу. Шляпа эта, придававшая
Испанцу видъ иностранной духовной осо-
бы, обратила на себя вниманіе Дебюро:
проказникъ вообразилъ, что у него про-
сятъ супу. Какъ человекъ великодушный,
онъ, дѣйствительно, налилъ въ шляпу
ложку супа.

Испанецъ взбѣялся, но дѣлать было нечего.
Дебюро могъ бы возразить, что онъ съелъ
его за суфлера, съ которымъ, вѣроятно,
дѣлится ужиномъ.

По окончаніи пантомимы, шевалье д'А....
требовалъ заключенія Дебюро въ Се-
говійскую Башню: Шевалье воображалъ
себя въ Испаніи. Молодой секретарь былъ
покойнѣе; онъ пошелъ къ Дебюро за ку-
лисы, и показывая на шляпу дипломата,
сказалъ:

— Г. Дебюро! Вы угостили насъ объ-
домъ; мы приглашаемъ васъ сегодняужи-
нать.

Дебюро принялъ приглашеніе. Ужинъ
былъ превеселый.

Такимъ-то образомъ, безсмертный паяцъ,
угостивъ дипломатію въ суфлерской ка-
пурѣ, самъ былъ угощенъ ею въ *Cadran
Bleu*.

ВОЗВРАЩЕНІЕ РЫБОЛОВА.

Рѣчь идетъ о возвращеніи въ Парижъ не
кого нибудь изъ тѣхъ смѣлыхъ мореплавате-
лей, которые отправляются къ мысу Горну
за китами, или на Нью-Фаундлендскія от-
мели за свѣжею трескою. Нашъ рыбакъ
возвращается не изъ такихъ далекихъ

странъ, хотя отсутствіе его было не со-
всѣмъ кратковременно.

Въ одномъ Парижскомъ журналѣ пишутъ:
«Минуло одиннадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ,
какъ онъ покинулъ насъ, со словомъ *не-
благодарность* на губахъ, съ отчаяніемъ
въ душѣ, не простившись съ нами, не-
удостоивъ насъ ни словомъ, ни зизкомъ.
Объ отъѣздѣ его узнали уже тогда, ко-
гда онъ уѣхалъ. Бросились отыскивать
его: обрыскали всѣ столбовыя дороги;
замучили всѣхъ почтовыхъ лошадей въ
государствѣ; наконецъ, съ криками по-
требовали желѣзныхъ дорогъ для сокра-
щенія времени. Желѣзныя дороги яви-
лись на зовъ, но медленно. Черезъ семь
лѣтъ открылась желѣзная дорога изъ Па-
рижа въ Сенъ-Жерменъ; однако жъ, бѣг-
лецъ былъ подальше этой мѣстности, и
надлежало иначе употребить въ дѣло по-
терянныя четыре мили.

Возвратится ли онъ? Вотъ что повто-
ряли на сѣверѣ, востокѣ, западѣ и югѣ
столицы. Эхо не отвѣчало.

Курьеры были отправлены по всѣмъ
направленіямъ; посланы были запросы къ
иностраннымъ полиціямъ; приведены бы-
ли въ движеніе дневные телеграфы, а по-
томъ изобрѣтены ночные.

Что съ нимъ? Гдѣ онъ? Эхо безмолв-
ствовало.

По отзывамъ нѣкоторыхъ лицъ, его ви-
дѣли съ однимъ Севильскимъ каноникомъ,
и полагали, что онъ намѣренъ посвятить
себя созерцательной жизни. Умнаго, ве-
селаго толстяка запрятали въ орденъ Фран-
цисканцевъ. По другимъ свѣдѣніямъ, его
видѣли въ Римѣ, мечтающаго на развали-
нахъ. По рассказамъ же достовѣрныхъ
путешественниковъ, онъ присутствовалъ
въ Неаполѣ при послѣднихъ минутахъ сво-
его друга Барбаи. Отсюда начали слѣ-
дить за нимъ, и наконецъ нашли его мѣ-
стопребываніе. Онъ скрылъ свою славу въ
Болоньѣ.

Скромный домикъ съ зелеными ставня-

мц, садъ въ двадцать пять квадратныхъ метровъ, померанцевая роща, прудъ, наполненный родникомъ—вотъ вся роскошь наслѣдственнаго жилища, гдѣ Россіи узрѣлъ Божій свѣтъ. Россіи обратился къ самой невинной забавѣ, чтобы утѣшить себя за дни, проведенные въ шумѣ величій: онъ сталъ удить рыбу, какъ удятъ всѣ простые сердца, въ первобытные, неспорченные народы.

Его хотѣли вызвать въ свѣтъ, преждевременно имъ покинутый. Онъ отказался. Стали улаживать его слухъ его же сладостными мелодіями, его же оглушительными гармоніями. Онъ не хотѣлъ узнать своихъ образцовыхъ твореній. Онъ отрекся отъ *Цирюльника*, потому что нашлись варвары, столько же любившіе *Лукрецію*; онъ просилъ извиненія за *Вильгельма Телля*, потому что публика съ равнымъ удовольствіемъ слушала *Роберта Діавола*. Когда ему надоѣдали, онъ бралъ дочку, садился въ красивую лодку, напѣвая баркаролы, какихъ мы никогда не услышимъ.

Но нескромный голосъ изъ Италіи возвѣстилъ Франціи о скоромъ возвращеніи злопамятнаго Болонезца. Доктора посоветовали ему пользоваться водами въ Виши.

Извѣстно, какимъ образомъ принялъ Вольтера по возвращеніи его изъ Фернея. Приемъ, который готовится Россіи, будетъ еще блистательнѣе: Берліозъ пригласилъ двѣсти литавриковъ и барабанщиковъ изъ восьмидесяти восьми линейныхъ полковъ.»

АМПРОВИЗИРОВАННЫЙ АКТЕРЪ.

Композиторъ Пэръ пріѣхалъ въ Удину вмѣстѣ съ своею супругою, примадонною тамошняго театра. Недѣли за двѣ было возвѣщено представленіе оперы Португалла, *la Donna di genio volubile*, которую пѣвица выбрала для бенефиса, въ

надеждѣ привлечь многочисленную публику.

Все было готово для этого драматическаго празднества: ложи разобраны заранѣе; любители съѣхались изъ ближайшихъ городовъ на чрезвычайный спектакль, общавшій имъ новую оперу, увѣнчанную на всѣхъ театрахъ. Вдругъ, Оливьери, *примо-буфо*, далъ знать, что онъ заболѣлъ не на шутку, и не можетъ играть роли Пиппо.

Директоръ немедленно сообщилъ неприятную вѣсть бенефицианткѣ. Можно себѣ представить ея досаду и огорченіе! Директоръ, въ отчаяніи, уже хотѣлъ наклеить на афишу роковое объявленіе; но Пэръ, опомнясь отъ внезапнаго громоваго удара, поспѣшно останавливаетъ директора и говоритъ ему, что не надобно открывать публикѣ театральные секреты, что, напротивъ, должно всячески скрывать домашнее несчастіе, если есть возможность поправить дѣло.

«Пойдемте со мною, сказалъ Пэръ изумленному директору,» пойдемте, я найду вамъ человѣка, который замѣнитъ Оливьери. У меня есть одинъ знакомый; онъ одинаковаго со мною роста; крестьянское платье всегда впору; надобно только достать пару новыхъ сапоговъ. Стало быть, теперь все дѣло за сапожникомъ; пришлите мнѣ его, а объ остальномъ не хлопочите.»

— Сапожника! Я пришлю къ вамъ двухъ, трехъ, четырехъ....

«Тѣмъ лучше! Работа пойдетъ скорѣе.»

— Но какимъ образомъ?...

«Положитесь во всемъ на меня. Вѣдь я не меньше вашего долженъ стараться предупредить угрожающую намъ бѣду.»

Въ день представленія, зала была набита биткомъ. Г-жа Пэръ окончила свой туалетъ, и ожидала только трехъ ударовъ режиссера. *La Donna di genio volubile*, не смотря на обѣщаніе мужа, вовсе не довѣряла таланту подставнаго актера,

сомнѣвалась даже въ его существованіи. Пѣвица трепетала, и приходила еще въ большее волненіе, когда въ залъ раздавался говоръ, столь лестный бенефицианткѣ. Отворяется дверь уборной. Желанный Буфо, подставной актеръ, упавшій съ облаковъ для предупрежденія драматической невзгоды, входитъ въ полномъ костюмѣ, съ сѣрою шляпою под мышкою. Сивора вскрикиваетъ отъ изумленія, хохочетъ, но въ то же мгновеніе, заглушивъ въ себѣ порывы шумной радости, начинаетъ плакать... Крестьянинъ, *buffo comico caricato*, былъ ея супругъ.

Аматеръ Пинно былъ прекрасенъ: подставной актеръ восторжествовалъ надъ главнымъ. Перъ видѣлъ, когда Рафаелли игралъ эту роль на Венеціанскомъ Театрѣ, усвоилъ себѣ ея тончайшіе оттѣнки, и передалъ ихъ умно. Его открытая веселость привела публику въ восторгъ; его голосъ, манера пѣнія, далеко превосходившіе голосъ и манеру лучшихъ сюжетовъ труппы, были пріятствованы оглушительными рукоплесканіями.

Пара вызвали шесть разъ: публика хотѣла вполнѣ изъяснить ему свою признательность. Хотя онъ и не былъ сочинителемъ музыки, однако жъ присутствовалъ на всѣхъ репетиціяхъ. Каждый актеръ зналъ только свою роль; Перъ зналъ всѣ роли, и память ни на минуту не измѣнила ему. По словамъ Итальянцевъ, успѣхъ былъ фанатическій.

ГЛУКЪ И НОВЕРРЪ.

Геніальный Глукъ отличался иногда порывами простодушія, которое можно сравнить съ лучшими выходками въ этомъ родѣ добраго Лафонтена. Доказательствомъ служить слѣдующее происшествіе.

Репетиціи *Ифигеніи въ Тавриды* приближались къ концу; но Глукъ еще не доставлялъ ари, подъ которую должны были плясать Скифы, обрадованные бли-

стательною добычею. Балетмейстеръ Новерръ сильно тревожился замедленіемъ ари. Однажды утромъ, онъ отправился, по обыкновенію, къ Глуку, положивъ за непремѣнное возвратиться отъ композитора съ необходимою для пѣсы музыкаю. Войдя въ комнату, смежную съ кабинетомъ Глука, Новерръ слышитъ необыкновенный шумъ, и сквозь стеклянную дверь видитъ великаго человека въ сорочкѣ: багровое лице его было обезображено ужасными гримасами; парикъ сдернуть на сторону; артистъ пѣлъ, размахивая руками, прыгалъ въ родѣ изступленнаго. Испуганный страннымъ зрѣлищемъ, Новерръ вдругъ отворяетъ дверь.

— А, это ты, мой другъ, вскричалъ Глукъ, замѣтивъ балетмейстера: я занимался твоимъ дѣломъ; вотъ, посмотри.

Глукъ, въ самомъ дѣлѣ, только что кончилъ *вакханалію дикавъ*, которая на сценѣ произвела сатанинскій эффектъ.

— Вотъ, посмотри, я тебѣ покажу вой этихъ людоедовъ.

И указавъ на изображеніе треугольника, аккомпанирующаго второй половинѣ па, гдѣ характеръ музыки вдругъ смягчается, геніальный композиторъ прибавилъ:

— Динь, динь, динь.... Это пляшутъ ребятишки. Динь, динь, динь.... они еще не ѣдятъ людей; но ты увидишь, мой другъ, скоро будутъ ѣсть, скоро!....

СОВѢТЪ ДУЭНЫ.

Это было очень недавно, въ Парижѣ; одна артистка, занимающая ампуа первыхъ любовницъ на одномъ изъ тамошнихъ бульварныхъ театровъ, или, говоря театральнымъ языкомъ, *первая любовница*, небрежно сидѣла на чудномъ диванѣ, ожидая времени, въ которое ей слѣдовало выйти на сцену.

Ложа ея отдѣлана прелестно; меблирована со вкусомъ и больше всѣхъ другихъ

ложь въ томъ театрѣ, на которомъ играетъ эта актриса.

— Извѣстите меня, Г-жа Ламберъ, сказала артистка одѣвальщица (*habilleuse*), когда мнѣ надобно выходить, а не то съ меня опять взыщутъ штрафъ.

«Не беспокойтесь, сударыня, вамъ остается еще полчаса.»

Въ эту минуту, въ ложу вошла дуэнья, держа за руку одну изъ тѣхъ артистокъ, которыхъ, по роду амлуа ихъ, на Французскомъ закусномъ языкѣ называютъ *ingénue*, *простодушными*.

— Богъ мой! сказала дуэнья, какъ хорошо у тебя! Сюда достигаетъ вѣтерокъ, который васъ такъ и.... Ахъ, Богъ мой! какъ хорошо здѣсь, присовокупила она, помѣщаясь у окна.

Простодушная съѣла подлѣ первой любовницы.

«О, какъ прекрасно одѣты вы! сказала она, и какъ вы хороши!»

— Говори: ты, отвѣчала первая любовница, поцѣловавъ ее. А хорошо ли я причесана?

«Очень хорошо!... но, посмотри: съдой волосокъ!»

— Это правда, однако, сказала первая любовница, подойдя къ зеркалу: это еще первый!

И она осторожно вырвала этотъ волосокъ.

«Съдой волосъ всегда первый!» сказала дуэнья, оборачиваясь.

— А у меня, тапан, сказала *простодушная* (всегда даютъ это названіе дуэньямъ), наклоня свою хорошенькую головку, у меня есть ли?

«Не говорите объ этомъ, отвѣчала дуэнья, чтобы не накликать. Ну, присовокупила она, обращаясь къ первой любовницѣ, скажи поправдѣ, который тебѣ годъ?»

— Мнѣ двадцать девять лѣтъ, отвѣчала первая любовница, сжимая губы.

«Прекрасно! Можно всегда признаться, что имѣешь двадцать девять лѣтъ, но ни-

когда не должно говорить, что исполнилось тридцать... не забудь этого.»

— А въ будущемъ году? спросила *простодушная*.

«Глупенькая! Въ будущемъ году, ей исполнится девятнадцать.»

Простодушная посмотрѣла на нее съ изумленіемъ.

«Это удивляетъ тебя? Да въ театрѣ всегда такъ бываетъ, и прекрасно. Иначе...»

— Правда, возразила первая любовница, въ будущемъ году, мнѣ исполнится двадцать восемь лѣтъ.

«Что дѣло, то дѣло! воскликнула дуэнья. Каждый годъ ты будешь молодѣть однимъ годомъ, и черезъ десять лѣтъ ты опять сдѣлаешься *простодушною* и опять будешь дебютировать, вотъ, какъ эта милочка. Это ясно.»

— Ну, а вамъ, тапан? сказала *простодушная*.

«Я — это дѣло другое... мнѣ всегда было пятьдесятъ лѣтъ!»

МЕЛОЧИ.

Въ Вѣнѣ вышли новые вальсы, *Мозартисты*; въ Берлинѣ, вальсы и галопы на *Stabat Mater*, Россини, играютъ во всѣхъ публичныхъ садахъ съ большимъ успѣхомъ, который, вѣроятно, должно приписать совершенному паденію въ этомъ городѣ Россиніевой Ораторіи.

— По предложенію Французскаго Министра Внутреннихъ Дѣлъ, муниципальный совѣтъ города Парижа положилъ назвать одну новую улицу именемъ Керубини. Бозьдье была оказана такая же честь; но прежде нежели имя композитора было сообщено улицѣ законнымъ образомъ, Наваринъ случайно занялъ его мѣсто, и никто не смѣлъ требовать перемѣны достопамятнаго названія улицы. Впрочемъ, все еще думаютъ возвратить Бозьдье обѣщанную почесть. Французы почитаютъ это народнымъ долгомъ.

НЕКРОЛОГЪ.

Въ Парижѣ умеръ, на 72 году отъ рожденія, едва ли не старѣйшій изъ тамошнихъ артистовъ, Гужибюсъ. Онъ началъ свое сценическое поприще на небольшомъ театрѣ, который находился почти посреди Пале-Рояльскаго Сада и назывался циркомъ; потомъ онъ былъ однимъ изъ любимыхъ артистовъ на театрѣ de la Cité, и наконецъ, находился на театрѣ Porte-St-Martin. Гужибюсъ игралъ только въ пантомимахъ. Играть въ разговорныхъ пьесахъ онъ рѣшительно не могъ, и разъ, когда ему пришлось сказать въ одной пьесѣ: «Сегодня вечеромъ,

въ моемъ трактирѣ,» онъ такъ сконфузился (послѣ мучительнаго страха, который нагналъ на него бессонницу во время репетицій этой пьесы), что публика расхохоталась. Но для пантомимы онъ былъ артистъ замѣчательный.

— Въ Парижѣ умерла одна изъ лучшихъ артистокъ Берлинѣ Французской группы, Г-жа Эдленъ (Edelin). Находясь въ Берлинѣ она такъ грустила по отчизнѣ, что занемогла и, не смотря на разстройство своего здоровья, рѣшилась возвратиться въ Парижъ. Эта болѣзнь свела ее въ могилу.

Въ Парижѣ умеръ, на 72 году отъ рожденія, едва ли не старѣйшій изъ тамошнихъ артистовъ, Гужибюсъ. Онъ началъ свое сценическое поприще на небольшомъ театрѣ, который находился почти посреди Пале-Рояльскаго Сада и назывался циркомъ; потомъ онъ былъ однимъ изъ любимыхъ артистовъ на театрѣ de la Cité, и наконецъ, находился на театрѣ Porte-St-Martin. Гужибюсъ игралъ только въ пантомимахъ. Играть въ разговорныхъ пьесахъ онъ рѣшительно не могъ, и разъ, когда ему пришлось сказать въ одной пьесѣ: «Сегодня вечеромъ,

въ моемъ трактирѣ,» онъ такъ сконфузился (послѣ мучительнаго страха, который нагналъ на него бессонницу во время репетицій этой пьесы), что публика расхохоталась. Но для пантомимы онъ былъ артистъ замѣчательный.

— Въ Парижѣ умерла одна изъ лучшихъ артистокъ Берлинѣ Французской группы, Г-жа Эдленъ (Edelin). Находясь въ Берлинѣ она такъ грустила по отчизнѣ, что занемогла и, не смотря на разстройство своего здоровья, рѣшилась возвратиться въ Парижъ. Эта болѣзнь свела ее въ могилу.

IV. ДРАМАТИЧЕСКИЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ, ТОЛКИ И СЛУХИ.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Примѣчательнѣйшимъ театральнымъ явленіемъ первой половины Сентября былъ бенефисъ Г-на Куликова, составленный изъ новаго водевиля, новой драмы, сценъ изъ Мертвыхъ Душъ и Сибирской сказки Н. А. Полеваго. Въ слѣдующей книжкѣ мы сообщимъ разборъ этого бенефиса.

— Передъ тѣмъ, за недѣлю, была представлена: *Первый день брака черезъ тридцать лѣтъ послѣ свадьбы, или Лучше поздно, чѣмъ никогда*, комедія въ одномъ дѣйствіи, переведенная съ Французскаго Д. Ленскимъ. По-Французски эта пьеса называется М. Maugaillard, и мы уже сообщили, въ началѣ года, ея содержаніе. Г-жа Каратыгина была прелестна въ роли Г-жи Могаляръ.

— Вся здѣшняя Нѣмецкая оперная труппа на дняхъ отправлена въ Москву.

— На Французской сценѣ давали въ Субботу, 12-го Сентября, прелестную комедію *Un voyage à Pontoise*, въ бенефисъ Г-жи Дегранжъ.

П А Р И Ж Ъ.

Августъ былъ чрезвычайно бѣденъ; всего играно на всѣхъ Парижскихъ Театрахъ

только 13 новыхъ пьесъ, написанныхъ 16-ю авторами. Этотъ мѣсяць ознаменованъ, сверхъ того, банкротствомъ *Театра Водевилля* и закрытіемъ его. Въ числѣ новыхъ пьесъ считается 9 водевилей, иггранныхъ по большей части на малыхъ театрахъ.

— Носится слухъ, будто третій лирическій театръ въ Парижѣ будетъ выстроены изъ желѣза, въ размѣрахъ прежняго театра Фейдо. По мѣстоположенію своему между лучшимъ кварталомъ и предмѣстьями, новый театръ долженъ имѣть для дешевыхъ мѣстъ обширные амфитеатры, совершенно отдѣленные отъ первыхъ и вторыхъ ложъ, и составляющіе какъ бы особенную залу. Оркестръ будетъ помѣщенъ на гармоническомъ помостѣ, и пріобрѣтетъ такимъ образомъ двойную звучность. Провѣтриваніе залы, устроенное въ аркѣ, *лѣтомъ будетъ поддерживать прохладу*. Внутреннее украшеніе будетъ соединять законы безукоризненнаго удобства съ требованіями изящнаго вкуса.

— Появленіе на сценѣ Дюпре, послѣ отпуска, было блистательно въ отношеніи искусства и сбора. Два раза въ недѣлю, не смотря на чрезмѣрный жаръ, публика стекалась слушать знаменитаго артиста

въ *Гугенотахъ* и въ *Вильгельмъ Телль*; два раза награждала его единодушнымъ браво. Дюпре посвятилъ все время своего отпуска отдохновенію, которое не мало содѣйствовало свѣжести и силѣ его голоса, всегда исполненнаго увлекательной прелести. Оба представленія были вообще замѣчательны: Левассеръ и Г-жа Дорюсъ-Гра принимали въ нихъ обычное участіе, и всѣ остальные артисты достойно вспомоществовали имъ своими талантами. Дюпре не только пѣвецъ съ величайшими достоинствами, онъ также и композиторъ съ большимъ дарованіемъ. Для лирическаго общества въ Брюсселѣ, онъ написалъ нѣсколько весьма замѣчательныхъ хоровъ, подъ названіемъ: *Наканунъ победы*.

Théâtre des Folies Dramatiques. — *Sur la rivière*, водевиль въ одномъ дѣйствіи. Театръ представляетъ рѣку, и актеры помѣщаются на прачешномъ плоту. Плотъ стоитъ именно на томъ мѣстѣ, гдѣ любить удить рыбу одинъ господинъ, служащій въ Парижскомъ ломбардѣ. Этотъ господинъ въ отчаяніи; онъ увѣряетъ, что прачки распугали у него рыбу, между тѣмъ какъ въ Сенѣ, вмѣсто рыбы, плаваютъ мертвыя кошки, такія же собаки, старые башмаки и другіе обитатели, непривлекательные для рыболова. Это, впрочемъ, составляетъ аксесуаръ, нѣсколько оживляющій собственно *интригу* пьесы, которая состоитъ въ слѣдующемъ. Одна хорошенькая прачка любитъ какого-то молодого человѣка, который прѣзжаетъ къ плоту и толкуетъ съ нею о любви. Но мать прачки предпочитаетъ ему франта, очаровывающаго ее своими маншетами и галстухами, какъ вдругъ франтъ этотъ совершенно компрометируетъ себя въ глазахъ ея, компроментируетъ тѣмъ, что забываетъ въ жилетѣ записку, изъ которой открывается, что онъ заложилъ портретъ свой прежней любовницы, вскорѣ послѣ того также являющейся на сцену. Любовница эта даже принуждаетъ своего

невѣрнаго жениться на ней, а хорошенькая прачка, съ своей стороны, получаетъ позволеніе выйти за того молодого человѣка, котораго любитъ.

Théâtre des Délassemens Comiques. — *Le droit d'aînesse* водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ. Основная идея этой пьески (авторъ ея извѣстный Альберикъ Секонъ) парадоксальна. Донынѣ всѣ думали, что тамъ, гдѣ существуютъ важныя права первородства, гораздо лучше родиться первымъ, чѣмъ вторымъ. Но Г. Секонъ увѣряетъ въ противномъ: онъ выводитъ на сцену старшаго сына одного Лорда, и заставляетъ его терпѣть пропасть бѣдъ. Въ заключеніе пьесы, этотъ несчастный старшій сынъ Лорда даже уступаетъ свое невѣсту своему младшему брату, довольно по порядочному негодяю.

— Мендельсонъ пишетъ, для Парижа, музыку на либретто, сочиненное Скрибомъ.

— Рашель, по окончаніи своихъ представленій въ Брюсселѣ, намѣревалась ѣхать въ Гентъ, гдѣ думала дать два вечера (*soirées*), а какъ Гентскій Театръ въ томъ закрытъ, то знаменитая актриса положила *прочитать* въ концертной залѣ главные сцены своего репертуара. Французскіе журналы замѣчаютъ, что нельзя одобрить актрису, прибѣгающую къ такому средству даже для денежныхъ выгодъ. «Какое бы ни было достоинство дикціи Г-жи Рашель, сказано въ одномъ журналѣ, мы полагаемъ, однакожъ, что ея талантъ, по преимуществу драматическій, долженъ имѣть свое мѣсто на сценѣ, потому что здѣсь только можетъ выказаться вполне. Вечера декламациі кажутся намъ непростительнымъ уродованіемъ таланта.»

ЛОНДОНЪ

Въ нынѣшній сезонъ, Италіянская Опера въ Лондонѣ представила любителямъ музыки лишь двѣ новинки, *Дондизетти Гемма ди Вержи* и *Меркаданта Елена да Фелтре*. Только первая опера

была принята съ нѣкоторымъ одобреніемъ, но вообще объ не возвысили здѣсь славы своихъ авторовъ, и едва ли будутъ вторично представлены. Болѣе счастливы, къ чести Англійской публики, были двѣ возобновленныя оперы, Фіораванти, *Деревенскія пѣвицы* и Моцарта *Così fan tutte*. Сверхъ того, въ репертуарѣ находились слѣдующія четырнадцать старыхъ оперъ: Люція ди Ламмермуръ, Любовный Напитокъ, Торкватто Тассо, Лукреція Борджія, Анна Болеа и Робертъ Деверё (Дондзетти); Норма, Беатриса ди Тенда, *la Somnambule* и Пуритане (Беллини); Севильскій Цирюльникъ и Отелло (Россини); Донъ Жуанъ, Моцарта; Тайный бракъ, Чимарозы. Слѣдовательно, изъ всѣхъ 18-ти представленныхъ оперъ, были 7 Дондзетти, 4 Беллини, 2 Россини и по одной Моцарта, Фіораванти, Чимароза и Меркаданте. Къ этому должно причислить нѣсколько отдѣльныхъ сценъ изъ *Клятвы Меркаданте*, *Малекъ-Адела*, Косты, *Пирата Беллини* и *Моисей Россини*.

— Въ Лондонѣ думаютъ основать постоянный Французскій Театръ.

— Брансочетаніе Миссъ Аделаиды Кемблсъ Графомъ Сартори происходило недавно въ Глазговѣ. Однако жъ, знаменитая пѣвица исполнить въ будущемъ сезонѣ на Ковентгарденскомъ Театрѣ главную роль въ Россиніевой *Семирамидѣ*, переводъ которой на Англійскій языкъ порученъ Шорлею.

— Танцовщица Черитто развѣзжаетъ теперь по главнымъ городамъ Англій; но къ будущему сезону ее ожидаютъ въ Лондонѣ.

ГЕРМАНИЯ.

— Мира, бывший администраторъ Парижской Большой Оперы, набираетъ труппу пѣвцовъ, съ которыми намѣренъ путешествовать по Германіи и давать тамъ концерты.

— Вотъ краткій перечень Вѣнскихъ сценическихъ новостей въ последнее время: Въ Вѣнѣ были представлены, въ пер-

вый разъ: *Der alte Herr*, комедія въ двухъ дѣйствіяхъ; сочинительницы комедіи *der Oheim*. Большой успѣхъ. *Lord wider Willen*, комедія въ двухъ дѣйствіяхъ, перев. съ Французскаго. Успѣхъ. *Ritter Heinrich von Greyerz, und die Sennerin*, романтическая драма, В. А. Гессе. Большой успѣхъ.

На Театрѣ an der Wien, при представленіи драмы: *König Richard in Palästina, oder: Englands Reichspanier*, были употреблены, вмѣсто рисованныхъ, настоящія деревья и цвѣты. Публика приняла эту затѣю съ такимъ же одобреніемъ, какъ и въ прошломъ году. Роль Ричарда занималъ Г. Кунстъ. Кстати о Г. Кунстѣ: онъ игралъ на Леопольдштадтскомъ Театрѣ *тридцать* разъ.

Карль Девриентъ заключилъ свои гостинныя роли въ Вѣнѣ ролью Лорда Гарлейга въ переведенной съ Французскаго драмѣ: *Wahn und Wahnsinn*.

Бекманъ уѣхалъ изъ Вѣны въ Берлинъ. Слышно, что онъ скоро снова возвратится туда, съ тѣмъ, чтобы поселиться тамъ.

— Нестрой возвратился въ Вѣну изъ своего артистическаго путешествія.

— Г-жа Джентильмо окончила свои гостинныя представленія въ Берлинѣ. Въ продолженіе одного мѣсяца, она пѣла, съ самымъ блестящимъ успѣхомъ, двѣнадцать разъ (въ томъ числѣ, въ однихъ *Джубелинахъ* пять разъ). Впрочемъ, она предполагала снова прѣхать въ Берлинъ и сыграть тамъ еще нѣсколько гостинныхъ ролей въ теченіе нынѣшняго мѣсяца.

— Въ Мюнхенѣ была представлена, въ первый разъ, драма Гальма: *Der Sohn der Wildniss*. Она имѣла тамъ огромный успѣхъ.

— Слышно, что Эмиль Девриентъ и Портъ просили въ Дрезденѣ объ увольненіи отсюда, для того чтобы первый могъ провести зиму въ Петербургъ, а второй поступить въ Ганноверъ, главнымъ режиссеромъ; но что, будто бы, имъ отказано въ этой просьбѣ.

ШВЕЙЦАРІЯ.

Празднество Гельветическаго Музыкальнаго Общества продолжалось три дня, въ теченіе которыхъ даны были два концерта, банкеты и балъ. Ораторія Мендельсона произвела на слушателей невыразимое впечатлѣніе. Во второмъ концертѣ, изъ инструментальныхъ піесъ была исполнена одна увертюра съ большимъ оркестромъ Граста, сочинителя патриотической кантаты. Она очень понравилась. Пѣвица Ганглеръ съ рѣдкимъ совершенствомъ передала лучшія мѣста изъ *Crociata*. Изъ пѣвцовъ обратилъ на себя особенное вниманіе Манжи, голосъ котораго имѣетъ поразительное сходство съ голосомъ Нурри, въ лучшую пору знаменитаго артиста.

ИТАЛІЯ.

Французская драматическая труппа думаетъ отправиться въ Италію. Въ числѣ ангажированныхъ сюжетовъ называютъ Гастона, на роли первыхъ любовниковъ, который хотѣлъ дебютировать во Французской комедіи, но увлекся желаніемъ совершить артистическое путешествіе; упоминаютъ еще о Г-жѣ Герве (Hervey), бывшей общницѣ Французскаго Театра, и о другихъ отличныхъ арти-

стахъ. Дювернуа, прежній директоръ Гагскаго Театра, находится въ главѣ предпріятія.

КИТАЙ.

Въ Пекинѣ, какъ видно изъ послѣднихъ заграничныхъ извѣстій, была представлена, 14-го Февраля, оперетта, подъ названіемъ: *Си-Сянъ-Ки, или западный увеселительный домикъ*, соч. Г. Ли-Чшонъ-Гу. Содержаніе ея весьма просто. Оно состоитъ въ слѣдующемъ: Студентъ правъ, Чшангъ, ѣдетъ въ Пекинъ держать экзаменъ на адвоката. Но одинъ Бонза говоритъ ему, что онъ не имѣетъ ни какого призванія къ этому быту, и студентъ остается въ Го-Нанъ-Фу, для того, чтобъ узнать истину въ тамошнемъ храмѣ Фо. Вдругъ, въ одномъ увеселительномъ домикѣ, смѣжномъ съ храмомъ, видитъ Чшангъ вдову одного мандарина, какую-то Г-жу Тсуи, и хорошенькую дочку ея, Ингъ-Ингъ. Студентъ влюбляется въ эту дѣвушку, спасаетъ ее и Г-жу Тсуи отъ какой-то опасности, дѣлается адвокатомъ и женится на первой изъ нихъ. Піеса эта имѣла огромный успѣхъ. Ей предсказываютъ въ Пекинѣ, по крайней мѣрѣ, *дѣлсти* представленій.

7942 6985

ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМІЯ
 Драматическая
 ИМЯ
 ДРАМЫ